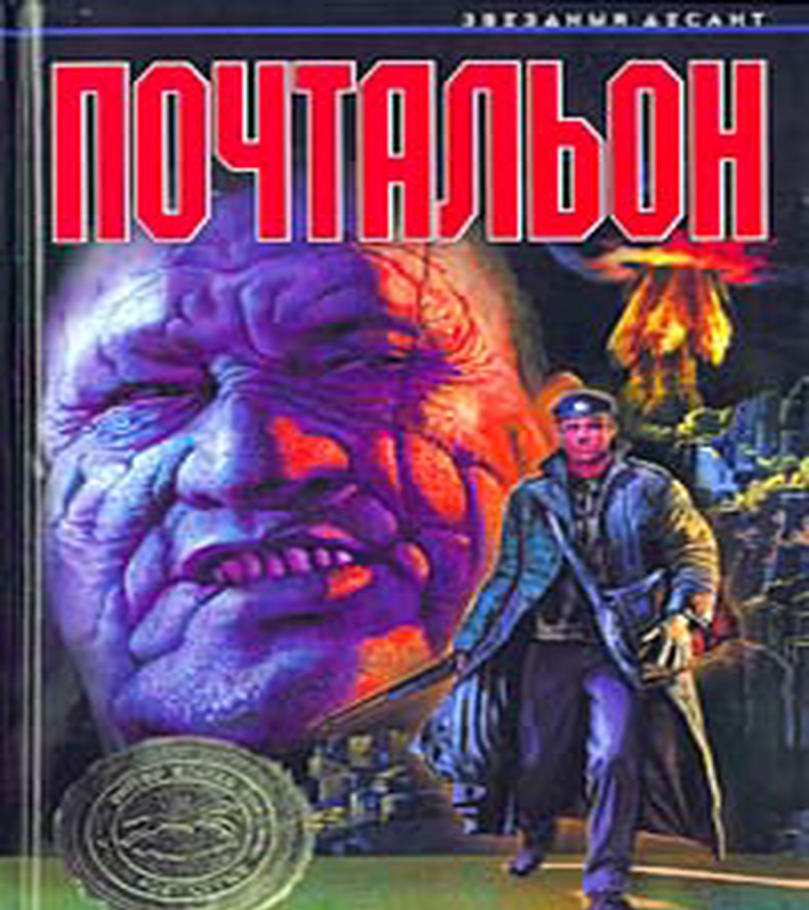
ЗВЕЗДНЫЙ ДЕСАНТ

ПОЧТАЛЬОН



ДЭВИД БРИН

Почтальон
Дэвид Брин

Аннотация
Дэвид Брин. Почтальон
Прелюдия. Тринадцатилетняя оттепель.
Часть первая. Каскадные горы.
1
2
3
4
5
6
7
8
Интерлюдия
Часть вторая. Циклоп.
1
2
3
4
5
6
7
8

9
10
11
12
Интерлюдия
Часть третья. Цинциннат
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
Интерлюдия
Часть четвёртая. «... ни хаос»

1
2

Аннотация

Шестнадцать лет прошло с тех пор, как на Земле произошла атомная катастрофа. Позади остались Трехлетняя ядерная Зима, годы скитаний, эпидемий и голода. Теперь, вопреки анархии, вопреки варварству и жестокости нового века, начинается возрождение американской цивилизации из постъядерных руин. Лидером объединения становится Гордон Кранц — человек, называющий себя Почтальоном. Страна вновь обретет мир и единство, но прежде Гордону и его соратникам предстоит кровавая война с армией холнистов — отпетых головорезов, «мастеров выживания»...

Дэвид Брин
Почтальон

Посвящается Бенджамину Франклину, хитроумному гению, и Лисистрате, которая пыталась...

Прелюдия. Тринадцатилетняя оттепель.

По-прежнему пронзительно выли ветры. И все так же выпадал снег вперемешку с пылью. Однако древнему Океану некуда было спешить.

Земля шесть тысяч раз обернулась вокруг своей оси с тех пор, как взметнувшееся ввысь пламя испепелило города. Теперь, спустя шестнадцать лет, обратившиеся в пепел леса не исходили уже облаками дыма, превращавшими день в ночь.

Шесть тысяч раз озаряли землю ярко-оранжевые рассветы, обязанные своим великолепием тысячам и тысячам тонн пыли, в которую превратилась поднятая стенным смерчем в стратосферу горная порода и плодородный слой почвы. Атмосфера стала пропускать меньше солнечного света и охлаждалась все больше.

Теперь уже в общем-то не имело значения, что было всему причиной — падение гигантского метеорита, извержение чудовищного вулкана или ядерная война. Привычный режим

температур и атмосферного давления нарушился, и это породило ураганные ветры.

Север укутало закопченными снегами, которые кое-где не таяли даже летом.

Один лишь Океан, неподвластный времени, упорно не замечал происходящего. Мгла нехотя рассеивалась. На рассеете Океан, растревоженный бурей, поднимал сердитый рев. А мелководные моря цепенели, скованные непробиваемыми льдами.

Однако последнее слово оставалось за Океаном, и оно еще не было произнесено.

Земля не прекратила своего вращения. Там и с ям уцепившиеся за нее люди продолжали бороться за жизнь.

От Океана веяло ледяным дыханием, снова предвещающим зиму.

Часть первая. Каскадные горы.

1

Сознание человека, повергнутого ниц, захлебывающегося кровью и ощущающего острый аромат смерти, способно на странные причуды. Даже проведя половину жизни на краю гибели, в отчаянной борьбе за выживание, Гордон не мог не подивиться цепкости своей памяти, одарившей его давно позабытой картиной, — и именно сейчас, в минуту смертельной опасности!

Отчаянно ловя ртом воздух в высохшей рощице, куда он заполз в поисках укрытия, Гордон неожиданно ясно — яснее, чем зрелище пыльных камней у себя под носом, — вспомнил нечто, являвшее собой разительный контраст с его теперешним состоянием: зал университетской библиотеки в незапамятные времена, тихий дождь за окном, навсегда утраченный безмятежный мир, наполненный книгами, музыкой, беззаботным философствованием на сытый желудок.

И слова на странице.

Пробираясь ползком сквозь плотные заросли папоротника, он почти что видел эти буквы, вы-

веденные черным по белому. Пусть имя автора никак не шло ему на память, сами слова горели перед глазами, как огненные знаки.

"Ничто, помимо самой Смерти, не может именоваться «полным» поражением... Не может быть катастрофы, сокрушительность коей воспрепятствовала бы решительному человеку что-то да выудить из пепла — пусть рискуя всем, что у него или у нее еще осталось...

Нет на свете ничего опаснее отчаявшегося человека".

Гордон был бы не прочь взглянуть сейчас на давно почившего автора этих строк. Вот бы его сюда! Интересно, усмотрел бы он хоть тень величия в такой катастрофе?

Колючие ветви кустарника исцарапали его до крови. Он старался ползти совершенно бесшумно, замирая и плотно зажмуриваясь всякий раз, когда от набившейся в ноздри густой пыли им овладевало желание оглушительно чихнуть. Расстояние, которое ему удалось преодолеть под прикрытием кустарника, было смехотворно маленьким, к тому же он не имел представления, куда, собственно, направляется.

Еще несколько минут назад Гордон роскошествовал, как только может в такие времена

роскошествовать одинокий путник. И вот теперь у него не осталось ничего, кроме дырявой рубахи, линялых джинсов да мокасин — причем и это быстро приводилось в негодность колючками.

Каждое новое движение обжигало руки и ноги нестерпимой болью. Однако ему не оставалось ничего другого, кроме как упорно ползти вперед по этим сухим, трескучим джунглям, уповая на то, что выбранный путь не приведет его прямиком в лапы недругов — тех, которые и так уже нанесли ему пожалуй что смертельный удар.

Наконец, когда Гордон уже отчаялся выбраться из кустарника, впереди, в образовавшемся просвете, замаячил скалистый склон. Вырвавшись из плена колючек, он поспешно перевернулся на спину и уставился в мутное небо, готовый возблагодарить провидение уже за то, что вдыхает воздух, не переполненный жаром тления.

«Добро пожаловать в Орегон, — с горечью подумал он. — А я-то думал, что хуже Айдахо ничего не бывает».

Он попытался протереть глаза — пока полз, их запорошило пылью. Возможно, он просто состарился для подобных упражнений. В конце концов, он уже преодолел рубеж тридцатилетия — следовательно, протянул дольше, чем суждено

обычному страннику, пережившему Катастрофу.

«О боже, как бы мне хотелось снова очутиться дома!»

Но он не думал о Миннеаполисе, городе среди прерий. Сегодня прерии обернулись адом, бегство из которого заняло у него более десяти лет. Нет, «дом» означало для Гордона нечто большее, нежели просто определенное место, город, где ему довелось жить.

«Гамбургер, горячая ванна, музыка... зеленка от порезов... Холодное пиво...»

Теперь, совладав с дыханием, он уже мог различать посторонние звуки, и их невозможно было с чем-либо спутать: до его ушей доносился шум, производимый грабителями, орудовавшими на расстоянии сотни футов ниже по склону. Они делили добро Гордона между собой и не могли удержаться от довольного смеха.

«...и парочка дружелюбных полисменов, дежурящих по соседству», — дополнил Гордон каталог прелестей навечно исчезнувшего мира.

Бандиты застали его врасплох, когда он попивал у костра вечерний самбуковый чаек. С первого же взгляда на их разгоряченные физиономии Гордону стало ясно, что им ничего не стоит прикончить его на месте. Не став дожидаться,

пока они примут соответствующее решение, он плеснул кипятком в лицо самому первому, бородатому, и нырнул в спасительные заросли. Вдогонку прозвучали два выстрела, потом все стихло. Видимо, грабители предпочли не тратить на него драгоценных пуль. Им хватило и его добра. Ведь они воображают, что завладели всем его достоянием...

Осторожно приподнимаясь, Гордон горько усмехнулся. Он долго устраивался на каменном выступе, пока не пришел к убеждению, что его не смогут заметить снизу. Теперь настал момент расстегнуть пояс и, сняв с него наполовину полную флягу, сделать долгий, жадный глоток.

Спасительная паранойя! Ни разу после Светопреставления он не оставлял ремень дальше трех футов от себя. Ремень и оказался единственным предметом, который ему удалось прихватить перед прыжком в заросли.

Темно-серый металл револьвера 38-го калибра поблескивал даже сквозь слой пыли. Гордон извлек его из кобуры, любовно обдул и осторожно проверил. Негромкий щелчок подтвердил, что с механизмом все в порядке. С каким мастерством изготовлялись такие игрушки в прежней жизни! Даже в науке убивать старый мир достиг совер-

шенства.

«Именно что в науке убивать!» — одернул себя Гордон.

Из-под скалы донесся раскатистый смех.

Обычно он путешествовал с четырьмя патронами в барабане. Сейчас настал момент вытащить из патронташа еще два бесценных патрона. Осторожность при обращении с огнестрельным оружием не была больше его главной заботой, тем более что он не надеялся дожить до рассвета.

«Шестнадцать лет погони за мечтой... — размышлял Гордон. — Сперва бесконечная, заранее обреченная на поражение борьба с непосредственными последствиями катастрофы, затем судорожные попытки выжить в Трехлетнюю зиму, а потом более десяти лет беспрерывных скитаний, шарахания от эпидемий, бегства от голода, сражений с проклятыми холнистами и стаями диких псов...» Полжизни он провел, как бродячий менестрель из глубин средневековья, лицедействуя ради куска еды, который позволил бы протянуть еще хоть день, приближающий...

К тому месту, где...

Гордон тряхнул головой. В этих мечтах не было ни капли новизны. Дурацкие фантазии, лишенные в теперешнем мире права на суще-

ствование.

«К тому месту, где объявятся люди, способные принять на себя ответственность...»

Дурацкие мечты! Чего бы он ни искал, долгий поиск, похоже, обречен закончиться здесь, сегодня, в иссушенных, холодных горах, в местности, звавшейся когда-то Восточным Орегоном.

По звукам, доносившимся снизу, Гордон определил, что бандиты собирают награбленное, готовясь покинуть место поживы. Густые заросли колючего кустарника заставляли его вслепую строить догадки, однако вскоре из-за сосен выступил коренастый человек в выцветшей куртке; путь его лежал на северо-восток, дальше по тропе, сбегающей по склону.

Одеяние коренастого подтвердило впечатление, возникшее у Гордона в те несколько секунд, что он видел своих обидчиков. По крайней мере они не были облачены в воинский камуфляж, по которому можно безошибочно узнать «мастеров выживания» — последователей Холна.

Обыкновенные, заурядные грабители, чтоб им изжариться в аду! Раз так, у него появилась отчаянная надежда, что только что зародившийся в голове план имеет толику шансов на успех. Малую толику...

На бедрах первого бандита болталась принадлежавшая Гордону всепогодная куртка-ветровка. В правой руке он нес тяжелый дробовик, которым Гордон разжился еще в Монтане.

— Пошевеливайтесь! — крикнул бородатый, оборачиваясь. — Хватит восторгов! Собирайте барахло, и вперед!

«Вожак», — догадался Гордон.

Вторая личность — еще более низкорослая и обтрепанная, отягощенная рюкзаком и винтовкой, торопилась следом за бородатым.

— Тьфу ты, ну и тяжесть! Это дело надо будет отпраздновать. Принесем все и будем королями, верно, Джэс? — Низкорослый скакал на месте, как птичка. — Представляю себе, как выпучат глаза Шеба и остальные девчонки, когда мы расскажем им, какого кролика спугнули! Надо же, драпануть с этакой прытью! — Он хихикнул.

Гордон нахмурился: обобрали и вдобавок оскорбили. Повсюду, где ему довелось побывать, он сталкивался с одним и тем же — бессердечием, поразившим людей после Катастрофы. Сам он так и не сумел с этим освоиться. Пригнувшись, Гордон набрал в легкие побольше воздуха и прокричал:

— Не советовал бы тебе рассчитывать на вы-

пивку, братец Медведь! — Волнение сделало голос более пронзительным, чем ему хотелось. Что ж, тут он бессилен.

Коренастый мешком рухнул в пыль и отчаянно заработал локтями, стремительно отползая за ствол ближайшего дерева. Тощий грабитель, наоборот, задрал голову.

— Что такое? Кто это там?..

Гордон почувствовал облегчение. Их поведение подтвердило: эти мерзавцы — никакие не «мастера выживания», тем более не холнисты. В противном случае они бы давно его прикончили.

Остальные бандиты — всего Гордон насчитал пятерых — поспешили вниз, таща награбленное.

— Ложись! — скомандовал вожак из укрытия. Тощий спохватился, что торчит на виду, и поспешно присоединился к сообщникам, нырнувшим в траву.

Осторожность проявили все, кроме одного — болезненно-бледного человека с запорошенными сединой бакенбардами, выбивающимися из-под горской шляпы. Этот и не подумал прятаться; зажав зубами сосновую иголку, он не сводил глаз с кустарника.

— По какому поводу переполох? — беззаботно

спросил он. — Мы застали его почти в исподнем. У нас его дробовик. Давайте узнаем, чего он хочет.

Гордон пока не осмеливался толком выглянуть и получше присмотреться, однако не мог не отметить, как манерно тянет слова Седой. Он был единственным чисто выбритым членом шайки, кроме того, одежда его поражала чистотой и ухоженностью.

Повинуясь ворчанию вожака, Седой, пожав плечами, отступил за раздвоенную сосенку.

— Вы меня слышите, мистер Кролик? — продолжил он беседу. — Сожалею, что вы поторопились исчезнуть и не пригласили нас попить чайку. Впрочем, зная, как обходятся с чужаками Джэс и Малыш Уолли, я не склонен осуждать вас за прыткость.

— Вы меня слышите, мистер Кролик? — продолжил он беседу. — Сожалею, что вы поторопились исчезнуть и не пригласили нас попить чайку. Впрочем, зная, как обходятся с чужаками Джэс и Малыш Уолли, я не склонен осуждать вас за прыткость.

Гордон был далек от того, чтобы клюнуть на удочку показного добродушия, однако счел возможным снова подать голос:

— Я так и рассудил. Благодарю за понимание

моих обстоятельств, не позволивших мне проявить должное гостеприимство. Между прочим, с кем я имею честь беседовать?

Седой широко улыбнулся.

— Как видно, нам посчастливилось встретить образованного человека. Весьма рад! Давненько не слыхивал культурной речи. — Он учтиво стянул с головы шляпу и поклонился. — К вашим услугам: Роджер Эверетт Септен, в былые времена — член рядовой биржи Тихоокеанского побережья, а ныне — один из ограбивших вас. Что касается моих коллег...

Кусты заходили ходуном. Септен выслушал замечания коллег и пожал плечами.

— Увы, — прокричал он Гордону. — При нормальных обстоятельствах я бы не устоял перед соблазном содержательной беседы; уверен, вы соскучились по общению не меньше моего. На беду, предводитель нашего скромного братства головорезов настаивает, чтобы я узнал, чего вам угодно, и закруглялся. Так что выкладывайте, мистер Кролик. Мы внимательно слушаем.

Гордон мотнул головой. Собеседник определенно гордился своим юмором, однако юморок был на самом деле третьесортным, даже по теперешним стандартам.

— Как я заметил, вы прихватили не все мое снаряжение. Ух не решили ли вы ограничиться только тем, что вам необходимо, оставив вещи, без которых мне не выжить?

Из кустов донеслось издевательское хихиканье, превратившееся в какой-то лягушачий хор. Роджер Септен огляделся и беспомощно воздел руки, демонстрируя этом жестом, что уж он-то, по крайней мере, способен оценить иронию, с какой задал свой вопрос Гордон.

— Увы, — ответил он. — А ведь я намекал своим соратникам на такой вариант. К примеру, нашим женщинам могут пригодиться ваши алюминиевые шесты для палатки и каркас для рюкзака, зато сам нейлоновый рюкзак и палатку я предлагал оставить, ибо они нам ни к чему. В некотором смысле мы так и поступили. Не думаю, однако, что повреждения, нанесенные этим предметам Уолли, будут встречены вами с одобрением.

Из кустов снова послышалось мерзкое хихиканье. Гордон приуныл.

— А как насчет моих ботинок? Вы все, как я погляжу, отменно обуты. Неужто они кому-то из вас впору? Оставили бы хотя бы их! Вместе с курткой и перчатками.

Септен кашлянул.

— Ну да. Главные ваши драгоценности — помимо дробовика, разумеется, который не может служить предметом переговоров.

Гордон сплюнул. «Конечно, идиот! Только трепач говорит об очевидном». До его слуха донесся приглушенный голос вожака, ответом которому было новое хихиканье.

— Мой предводитель спрашивает, что вы способны предложить взамен, — бывший биржевой маклер понуро вздохнул. — Я, разумеется, знаю, что у вас ничего не осталось, но спросить обязан.

На самом деле у Гордона имелось кое-что, способное их заинтересовать: например, компас и швейцарский армейский нож. Однако каковы его шансы остаться в живых, если он согласится на обмен? Не обязательно обладать способностями телепата, чтобы смекнуть: эти негодяи всего лишь потешаются над жертвой.

Гордон задохнулся от ярости; особенно его бесило ложное сострадание, разыгрываемое Септеном. За годы, прошедшие после катастрофы, он не раз становился свидетелем, как у образованных когда-то людей цивилизованные манеры сочетаются со звериной жестокостью. Подобные субъекты заслуживали большего презрения, нежели те, кто просто опустился, не в силах про-

тивостоять восторжествовавшему варварству.

— Послушайте! — крикнул он. — Вам же не нужны эти чертовы башмаки! Как не нужна моя куртка, зубная щетка, блокнот. Эта зона чиста, так зачем вам понадобился мой счетчик Гейгера? Я не настолько глуп, чтобы рассчитывать на возвращение дробовика, но без остального мне совсем крышка, будьте вы прокляты!

Эхо проклятия ринулось вниз по склону, подобно камнепаду; когда оно отзвучало, установилась тишина. Потом раздался хруст кустарника, и вожак поднялся во весь рост. Пренебрежительно плюнув в ту сторону, где, по его мнению, прятался ограбленный, он щелкнул пальцами, требуя внимания остальных.

— Теперь я знаю, что он безоружен, — сказал вожак. Сведя густые брови на переносице, он погрозил кулаком Гордону. — Лучше беги, Кролик, иначе мы спустим с тебя шкуру и зажарим на ужин. — Подхватив дробовик, он повернулся и преспокойно зашагал по тропе. Остальные потянулись за ним, все еще посмеиваясь.

Роджер Септен иронично пожал плечами, потом с улыбочкой подобрал свою долю добычи и догнал сообщников. Минута — и все скрылись из виду, однако до Гордона еще долго доносилось

чье-то радостное посвистывание.

Болван! Как ни слабы были его шансы, теперь он окончательно все испортил, попытавшись воззвать к их разуму и состраданию. В эпоху, когда все решают клыки и когти, к гуманности прибегают только от бессилия. Неуверенность бандитов мигом исчезла, стоило ему по глупости предложить им дележку по справедливости.

Конечно, он мог бы пальнуть из револьвера, потратив бесценный патрон на доказательство того, что с ним следует считаться. Это вынудило бы их отнестись к нему серьезно...

«Почему я не пошел на это? Неужто от страха? Возможно, — признал он. — Вполне вероятно, что уже ночью я подохну от переохлаждения, однако это случится еще через несколько часов, а значит, остается пока абстрактной угрозой, куда менее пугающей, нежели пятеро безжалостных бандитов, вооруженных дробовиком».

Он со злостью ударил по левой ладони кулаком.

«Брось, Гордон! Психоанализом ты займешься на ночь глядя, когда тебя охватит предсмертное оцепенение. Пока же достаточно того вывода, что ты — первостатейный дурак и тебе грозит скорый конец».

Он неуклюже поднялся и стал осторожно спускаться по склону. Он еще не был готов к отчаянному поступку, однако все больше проникался убеждением, что из постигшего его несчастья может существовать всего один выход, да и тот казался нереальным.

* * *

Выбравшись из рощи, Гордон заторопился к ручью, чтобы освежить лицо и промыть наиболее болезненные порезы. Потные волосы липли ко лбу, царапины ужасно саднило, но ни одна не выглядела достаточно опасной, чтобы заставить его прибегнуть к склянке с йодом, хранившейся в кармашке ремня.

Наполняя флягу водой, он погрузился в раздумья. Кроме револьвера и изодранной одежды, карманного ножа и компаса, при нем остался также миниатюрный набор рыболовных принадлежностей, который мог пригодиться, если бы ему удалось спуститься с гор и добрести до достойного внимания водоема. И, разумеется, десять запасных патронов для револьвера — священные реликвии индустриальной цивилизации.

В самом начале, во время бунтов и великого голода, казалось, что боеприпасов хватит на

веки вечные. Если бы на рубеже веков Америка запасала съестное хотя бы с половиной того рвения, с каким ее граждане обзаводились горами патронов, то...

Гордона ждала его разоренная стоянка; ему так не терпелось до нее добраться, что он еще сильнее поранил об острые камни и так поврежденную левую ногу. Как ни прискорбно, приходится признать, что он недалеко уйдет в своих драных мокасинах. А изорванная одежда явно окажется столь же подходящей защитой в ледяную ночь в горах, как слезные мольбы в качестве средства, должного тронуть заскорузлые бандитские сердца.

Полянка, на которой он всего час тому назад разбил лагерь, теперь пустовала, однако хаос, царивший там, оправдывал самые худшие его опасения. Палатка была превращена в груду узких нейлоновых полосок, спальный мешок — в облако гагачьего пуха. Нетронутыми остались лишь тонкий лук, который он недавно вырезал из елового ствола, да моток тетивы из оленьих жил.

Не иначе, они приняли лук за дорожный посох. Спустя шестнадцать лет после того, как огонь поглотил последний завод, злодеи, ограбившие Гордона, совершенно не учли потенциальной

ценности лука с натянутой тетивой в тот недалекий день, когда выйдут последние боеприпасы. Сейчас он воспользовался им как палкой, роясь в мусоре и пытаясь выудить хоть что-то еще.

Невероятно! Они прихватили его дневник! Этот лицемер Септен, наверное, предвкушает, как будет упиваться откровенными страницами во время снегопада, цокая языком над чужими злоключениями и чужой наивностью, в то время как кости автора станут обгладывать пумы и клевать ястребы.

Все съестное пропало, разумеется, до последней крошки: вяленое мясо, крупа, приобретенная в одной деревеньке в Айдахо в обмен на песенки и рассказы, пригоршня окаменевшей карамели, которую он раскопал в стальном брюхе ограбленного еще до него автомата.

"Черт с ней, с карамелью, — думал Гордон, выуживая из пепла свою сломанную, безнадежно загубленную зубную щетку. — Но зачем им понадобилось делать еще и *это*?"

Ближе к концу Трехлетней зимы, когда остаток его взвода все еще защищал хранилища сои в Уэйне, штат Миннесота, выполняя давний приказ правительства, о котором никто не слыхивал уже много месяцев, пятеро его товарищей скончались

от ураганного воспаления ротовой полости. Они погибли страшной, бесславной смертью, и никто не мог сказать, чем была вызвана инфекция — бактериологическим оружием или холодом, недоеданием и полнейшим отсутствием элементарной гигиены. С тех пор боязнь гнилых зубов неотступно преследовала Гордона.

— Мерзавцы! — прошипел он, отбрасывая бесполезную щетку. Напоследок он еще раз пнул ногой кучу хлама. Ничего такого, что заставило бы его задержаться тут, так и не попалось на глаза.

«Не тяни! — одернул себя Гордон. — Марш! Вперед!»

Сперва он ковылял медленно, но потом обрел второе дыхание и двигался вниз по склону, заросшему сухим лесом, стремительно и бесшумно.

Коренастый предводитель шайки пообещал зажарить его на ужин при следующей встрече. В начале эры всеобщего упадка каннибализм стал распространенным явлением; вдруг в здешних горах люди приохотились к вкусу «постной свининки»? И все же он обязан внушить бандитам, что с человеком, которому нечего терять, следует считаться.

Преодолев с полмили, Гордон уже изучил их

следы: двое обуты в мокасины из оленьей шкуры, у троих — ботинки на добротной довоенной подошве. Шайка двигалась не спеша, и настигнуть ее не представляло особого труда.

Впрочем, у Гордона сложился иной план. Он вспомнил свое утреннее восхождение, когда шел тем же путем, но в противоположную сторону. Тропа здесь извивается, уходя на север и постепенно утрачивая крутизну; сперва она ведет по восточному склону, а потом сворачивает на юго-восток, спускаясь в лежащую внизу пустынную долину. Почему бы ему не срезать повыше и не пересечь склон? Тогда он бы смог обрушиться на бандитов до наступления сумерек, пока они не ожидают никаких неприятностей. Только бы найти проход...

Тропа уходила под уклон вместе с удлиняющимися тенями, туда, где простирались пустыни восточного Орегона и Айдахо. Либо вчера, либо этим утром ничего не подозревающий Гордон, вероятно, попался на глаза часовым, выставленным шайкой, поэтому они преспокойно настигли его, когда он разбил лагерь. Где-то тут, неподалеку от тропы, должно находиться их логово...

Даже при его хромоте Гордону удавалось двигаться бесшумно и быстро — в этом мокасины по

крайней мере превосходили ботинки. Скоро до его ушей долетели голоса.

Шайка! Бандиты посмеивались, обмениваясь шуточками, слышать которые Гордону было нестерпимо больно. Дело не только в том, что они глумились над ним. Бессердечная жестокость теперь стала неотъемлемой частью жизни; не находя в себе сил смириться с ней, Гордон по крайней мере сознавал, что лично он представляет собой осколок XX века, занесенный в одичавшее сегодня. Однако самый звук заставил его вспомнить смех совсем других людей, грубые шутки — веселье друзей, когда-то деливших с ним опасности.

Дрю Симмс — веснушчатый парень с подкупающей улыбкой, непобедимый шахматист и картежник: убит холнистами, захватившими Уэйн и спалившими элеваторы...

Тайни Кайлр — он дважды спасал Гордону жизнь; на смертном одре, мучимый страшной болезнью — свинкой, косившей в ту пору людей тысячами, он желал одного — чтобы Гордон отвлекал его своими рассказами...

Еще он вспомнил лейтенанта Вана — наполовину вьетнамца, командовавшего их взводом. Только когда было уже поздно что-либо ис-

править, Гордон узнал, что лейтенант урезает собственный паек, подкармливая подчиненных. Перед смертью он попросил, чтобы его труп сожгли, завернув в американский флаг.

Гордон слишком долго скитался в одиночестве. Общества стоящих людей ему не хватало так же отчаянно, как и женского.

Не сводя глаз со стены кустарника слева, он достиг прогалины, по которой как будто можно было спуститься напрямик и перебраться на северный склон. Гордон бросился наперерез банде, обмирая от хруста сухих, как порох, ветвей у себя под ногами. Он припомнил хорошее местечко для засады — каменный навес над изгибом тропы. Там отлично справился бы даже самый никудышный стрелок, ибо стрелять эта позиция позволяла едва ли не в упор.

Только бы добраться туда первым...

Огорошив бандитов своим появлением, он мог бы принудить их к переговорам. У него есть неоспоримое преимущество: ему-то совершенно нечего терять. Разумный бандит предпочтет выйти из передряги живым — он еще наверстает свое. Гордону хотелось верить, что они уступят ему ботинки, куртку, кое-что из еды, дабы не лишиться одного-двух членов банды. Он тешил

себя надеждой, что обойдется без убийства.

«Боже, Гордон, когда ты повзрослеешь?!» Худшими его врагами в предстоящие несколько часов будут предрассудки гуманизма минувшего века. «Хотя бы раз в жизни ты должен проявить безжалостность!»

Пока Гордон производил свой обходной маневр, он не слышал вражеских голосов. Несколько раз ему приходилось огибать темные овраги и непреодолимые завалы. Быстрее к месту засады!

Он упорно шагал в намеченном направлении. Память подсказывала, что выбранное им для засады местечко расположено в конце длинного отрезка тропы, ведущего на север от восточного склона горы.

Он выбрался на узкую звериную тропу, позволившую ускорить шаг; время от времени ему приходилось останавливаться среди сосен, чтобы свериться с компасом. Трудность заключалась в том, что, желая приблизиться к врагу незамеченным, он должен был все время держаться выше банды, рискуя при этом проскочить мимо, забравшись слишком высоко. Тем временем неуклонно близились сумерки.

Выйдя на маленькую поляну, он спугнул стайку диких индюшек. Разумеется, возвращение дичи

объяснялось уменьшением плотности населения, однако свидетельствовало также о том, что он очутился в краю более богатом водой, чем засушливые земли Айдахо. Ему еще может пригодиться лук — если, конечно, он успеет научиться точной стрельбе прежде, чем замерзнет.

Уже чувствуя беспокойство, Гордон начал спуск. Он надеялся, что главная тропа вьется где-то пониже, совсем рядом — если только он не отклонился слишком далеко на север.

Наконец до него дошло, что звериная тропа уводит его чересчур круто к западу. Кроме того, пробираясь по ней, он, вопреки своим намерениям, оказывался все выше, приближаясь к очередному ущелью, где сгущался вечерний туман.

Гордон остановился, чтобы отдышаться и собраться с мыслями. Возможно, перед ним лежит желанный проход сквозь холодный и не балуемый дождями хребет Каскадных гор, ведущий в долину реки Уилламетт, а оттуда — к побережью Тихого океана... Карты он лишился, однако знал, что переход в этом направлении протяженностью в две недели приведет его к воде, человеческому жилью, кишащим рыбой речным потокам, дичи, на которую можно охотиться,

а то и...

А то и к людям, пытающимся навести в своей жизни подобие порядка. Солнечный свет, проникавший сквозь завесу мглы, напомнил ему отблеск городских огней; нечто подобное уже давно манило его, заставляя идти вперед. Начав путешествие на Среднем Западе, он с тех пор так и не оставлял своих бесплодных поисков. Мечта, в безнадежности которой он не сомневался ни минуты, отказывалась покидать его душу.

Гордон тряхнул головой. Хребет наверняка встретит его снегом, пумами, голодом. Но он все равно не отступит от своего плана. Иначе ему не выжить.

Он попытался спуститься ниже, но узкие звериные тропы упрямо вели его на северо-запад. Теперь он не сомневался, что проскочил намеченное для засады местечко. Однако густые заросли препятствовали движению куда-либо, кроме маячившего впереди ущелья.

Гордон был так удручен неудачей, что не обращал внимания на долетавшие уже какое-то время до его ушей звуки. Наконец, сделав над собой усилие, он замер, вслушиваясь.

Голоса ли это?

Впереди открывалась пропасть. Приблизив-

шись к обрыву, он попытался получше разглядеть гряду гор, окутанных густым маревом; западные склоны отливали сейчас янтарем, там же, куда более не могли заглянуть солнечные лучи, скалы зловеще чернели.

Насторожившие Гордона звуки доносились откуда-то снизу, с востока. Теперь он не сомневался, что это именно голоса. Гордон пригляделся и различил внизу подобие тропы на склоне. Еще через мгновение он увидел движущееся сквозь заросли яркое пятно.

Бандиты! Но почему они снова поднимаются? Этого не может быть! Разве что...

Разве что сам Гордон отклонился далеко на север от маршрута, которым следовал накануне. Он безнадежно проворонил место для засады и оказался далеко в стороне. Бандиты карабкались по ложбине, которую он не удостоил вчера вниманием и которая должна привести их в незнакомое ему ущелье, совсем не в то, где он попал впросак.

Они возвращаются в свой лагерь!

Гордон осмотрел склон. Теперь он заметил на западе малоприметную выемку, которую очень удобно оборонять и почти невозможно обнаружить по чистой случайности. Он мрач-

но усмехнулся и тоже устремился в западном направлении. Прощай, засада. Впрочем, поторопившись, он может оказаться в бандитском логове прежде хозяев и поживиться там чем-нибудь полезным — едой, одеждой, заплечным мешком.

Только вот загвоздка: вдруг логово не пустует? Что ж, в таком случае он попытается взять в заложницы женщин и вступить с бандой в переговоры с позиции силы.

Замечательно! Это все равно, что сжимать в руке гранату с выдернутой чекой. Ни одна из открывавшихся перед ним возможностей не прельщала его.

Гордон пустился бегом, ныряя под низкие ветви и не обращая внимания на деревца помельче. Не снижая скорости, он поймал себя на том, что испытывает восторг преследования. Сейчас, имея ясную цель, он почти полностью избавился от обычно терзавших его сомнений. Кровь бурлила, он не бежал, а летел, сокрушая все преграды. Вот он взмыл над трухлявым стволом, перегородившим тропу...

Приземление сопровождалось нестерпимой болью: что-то острое проткнуло ветхий левый мокасин насквозь. Гордон рухнул лицом вниз на

камни, устилавшие дно пересохшего ручья.

Превозмогая боль, он открыл наполнившиеся слезами глаза и обнаружил, что напоролся на толстую ржавую проволоку, валявшуюся здесь не иначе как с довоенных времен. Рана болела так, что впору было лишиться чувств; однако Гордон по привычке поймал себя на вполне рациональном течении мыслей.

«Последнюю прививку против столбняка мне делали восемнадцать лет тому назад. Очень мило!»

Впрочем, крови он не обнаружил. Спасибо и на этом. Зато он здорово подвернул ногу и сейчас разминал пальцами бедро и стискивал зубы, борясь с судорогой.

Наконец ему немного полегчало. Добравшись ползком до поваленного ствола, Гордон ухитрился принять сидячее положение. Он все еще не разжимал зубов, дожидаясь, когда отпустит боль. Тем временем шайка проследовала неподалеку, но чуть ниже по склону, лишив его форы во времени и в расстоянии, на которой строились все его расчеты. Значит, придется расстаться с заманчивым планом опередить их и пошуровать в их логове. Он еще долго напрягал слух, пока удаляющиеся голоса не стихли окончательно.

Опираясь на лук как на посох Гордон попытался встать. Осторожно ступив на левую ногу, он обнаружил, что, пожалуй, сможет идти, хотя боль еще не отпустила. Лет десять назад он не обратил бы на подобную мелочь внимания и не прервал бы забега. Взгляни действительности в глаза, Гордон: ты вышел в тираж, износился. В наши дни дожить в одиночестве до 34 лет — это все равно, что заглянуть в лицо смерти.

О засаде теперь не могло быть и речи. О преследовании бандитов — тоже. Он не мог надеяться выследить их безлунной ночью.

Чувствуя, что боль понемногу проходит, Гордон сделал несколько осторожных шагов. Оказалось, что он способен передвигаться, даже не опираясь на палку. Чудесно! Только куда теперь держать путь? Может, потратить оставшееся светлое время суток на поиск пещеры или хотя бы кучи сосновых иголок, чего угодно, лишь бы это позволило пережить ночную стужу?

Заранее ежась от холода, Гордон наблюдал за тенями, ползущими по дну пустынной долины и надвигающимися на окружающие скалы. Покрасневший солнечный диск посылал последние лучи, опускаясь меж двух снежных вершин по левую руку от него.

Он стоял лицом к северу, собираясь с силами, чтобы снова пуститься в путь, когда внезапно в глаза ударила мгновенная вспышка света — закатное солнце отразилось от чего-то в зелени леса на противоположной стороне узкого ущелья. Все еще оберегая поврежденную ногу, Гордон сделал несколько шагов вперед.

Лесные пожары, бушевавшие в засушливых Каскадных горах, пощадили эту часть хребта. В сохранившихся зарослях, однако, находилось нечто, отражавшее солнечный свет подобно зеркальцу. Гордон понимал, что с горного склона солнечный зайчик можно заметить лишь с определенной точки и в строго определенное время суток — именно отсюда и именно сейчас.

Выходит, он ошибся: бандиты свили гнездышко вовсе не в ложбине выше и дальше к западу, а гораздо ближе. Ему повезло: он обнаружил их.

«Значит, мне пожалована соломинка во спасение?» Он не знал, благодарить или укорять провидение за проявленное к нему милосердие. «Мало мне, что ли, бед и без этой последней насмешки?»

Надежда была для него привычным наркотиком. Именно надежда заставляла его все эти годы стремиться на запад. Ощущение обреченности

отступило, и скоро он уже поймал себя на том, что строит новые планы.

Можно ли забрать свои вещи из хижины, набитой вооруженными людьми? Гордон представил себе, как с одного удара выбьет дверь, как прочтет изумление в широко распахнутых глазах, как, держа их на мушке, свяжет всех одной рукой.

Почему бы и нет? Они вполне могут оказаться пьяными, он же достаточно отчаялся, чтобы не брезговать любой возможностью. Еще одна богатая идея — заложники. Черт возьми, даже коза, дающая молоко, должна быть для них ценнее его башмаков. Не говоря уже о заложнице-женщине — это же превосходная база для переговоров!

Собственные глупые мысли заставили его поморщиться. Все зависит от того, проявит ли главарь шайки способность к рациональным поступкам. Сможет ли этот мерзавец признать силу отчаяния, владеющего загнанным в угол человеком, и дать ему уйти со всем, что тот сочтет нужным забрать?

Гордон часто становился свидетелем того, как гордыня принуждала людей совершать непоправимые глупости. Если дело дойдет до погони, то ему крышка: сейчас он не сможет тягаться в скорости даже с барсуком.

Глядя на звездочку света с противоположной стороны ущелья; он тем не менее пришел к выводу, что у него нет иного способа выжить.

Сперва он двигался к цели томительно медленно. Нога все еще болела, к тому же через каждые сто футов он останавливался, чтобы разглядеть следы неприятеля и запутать собственные. Поймав себя на склонности шарахаться от каждой тени как от вражеской засады, молча выругался. В конце концов, эти люди — не холнисты. Более того, Гордон уже окрестил их лентяями. Он догадывался, что их посты, если таковые вообще выставлены, расположены гораздо ближе к лагерю.

В сумерках он уже не мог разглядеть на камнях никаких следов, однако теперь уверенно продвигался в намеченном направлении. Нечто, отражавшее свет, пропало из виду, зато он прекрасно видел вход в боковое ущелье и, ступив на тропу, ведущую примерно в нужном направлении, прибавил шагу.

Становилось все темнее. С гор тянуло холодом. Гордон оставил позади очередное пересохшее русло и стал карабкаться с помощью лука-посоха на противоположный склон. Когда от цели его отделяло, согласно расчетам, менее четверти ми-

ли, тропа вильнула в сторону, и Гордон застрял в зарослях. Он загораживал лицо локтями, чтобы не исцарапаться, и отчаянно боролся с желанием всласть чихнуть из-за поднятой им густой пыли.

С вершин гор вниз сползал промозглый ночной туман. Еще немного — и под ногами заблестит изморозь. Гордон поежился, но не столько от холода, сколько от нервного напряжения. Он знал, что цель близка. Ему предстояла встреча со Смертью — и тут уж кто кого.

В юности ему приходилось читать о героях, вымышленных и существовавших в действительности. Почти все они обладали способностью отринуть в решающий момент собственные тревоги, смятение, застилающую глаза ярость и вспоминали обо всем этом только позже, в более подходящей обстановке. Однако Гордон был слеплен из другого теста. Вместо решительности его все больше одолевали сомнения и даже угрызения совести.

Сомневался он не в правильности принятого решения. Стандарты его теперешней жизни требовали именно таких действий, и никаких иных. Это был единственный способ выжить. Даже если ему суждено сейчас погибнуть, то он хотя бы унесет с собой в могилу нескольких негодяев, чем

облегчит задачу следующим за ним путникам.

Однако по мере приближения схватки он все яснее сознавал, что не желает такой развязки. На самом деле ему вовсе не хотелось убивать этих людей. Он был таким всегда, даже в те дни, когда служил в крохотном взводе лейтенанта Вана и сражался во имя поддержания мира и сохранения хотя бы осколка нации, которую уже настигла смерть. Если потом он избрал жизнь менестреля, странствующего лицедея и время от времени наемного работника, то причина отчасти заключалась в том, что ему хотелось всегда находиться в пути, ибо так было больше надежды увидеть свет.

Некоторые выжившие после войны общины принимали в свои ряды чужаков. Желаннее всего были, естественно, женщины, но порой и мужчинам не давали от ворот поворот. Однако здесь нередко таилась ловушка: слишком часто новичку приходилось участвовать в дуэли, чтобы, умертвив соперника, завоевать право восседать за общинным столом; либо приносить как доказательство своей доблести скальп человека из враждебного клана. Настоящих холнистов осталось уже немного как на равнинах, так и в Скалистых горах. Однако в попадавшихся на

его пути поселениях выжившие люди слишком часто требовали соблюдения ритуалов, вызывавших у Гордона непреодолимое отвращение.

И чего же он добился? Сейчас он пересчитывает пули, холодно отмечая про себя, что боеприпасов хватит, чтобы расквитаться со всеми бандитами до последнего.

Поперек пути встал новый раскидистый куст, усыпанный не столько ягодами, сколько шипами. Гордон решил его обойти, соблюдая в сгущающихся сумерках удвоенную осторожность. Его чувство направления — безошибочное после четырнадцати лет скитаний, как автоматический прибор — не давало сбоев. Двигался он бесшумно, предаваясь мех тем невеселым мыслям.

Если разобраться, то остается лишь недоумевать, как такой человек, как он, прожил столь долго. Все, кого он знал прежде, кем восхищался в юности, погибли, унеся с собой надежду. Приятный мир, созданный специально для таких мечтателей, как он, развалился, когда ему было всего восемнадцать. Прошло немало времени, прежде чем он осознал, что его неиссякаемый оптимизм, похоже, сродни помешательству с оттенком истерии.

Черт возьми, а кто в эти дни не безумен?

«Никто, — отвечал он себе. — Однако паранойя и депрессия вполне объяснимы при сложившихся обстоятельствах. Идеализм же — просто признак глупости».

Мазок синевы, замеченный уголком глаза, заставил Гордона остановиться. Вглядевшись в заросли, он обнаружил на расстоянии всего одного фута россыпь голубики, почему-то пропущенную медведем. Туман обострил обоняние Гордона, и он сумел различить слабый аромат ягод.

Не обращая внимания на колючки, он запустил руку в заросли и набрал целую гореть голубики. Через секунду он ощутил на языке сладость самой Жизни.

* * *

Сумерки сменились тьмой; в небе загорелись едва видные звездочки. Ледяной ветер задувал под изодранную рубаху Гордона, напоминая, что пора довести начатое до конца, иначе его пальцы онемеют от холода и он даже не сможет спустить курок.

Вытерев сладкие от ягод руки о штаны, он вышел из-за кустов. Внезапно футах в ста от него блеснуло стекло, отразившее последний луч за-

ката. Гордон тут же шарахнулся назад, осторожно достал револьвер и долго сжимал левой рукой правое запястье, чтобы унять дрожь. Настала время проверить, в порядке ли револьвер. Раздался уверенный щелчок. Запасные патроны оттягивали нагрудный карман его рубахи.

Готовясь к прыжку, он откинулся спиной на стену кустарника, смирившись с уколами шипов, и напоследок прикрыл глаза, призывая себя к спокойствию и милосердию. В промозглой тьме Гордон слышал только собственное дыхание, да еще ритмичный стрекот кузнечиков. Вокруг свивался в кольца холодный туман.

«Что ж, — со вздохом заключил он, — иного пути нет». Держа револьвер наготове, он выглянул из укрытия.

Его взору предстало нечто странное. Удивительнее всего было то, что стеклянная панель оказалась совершенно темной. Загадкам не было конца; Гордон отказывался найти объяснение встретившей его тишине. Он полагал, что бандиты разведут огонь и будут шумно праздновать свою удачу.

Темнота уже до того сгустилась, что он не различал собственной руки. Вокруг высились деревья, напоминавшие сейчас гигантских трол-

лей. Стеклянную панель окружало нечто темное; в стекле смутно отражались чуть светлеющие на западе облака. Между Гордоном и его находкой проплывали клочья тумана, отнюдь не помогая лучше видеть и соображать.

Он медленно двинулся вперед, все время поглядывая под ноги. Не хватало только наступить на сухой сук или напороться на острый камень!

Когда он снова поднял глаза, ему показалось, что он утратил связь с реальностью. То, к чему он приближался, не было похоже ни на что из того, что он был готов здесь обнаружить. Застекленный предмет больше всего напоминал ящик с большим окном в верхней части. Низ, впрочем, больше походил на крашеный металл, нежели на доски. По углам...

Туман неожиданно сгустился. Гордон сообразил, что заблуждался с самого начала. Он ожидал набрести на дом; сейчас, подобравшись ближе, обнаружил, что его отделяет от находки куда меньшее расстояние. Ее очертания казались ему все более знакомыми, напоминающими...

Случилось неизбежное: под ногой хрустнула ветка. Треск наполнил его уши, как раскат грома, и он мгновенно растянулся на земле, отчаянно вглядываясь в темноту. Его глаза обладали сейчас

невероятной зоркостью, порожденной страхом; казалось, еще минута — и его взор пронзит туман.

И верно, туман послушно рассеялся. Зрачки Гордона расширились: оказалось, что он находится в какой-то паре метров от окна, в котором сейчас отразилась его физиономия с выпученными от ужаса глазами и всклокоченными волосами. Но в окне он увидел не только себя: из полутьмы за стеклом его приветствовал оскалом голый череп.

Гордон отпрянул, чувствуя, как по его спине с шуршанием путешествует легион мурашек. Револьвер беспомощно повис в упавшей руке, рот беззвучно раскрылся. Он тонул в тумане, ожидая дальнейших доказательств собственного безумия; при этом ему все же очень хотелось, чтобы мертвая голова оказалась обманом зрения.

«Увы, бедный Гордон!..» Жуткий образ Смерти, на который наложилось сейчас его отражение в стекле, покачивался, приглашая новичка в свою компанию. Еще ни разу за все эти страшные годы овладевшая миром Смерть не являлась ему в виде призрака. Голова Гордона сделалась пустой до звона в ушах; он и помыслить не мог, чтобы отклонить предложение этого обитателя замка

Эльсинор. Он прирос к месту, не в силах отвести взгляд и пошевелиться. Череп — и его, Гордона, лицо... Его лицо и череп... Он был сражен без боя, и победитель довольно ухмылялся, празднуя победу.

Спасение явилось Гордону в виде банального, обезьяньего рефлекса.

Даже самое кошмарное, пригвождающее к месту зрелище не может заставить человека стоять не шелохнувшись до скончания века, тем более когда ничего нового не происходит. Пускай его покинула смелость, и образованность только добавила ужаса, да и нервная система — и та не поспешила на выручку, — тут-то свое слово скажет скука.

Гордон услыхал хриплый присвист, с которым вырывался из его груди воздух. Сам того не желая, он медленно отвел глаза от лика Смерти. Инстинкт без помощи рассудка отметил, что стеклянное оконце является частью двери. Ниже располагалась ручка. Слева находилось еще одно оконце. Справа же... справа была крышка.

Крышка капота джипа.

Это оказался давно брошенный, насквозь проржавевший джип с древними эмблемами правительства Соединенных Штатов; внутри

джипа был заперт скелет давно почившего государственного служащего, чей череп усмехался, таращась на Гордона сквозь окошко со стороны правого сиденья.

Гордон выдохнул сразу всей грудью, как удавленник, с горла которого сдернули веревку, ощущая одновременно облегчение и замешательство. Выпрямляясь, он испытал те же ощущения, с которыми входит в мир новорожденный. Гордон тоже родился сейчас во второй раз.

— О боже! — произнес он, лишь бы услышать звук собственного голоса. Торопливо, помогая себе взмахами рук, он обошел машину, то и дело оглядываясь на ее мертвого хозяина; движения помогли ему освоиться с реальностью. Глубоко дыша, Гордон чувствовал, как успокаивается пульс и стихает шум в ушах.

Немного погодя он уселся на землю, привалившись спиной к холодной дверце джипа. Все еще не в силах унять дрожь, он убрал револьвер в кобуру. Потом припал губами к фляжке и утолил жажду долгими глотками. Он предпочел бы сейчас что-нибудь покрепче, но и вода принесла немалое облегчение.

Темная, пронизывающая до костей ночь вступила в свои права. Тем не менее Гордону потребо-

валось некоторое время, чтобы истина предстала перед ним по всей неприглядности. Теперь ему ни за что не отыскать бандитского логова, ибо он, обманувшись, забрался слишком далеко. Впрочем, джип может послужить каким-никаким укрытием, раз уж в округе не наблюдается ничего более подходящего.

Он с кряхтением поднялся и взялся за ручку на дверце, с трудом припоминая движения, бывшие когда-то более знакомыми двум сотням миллионов его соотечественников, чем обычная ходьба. Немного посопротивлявшись, дверца распахнулась, издав пронзительный скрип. Устроившись на потрескивающем виниле сиденья, Гордон огляделся.

Джип оказался с правым рулем — такие машины использовались в незапамятные времена, еще до Светопреставления, почтовым ведомством. Мертвый почтальон — вернее то, что от него осталось, — занимал совсем немного места. Гордон старался не смотреть в его сторону.

Багажный отсек джипа был забит брезентовыми мешками. В тесной кабине устоялся плотный запах старой бумаги, и этот запах заглушал аромат мумифицированных останков.

Не веря еще в свое счастье, Гордон вцепился в

укрепленную в зажиме стальную фляжку. Внутри раздалось бульканье. Раз после шестнадцати или даже более лет в ней оставалась жидкость, значит, она была закрыта герметически. Попытавшись свинтить крышку и не добившись успеха, Гордон разразился проклятиями. С силой несколько раз ударив крышкой о дверцу, он возобновил попытки.

Только когда у него на глазах выступили слезы отчаяния, крышка поддалась. Еще немного — и усилия были вознаграждены: крышка провернулась на ржавой резьбе, и ему в нос ударил пьянящий, давно забытый аромат виски.

«Вдруг я и впрямь был хорошим мальчиком? Вдруг Бог и впрямь существует?»

Сделав большой глоток, он закашлялся, гортань опалило огнем. Еще два глотка поскромнее — и он с блаженным стоном откинулся на спинку сиденья.

Пока еще Гордон не чувствовал себя готовым стащить с узких плеч скелета плотную кожаную куртку почтальона. Вместо этого он обложился мешками, на каждом из которых красовался штамп «Почтовое ведомство США». Неплотно прикрыв дверцу, чтобы не перекрывать доступ в кабину свежего горного воздуха, он зарылся в

мешки, не выпуская из рук фляжку.

Наконец, набравшись храбрости, он взглянул на хозяина джипа, сосредоточив внимание на изображении американского флага на рукаве его куртки. Сняв с фляжки крышку, он с благодарностью поднес ее к провалу в черепе, там, где у хозяина машины когда-то был рот.

— Не знаю уж, поверите ли вы мне, мистер Почтальон, но я всегда считал, что такие ребята, как вы, заняты добрым и честным делом. Для многих вы были козлами отпущения, но я знаю о вашей непростой работенке. Я гордился вами, даже до войны. А тут еще это, мистер Почтальон. — Он поднял фляжку. — Это превосходит все ожидания. Значит, я не напрасно платил налоги.

Произнеся свою речь, он выпил за почтальона, откашлялся и почувствовал, как по всему телу разливается чудодейственное тепло.

Погрузившись в мешки с почтой еще глубже, он снова перевел взгляд на кожаную куртку. Ее распирали ребра мертвеца, рукава свисали под невероятными углами. Лежа без движения, Гордон ощутил грусть, похожую на тоску по дому. Джип, верный своему долгу разносчик писем, претендующий на роль символа, наклейка с флагом на рукаве... Все это напоминало о канувшем

в небытие комфорте, безгреховности и сотрудничестве, легкой жизни, позволявшей миллионам мужчин и женщин отдыхать, улыбаться, пускаться в споры, если им приходила такая блажь, проявлять друг к другу терпимость — и надеяться, что с течением времени они станут лучше...

Сегодня Гордон был готов убивать и быть убитым. Теперь же он радовался, что этому не суждено случиться. Они окрестили его «мистером Кроликом» и бросили умирать. Однако ему дарована привилегия, о которой им необязательно знать: он отмахивается от бандитов, как от безмозглой деревенщины, и предоставляет им шанс жить дальше как заблагорассудится.

Гордон приготовился ко сну, снова полный оптимизма, — глупый анахронизм в теперешнем мире. Лежа под импровизированным одеялом из мешков с почтой, он радовался тому, что не уронил свою честь. Потом он уснул, и ему пригрезились параллельные миры...

2

Изломанные сучья и иссушенную кору старого дерева облепил перемешанный с сажей снег. Дерево еще не совсем погибло. Там и сям виднелись слабые зеленые ростки, у которых, впрочем, не было шансов уцелеть. Конец был близок.

По стволу скользнула тень, к дереву прибило ветром странное существо — старого, израненного обитателя поднебесья, уже заглянувшего, подобно дереву, в глаза смерти.

Понуро свесив крылья, существо принялось вить гнездо — место, где ему предстояло встретить смерть. Оно неуклюже подбирало на земле веточки и складывало их в кучку, пока не сделалось ясно, что получается вовсе не гнездо, а погребальный костер.

Взгромоздившись на хворост, окровавленное, полумертвое существо затянуло прощальную песнь, подобной которой еще не слыхивали в этом мире. Хворост объяло пламя, и свет его озарил существо. Наконец ввысь рванулся синий язык пламени.

И дерево ожило: мертвые сучья потянулись к теплу, как руки старика, измученного холодом.

Снег стал таять и падать пластами с воспрянувших ветвей, зелень принялась прибывать на глазах, наполняя воздух запахами жизни.

Правда, существу на погребальном костре не суждено было возродиться, что удивило Гордона даже во сне. Огромная птица сгорела дотла, оставив после себя лишь горстку пепла.

Зато дерево зацвело, и с его чудесных ветвей стали подниматься в воздух другие крылатые создания. Приглядевшись, Гордон перестал дышать: то были воздушные шары, самолеты, ракеты. Сон есть сон...

Рукотворные создания разлетались в разные стороны, наполняя небеса гулом надежды.

3

На капот джипа плюхнулась сорока, с рассвета охотившаяся за жуками. Дважды издав торжествующее квохтанье — первый раз обозначая занятую территорию, второй раз просто ради забавы, — она принялась выстукивать клювом проржавевшую и густо усыпанную сором поверхность.

Стук нарушил сон Гордона. Он разлепил заспанные глаза и разглядел через пыльное стекло разгуливающую перед самым его носом птицу. Ему потребовалось какое-то время, чтобы вспомнить, где он находится. Ветровое стекла, приборная панель, запах металла и бумаги — все казалось продолжением ночных грез о добрых довоенных деньках. Он долго моргал, приходя в себя и расставаясь с образами, населявшими его сновидения. Потом решительно протер глаза и взглянул в лицо реальности.

Если бы накануне, устремившись сюда, Гордон не оставил за собой пролома в зарослях, под стать слону, ему бы сейчас не о чем было тревожиться. Впрочем, то обстоятельство, что виски пролежало здесь нетронутым шестнадцать лет,

подтверждало его мнение о бандитах как о лентяях. Они довольствовались все теми же тропами и местами засад и даже не позаботились как следует облазить собственную гору.

Гордон помотал отяжелевшей головой. К началу войны ему исполнилось всего восемнадцать, он учился на втором курсе колледжа и еще не успел привыкнуть к крепкому спиртному. После пережитых вчера невзгод и страхов виски попросту свалило его наповал, и сейчас ему трудно было разжать зубы и толком продрать глаза.

Потерянные богатства вспоминались теперь с удвоенным сожалением. Этим утром он не сможет попить чайку, вытереться после умывания полотенцем, побаловаться вяленым мясом, почистить зубы...

Однако Гордон не утратил философского взгляда на действительность. Главное — он остался в живых. Он подозревал, что еще успеет оплакать каждый из отобранных у него накануне предметов по отдельности. Оставалось только надеяться, что счетчик Гейгера избежит этой участи. Радиация была одной из главных причин, заставивших его устремиться из Дакоты на запад. Он смертельно устал от необходимости повсюду повиноваться проклятому счетчику,

вечно трястись от страха, что его украдут или он поломается. По слухам, радиоактивные осадки пощадили Тихоокеанское побережье, чего не скажешь о заразе, принесенной ветрами из Азии.

В том-то и состояла основная странность этой войны. В ней не обнаруживалось даже подобия последовательности, она была воплощением хаоса. Люди так и не дождались от нее дружно предрекаемого смертельного конца. Скорее она напоминала залпы из дробовика, приносящие одну катастрофу средней разрушительности за другой. И ведь каждую из них по отдельности вполне можно было бы пережить...

Разразившаяся сперва «технологическая война» на море и в воздухе не оказалась бы столь смертоносной, если бы не распространилась на остальные континенты. Болезни нанесли Америке не такой ужасающий урон, как восточному полушарию, где бактериологическое оружие противника вышло из-под контроля и стало косить его собственное население. Многие американцы остались бы в живых, если бы не сбились в громадные толпы, опасаясь зон усиленного выпадения осадков, и не похоронили тем самым самоотверженные усилия медиков предотвратите эпидемии. Голод не добил бы страну, если

бы обезумевшее население не блокировало шоссейные и железные дороги, стремясь поставить заслон вездесущим бактериям.

Что касается вселявшего повальный страх атомного оружия, то военные успели пустить в дело лишь малую толику накопленных запасов; потом Славянское Возрождение развалилось само по себе, и Запад неожиданно для себя одержал победу. Взорвавшихся бомб хватило для того, чтобы наступила Трехлетняя Зима, но отнюдь не вековая ночь, которая отбросила бы человечество в эпоху динозавров. Был момент — и длился он несколько нескончаемых недель, — когда казалось, что человечество, чудесным образом спохватившись, спасло себя и свою планету.

Но так только казалось. Конечно, даже такого дьявольского сочетания — парочки бомб, стайки микробов и трех плохих урожаев подряд — не хватило бы, чтобы свалить великую державу, а вместе с ней и остальной мир. Дело довершила иная болезнь, наподобие рака разъедавшая человечество изнутри.

«Будь ты навеки проклят, Натан Холн», — привычно подумал Гордон. На всем погруженном во тьму континенте не было проклятия привычнее этого.

Он отпихнул мешки с почтой. Не обращая внимания на утренний холод, расстегнул на ремне левый кармашек и извлек наружу нечто, завернутое в алюминиевую фольгу, и залепленное расплавленным воском. Он давно ждал экстренного случая, и вот таковой наступил. Ему необходимо подзарядиться энергией, чтобы прожить еще один день, а кроме дюжины кубиков говяжьего бульона у него теперь ничего не осталось. Придется довольствоваться этим.

Глотнув воды из своей фляжки, чтобы смыть горьковато-соленый комок, засевший в горле после кубиков, он распахнул ногой левую дверцу джипа, не обращая внимания на несколько брезентовых мешков, вывалившихся при этом из салона на подернутую инеем землю. Спохватившись, Гордон покосился на скелет в форменном обмундировании, безропотно проведший с ним ночь.

— Что ж, мистер Почтальон, я намерен устроить вам самые почетные похороны, какие только возможны, учитывая, что я не располагаю иным инструментом, кроме вот этой пары рук. Знаю, это недостаточная плата за то, чем вы меня одарили. Однако ничего больше не могу вам предложить. — Едва не дотронувшись до плеча

скелета, он открыл дверцу со стороны водителя.

Стоило Гордону осторожно ступить на мерзлую землю, как его обутые в мокасины ноги предательски разъехались. Хорошо хоть снег не выпал. Здесь, на горе, до того сухо, что земля совсем скоро подтает, и можно будет копать.

Ржавая ручка правой дверцы поупиралась, но потом поддалась. Гордон ухитрился поймать вывалившиеся из джипа кости, обтянутые формой, в брезентовый мешок.

Сохранность трупа превосходила все ожидания. Благодаря сухому климату останки почтальона превратились в настоящую мумию, предоставив насекомым возможность без спешки сделать свое дело. Внутренность джипа за все эти годы так и не была тронута плесенью.

Сперва Гордон проверил наряд почтальона. Странно: оказывается, парень носил под форменной курткой пеструю рубаху. От нее, впрочем, почти ничего не осталось, зато этого нельзя было сказать о кожаной куртке. Вот находка так находка! Если она придется впору, это несказанно повысит его шансы на выживание.

Обувь мертвеца выглядела старой и растрескавшейся, но все равно не окончательно загубленной. Гордон аккуратно вытряхнул из ботинок

кости и приложил подошвы к собственным ступням. Разве что чуть великоваты, но все же лучше, чем его драные мокасины.

Действуя с максимальной осторожностью, Гордон переложил кости в мешок, удивляясь, что запросто справляется с этой малоприятной необходимостью. Как видно, накануне вечером его покинули последние предрассудки. Единственное, что он еще чувствовал, — подобие почтения да ироничную благодарность к бывшему владельцу всех этих вещей. Он вытряс одежду, стараясь не дышать, чтобы не наглотаться пыли, и повесил на ветку проветриваться, сам же возвратился к джипу.

Так-так! Загадка пестрой рубахи продержалась недолго. Гордон мигом обнаружил в джипе голубую форменную гимнастерку с длинными рукавами и погончиками почтового ведомства. Даже через столько лет она выглядела почти новенькой. Значит, парень имел одну рубаху для удобства, а другую — чтобы не нервировать начальство.

Гордон еще в детстве замечал за почтальонами этот грешок. Помнится, был один — развозя жаркой летней порой газеты, надевал яркую гавайскую рубашку; он же никогда не отказы-

вался от стаканчика холодного лимонада. Гордон порылся в памяти, но так и не сумел вспомнить его имя.

Приплясывая на утреннем холоде, чтобы совсем не замерзнуть, он натянул форменную рубашку. Если она и была ему велика, то лишь чуть-чуть.

«Может быть, я еще растолстею, и тогда она станет мне совсем впору», — вяло пошутил он. В свои теперешние тридцать четыре он весил меньше, чем семнадцатилетним.

В ящичке для документов Гордон обнаружил ветхую карту Орегона, вполне способную заменить ту, которой он лишился. Еще через секунду он издал радостный крик: его пальцы нащупали гладкий пластмассовый квадратик. Сцинтиллятор! Это еще лучше, чем утраченный счетчик Гейгера: уловив гамма-радиацию, приборчик станет мигать, причем без всякого источника энергии! Заслонив прибор от света, он разглядел слабые искорки, порожденные космическим излучением. Его свечение можно было не принимать в расчет.

Вот только зачем понадобилась эта штуковина довоенному почтальону? Пряча приборчик в карман брюк, Гордон недоуменно покачал головой.

Фонарь почтальона пришлось выбросить: батарейки превратились в месиво. Не забыть про рюкзак! На полу позади сиденья лежала вместительная кожаная заплечная сумка. Даже потрескавшись от сухости, лямки ее не утратили прочности, и наружные клапаны тоже были целы. Разумеется, она не заменит его рюкзак, и все же это неизмеримо лучше, чем вообще ничего. Он открыл главное отделение, и ему под ноги хлынул поток старой корреспонденции. Гордон поднял наугад несколько конвертов.

«От мэра города Бонд, штат Орегон, директору медицинского училища Орегонского университета в Юджине». Гордон прочел обращение нараспев, изображая Полония. Потом он перебрал еще несколько писем. Все адреса звучали помпезно и необыкновенно архаично.

Вот пухлое письмо от некоего доктора Франклина Дейвиса из городка Джилкрист с пометкой «срочно» на конверте, адресованное ответственному за распределение медикаментов по региону. Наверняка доктор просил удовлетворить его заявку в приоритетном порядке...

Пренебрежительная усмешка на лице Гордона сменилась озадаченной гримасой. Чем больше он перебирал письма, тем больше понимал, что

ошибся в своих ожиданиях. Он полагал, что развлечется, читая всякие необязательные депеши и личную переписку. Однако в мешке не оказалось ни одного рекламного листка. Наряду с личной корреспонденцией в мешке преобладали отправления чисто официального свойства.

Так или иначе, у Гордона не было времени для подсматривания за чужой жизнью, тем более давно завершившейся. Он решил прихватить с собой дюжину-другую писем, чтобы проглядеть на досуге, а чистые стороны листков использовать для нового дневника.

Он старался не думать о невосполнимой утрате — старом дневнике, в который он на протяжении шестнадцати лет заносил свои наблюдения и который стал теперь поживой бывшего биржевого маклера. Только и утешения, что дневник будет не просто прочтен, но и сохранен, как и томик поэзии, тоже лежавший у Гордона в рюкзаке, — если, конечно, он правильно истолковал характер Роджера Септена.

Ничего, наступит день, когда он вернет свое достояние...

Но как здесь оказался джип почтового ведомства Соединенных Штатов? И что послужило причиной гибели почтальона? Частично ответом

на эти вопросы стали пулевые отверстия в правой части заднего стекла.

Гордон взглянул на висящие на дереве вещи почтальона. Так и есть: и рубаха, и куртка продырявлены по два раза в верхней части спины.

Нападение с целью кражи автомобиля или ограбления водителя никак не могло произойти до войны. Почтальоны почти никогда не становились жертвами преступников, даже во время волнений, порожденных депрессией конца 80-х годов, предшествовавшей «золотому веку» 90-х. Кроме того, пропавшего почтальона обязательно отыскали бы.

Вывод напрашивался сам собой: нападение произошло _п_о_с_л_е Однонедельной войны. Только вот что забыл почтальон в этой безлюдной местности, когда США практически прекратили свое существование? И когда именно все это случилось?

Видимо, бедняга угодил в засаду и попытался скрыться от преследователей, воспользовавшись проселочными дорогами. Возможно, до него не сразу дошло, насколько серьезно он ранен, или он просто поддался панике.

Однако Гордона не оставляло подозрение, что существовала еще какая-то, главная причина, за-

ставившая почтальона забраться в такую глушь и искать укрытия в лесных зарослях.

— Он защищал свой груз, — наконец прошептал Гордон. — Понял, что шансов получить подмогу нет, и, чтобы не быть схваченным на дороге, предпочел расстаться с жизнью, но не отдать грабителям почту.

Значит, Гордон набрел на останки самого настоящего *послевоенного* почтальона, героя времен заката цивилизации. Ему вспомнились старомодные оды в честь почтальонов: «Ни снега, ни ураганы почтальону не преграды», и он не мог не восхититься людьми, так упорно не дававшими погаснуть еще теплившемуся огоньку нормальной, упорядоченной жизни.

Вот и разгадка преобладания официальной корреспонденции и отсутствия обычного почтового мусора... Гордон и не подозревал, что подобие нормальной жизни существовало столь долго. Естественно, семнадцатилетний новобранец и не должен был застать ничего нормального. Власть толпы и повальный грабеж в главных центрах жизнеобеспечения отвлекали основные силы военных властей, пока ополчение не прекратило существование, проглоченное возбужденными толпами, которые ему полагалось усмирять.

Если кто-то и вел себя в те кошмарные месяцы, как подобает достойным представителям рода людского. Гордону не довелось этого засвидетельствовать.

История гибели смельчака-почтальона, которую легко было себе представить, повергла Гордона в уныние. Мэры городов, университетские профессора и почтальоны, сражающиеся с хаосом... Горький привкус несбывшихся надежд слишком раздирал душу, чтобы хотелось вспоминать еще...

Гордону пришлось приложить немало усилий, чтобы открыть заднюю дверцу джипа. Отодвинув в сторону мешки с конвертами, он завладел фуражкой почтальона с почерневшей кокардой, пустой коробкой из-под еды и вещицей поценнее — темными очками, вросшими в густую пыль, покрывавшую запасное колесо.

Гордон взял в руки небольшую лопатку, ранее предназначавшуюся для того, чтобы вызволять из грязи увязшую машину, а теперь готовую превратиться в инструмент могильщика. Но, прежде чем приступить к печальной обязанности, он вытащил из кучи мешков позади сиденья водителя разбитую гитару. Крупнокалиберная пуля раздробила ее шейку. С гитарой соседствовал

полиэтиленовый пакет с добрым фунтом мелко порубленной травы, от которой исходил сильный мускусный запах. Память на запахи умирает последней: Гордон без труда узнал аромат марихуаны.

Еще несколько минут назад он представлял себе почтальона мужчиной средних лет, лысеющим приверженцем старых порядков. Теперь же ему пришлось признать свою ошибку: погибший скорее был молодым парнем, под стать ему самому в юности, — расхристанным, бородатым, с выражением вечного изумления на лице. Вероятнее всего, неохиппи — представителем только успевшего вылупиться поколения, едва заявившего о себе, когда война разом покончила со всем, что несло в себе хоть какое-то подобие оптимизма. Неохиппи, погибший, защищая государственную переписку... Гордона это нисколько не удивило. У него были друзья, тоже хиппи, искренние ребята, хоть и немного странноватые.

Он легонько коснулся гитарных струн и впервые за утро почувствовал себя виноватым. Почтальон даже не был вооружен! Гордон вспомнил, что он читал когда-то об американских почтальонах, все три года беспрепятственно пересекавших линию фронта во время гражданской войны

1860-х. Должно быть, этот парень надеялся, что его земляки уважают давнюю традицию...

Америка периода после Хаоса забыла все традиции, озабоченная только одним — выживанием. Скитания научили Гордона не удивляться тому, что в одних местах его приветствуют так же радушно, как приветствовали странствующих менестрелей в глубоком средневековье, в других же гонят прочь, обуреваемые паранойей. Но даже в тех редких случаях, когда он сталкивался с дружелюбным отношением и люди, сохранившие человеческое достоинство, готовы были приютить чужака, он очень быстро снова начинал видеть сны о летающих по небу предметах... Яркие воздушные шары, самолеты, ракеты...

Тем временем близился полдень. Найденного оказалось достаточно, чтобы у Гордона появилась уверенность, что он выживет и не вступая в поединок с бандитами. Чем быстрее он одолеет перевал и окажется в более подходящих для жизни местах, тем лучше. Он уже начал мечтать о ручье где-нибудь подальше от владений бандитов, в котором он смог бы наловить форели и утолить голод.

Но прежде он исполнит свой долг. Гордон сжал в руках лопату. Как ни силен терзающий его

голод, он выполнит обещание, которое дал этому парню.

Он огляделся, отыскивая тенистое местечко с достаточно рыхлой землей, откуда вдобавок открывался бы приличный вид.

4

— Они кричали Макбету:

Ты невредим, пока на Дунсинан
Бирнамский лес нейдет. — И вот уж лес
Пошел на Дунсинан.

К оружью, в поле!
Ведь если не обман слова гонца,
Не все ль равно, где ожидать конца
— Здесь или там.

Гордон еще крепче сжал свой деревянный меч, который смастерил из доски и донышка консервной банки, и поманил невидимого адъютанта:

Постыл мне свет дневной.
Пусть рушится весь свет вослед за мной.

Вой, ветер! Злобствуй, буря! Бей, набат!

Смерть я в доспехах встречу, как солдат!

Строки из заключительного акта трагедии В.Шекспира «Макбет» цитируются в переводе К.Корнеева

Гордон-Макбет расправил плечи, поцеловал меч и гордо направился со сцены навстречу гибели.

Выйдя из пятна света, отбрасываемого масляной лампой, он оглянулся, надеясь уловить реакцию аудитории. Его прежние выступления пришлись ей по вкусу, но урезанная версия «Макбета», впервые в истории сценического искусства разыгранная одним исполнителем, вряд ли могла быть принята на ура.

Впрочем, через секунду после его ухода со сцены раздались полные энтузиазма аплодисменты. Заводилой, как всегда, выступила миссис Адель Томпсон, предводительница этой крохотной общины. Взрослые свистели и топали ногами, выражая одобрение. Граждане помладше неумело хлопали, словно впервые в жизни принимали участие в неведомом им ритуале.

Не иначе, им полюбилась усеченная версия старой трагедии. Гордон облегченно вздохнул.

Говоря но правде, он упростил кое-что не столько ради краткости, сколько из-за того, что плохо помнил авторский текст. В последний раз он видел его лет десять тому назад, да и то в полусожженной книжке. Впрочем, последние строки он продекламировал громовым голосом: слова о ветре и о конце он никогда не забудет.

Гордон, заранее улыбаясь, вернулся на сцену — то есть на гаражный подъемник на единственной заправочной станции в крохотном селении под названием Пайн-Вью.

Устав от голода и одиночества, он рискнул испытать на гостеприимство жителей этой горной деревеньки, с полями, окруженными заборами, и домами, сложенными из толстых бревен. Попытка оказалась более удачной, чем он мог надеяться. Большинство имеющих право голоса взрослых членов общины проголосовало за то, чтобы предоставить ему еду и необходимое снаряжение в обмен на серию выступлений. Сделка состоялась.

— Браво! Чудесно! — Миссис Томпсон стояла, в первом ряду, с воодушевлением аплодируя. Эта седовласая и костлявая женщина была полна энергии; сейчас она оглядывалась на «зал», не давая аплодисментам стихнуть. Сорок с чем-то

зрителей, в том числе немалая доля детей, послушно выражали восторг. Гордон взмахнул рукой и поклонился ниже, чем когда-либо прежде.

Разумеется, его представление выглядело чистейшей воды халтурой. Однако он был единственным на площади в сто квадратных миль, кто имел хоть какое-то представление о драматическом искусстве. В Америке снова появились крестьяне, и Гордон, подобно своим предшественникам в трудном ремесле менестрелей, научился не обращать внимания на собственные неизбежные погрешности.

Отвесив последний поклон точь-в-точь перед тем, как стали стихать аплодисменты, он убрался со сцены и принялся стягивать свой маскарадный костюм. Выхода на бис не будет: он натренировался в непреклонности. Театральное действо давало ему хлеб насущный, и Гордон умел держать зрителей на голодном пайке до самого прекращения гастролей.

— Чудесно! Замечательно! — восхищалась миссис Томпсон, перехватив его в толпе зрителей, образовавшейся у стола с угощениями. Дети постарше собрались вокруг него в кружок и рассматривали, разинув рты.

Пайн-Вью был вполне процветающим селением в сравнении с голодающими деревнями как на равнинах, так и в горах. Кое-где недоставало целого поколения — так повлияла на детей Трехлетняя зима. Зато здесь ему бросились в глаза подростки и юноши, а также старики, которые приближались к пожилому возрасту еще до Светопреставления. Тут, как видно, сделали все, чтобы спасти буквально каждого. Такое случалось нечасто, но все же случалось — Гордон уже сталкивался с этим.

Страшные годы оставили свою отметину повсюду. Здесь, как в любой деревне, он заметил лица со следами страшных болезнен, истощенные голодом и войной. У двух женщин и одного мужчины были ампутированы конечности, еще у одного видел только правый глаз — левый затянуло катарактой.

Гордон успел привыкнуть к подобному зрелищу — по крайней мере, он был готов к нему в умеренных количествах. Сейчас он благодарил хозяйку:

— Спасибо, миссис Томпсон! До чего приятно слышать учтивые слова от строгого критика! Я рад, что представление пришлось вам по душе.

— Что вы, я серьезно говорю, что уже много лет

не получала подобного удовольствия, — настаивала предводительница клана, словно Гордон неумеренно скромничал. — От заключительного монолога Макбета у меня мурашки побежали по спине! Как жаль, что раньше, имея все возможности, я пропустила эту постановку по телевизору. Я и не знала, что это так здорово! А уж та вдохновляющая речь Авраама Линкольна, с которой вы выступали перед нами чуть раньше... Мы, знаете, сперва попытались открыть здесь школу. Но у нас ничего не вышло. Все рабочие руки, даже детские, были наперечет. Теперь я снова об этом поразмыслю — а все благодаря речи Линкольна. У нас сохранились кое-какие старые книжки. Возможно, наступило время для повой попытки.

Гордон вежливо кивал. Этот синдром был ему знаком: здесь он встретил один из самых сердечных приемов за долгие годы, однако неизбежные откровения не могли его не опечалить. Воодушевление аудитории обязательно заставляло Гордона почувствовать себя шарлатаном: ведь его выступления возрождали надежду в немногих достойных людях из старшего поколения, еще помнивших былые времена... Он отлично знал, что надеждам этим суждено угаснуть уже через несколько недель, самое большее — через

месяц-другой.

Ему казалось, что семенам цивилизации требуется нечто большее, нежели просто добрая воля и прекрасные намерения стареющих выпускников колледжей. Гордон нередко раздумывал над тем, что, возможно, недостающим звеном мог бы стать правильно выбранный символ, зажигательная идея. При этом он сознавал, что его маленькие драмы, как бы ни был сердечен прием, далеко не дотягивают до того, чтобы сделаться волшебным ключиком. Из них еще могло произрасти что-то примитивное, некий порыв к цивилизации, однако местный энтузиазм неизбежно засыхал на корню. Гордон не мнил себя странствующим мессией. Легенды, которыми он подкармливал зрителей, не обладали силой, способной преодолеть инерцию беспросветности.

Время неумолимо: скоро последние представители старшего поколения сойдут в могилу и континентом будут править враждующие между собой племена. Кто знает, может, минет тысяча лет — и все начнется снова. Пока же...

Гордон был вовремя избавлен от выслушивания неосуществимых планов миссис Томпсон, вселяющих в него одну лишь печаль. Толпа выдавила из своих недр низенькую седовласую

негритянку, худую, как пугало, которая бесцеремонно схватила его за руку.

— Опомнись, Адель! — обратилась она к предводительнице клана. — Мистер Кранц с самого полудня не имел во рту маковой росинки! Если мы хотим, чтобы он выступил и вечером, то должны его как следует подкормить. Я права? — Стискивая руку Гордона, она словно дополнительно удостоверялась в его истощенности. Он и не собирался опровергать ее слова, ибо запах еды уже кружил ему голову.

Миссис Томпсон окинула негритянку гневным взглядом.

— Разумеется, Патриция. Позже мы еще вернемся к этому разговору, мистер Кранц. Пускай миссис Хаулетт попробует сделать вас немного пожирнее. — Ее улыбка и сверкающие глаза выдавали ум и нерастраченную иронию. Гордон был вынужден изменить свое мнение о миссис Томпсон: она определенно не глупа.

Миссис Хаулетт вытащила его из толпы. Гордон улыбался и покорно отвечал на приветствия тянущихся к нему рук. Широко раскрытые глаза не упускали ни одного его движения.

«Наверное, голод отточил мое актерское мастерство. Ни разу еще не видел такой реакции на

свое лицедейство! Интересно было бы разобраться, что же именно их так проняло в моей игре!»

От длинного стола с угощениями за ним наблюдала имеете с прочими молодая женщина немногим выше росточком, чем миссис Хаулетт, с глубокими миндалевидными глазами и такими иссиня-черными волосами, каких Гордон не встречал никогда в жизни. Она дважды легонько шлепнула по руке ребенка, тянувшегося к еде перед носом у почетного гостя. Встречаясь с Гордоном глазами, женщина всякий раз улыбалась.

От нее не отходил высокий, дородный молодой человек, теребивший рыжую бородку и как-то странно посматривавший на Гордона. В его взгляде читалось то смирение, то отчаяние. Не успел Гордон сообразить, что к чему, как миссис Хаулетт подтолкнула его к хорошенькой брюнетке.

— Эбби, — велела она, — давай-ка положим на тарелку мистера Кранца всего понемножку. Потом он сам решит, на чем остановить внимание. Очень рекомендую пирог с черникой: мое собственное творение.

Гордон послушно промямлил, что, пожалуй, побалуется двумя порциями пирога. Ему было нелегко оставаться дипломатом: он уже много лет не видел и не нюхал ничего подобного. За-

пахи отвлекали его и мешали сосредоточиться, оценить непонятные взгляды и тянущиеся к нему руки.

Украшением стола служила отменная фаршированная индейка. Кроме того, предлагалась горячая вареная картошка в огромной кастрюле — гарнир к вымоченному в пиве вяленому мясу с морковью и луком. Чуть дальше на столе привлекал взгляд яблочный пирог и сушеные яблоки. «Надо будет запастись всем этим перед уходом», — подумал Гордон.

Решив не терзать себя дальнейшим осмотром, он смело подставил тарелку. Принимая ее, Эбби не сводила с него глаз. Ее массивный рыжий спутник наконец раскрыл рот; пробормотав нечто невразумительное, он сжал руку Гордона в своих лапах. Гордон отпрянул, но неразговорчивый детина не отпускал руку, пока он не изобразил сердечное ответное рукопожатие. Детина снова что-то пробормотал, кивнул и отошел. Прежде чем скрыться в толпе, он чмокнул брюнетку в щеку, после чего скромно потупил взор.

Гордон растерянно заморгал. Уж не проворонил ли он какое-то важное событие?

— Это Майкл, муж Эбби, — объяснила миссис Хаулетт. — Ему надо сменить Эдварда у ловушек.

Но он все равно задержался, чтобы посмотреть ваше представление. В детстве он очень любил смотреть телевизионные постановки...

Пар, поднимающийся от тарелки, окончательно лишил оголодавшего Гордона рассудка. В ответ на его благодарность Эбби густо покраснела. Миссис Хаулетт решительно оттащила его к груде старых покрышек, служивших сиденьями.

— Вы еще успеете наговориться с Эбби, — обнадежила негритянка. — Пока ешьте. Наслаждайтесь едой.

Гордона и не требовалось уговаривать, у него только хрустело за ушами. Люди бросали на него любопытные взгляды, а миссис Хаулетт продолжала стрекотать:

— Вкусно, правда? Сидите и ешьте, забудьте о нас. Вот когда насытитесь и будете снова готовы беседовать, мы все еще раз с удовольствием выслушаем, как вы заделались почтальоном.

Гордон поднял глаза. Его окружали заинтересованные физиономии. Он поспешно глотнул пива, чтобы не обжечься горячей картошкой.

— Я обыкновенный путник, — ответил он с набитым ртом, примериваясь к индюшачьей ножке. — Ничего особенного: просто мне попалась эта одежда и сумка.

Он не возражал — пусть пялятся на него, трогают, заговаривают с ним, лишь бы не мешали есть!

Миссис Хаулетт некоторое время переваривала услышанное. Потом, не в силах сдержаться, снова заговорила:

— Когда я была девчонкой, мы угощали нашего почтальона молоком и пирожными. Мой отец всегда оставлял для него на ограде стаканчик виски под Новый год. И любил повторять для нас, детей, этот стишок — ну, вы-то его наверняка знаете: «Ни снега, ни ураганы, ни война и ни хвороба, ни бандиты и ни тьма...»

Гордон поперхнулся и взглянул на нее, желая понять, серьезно ли она говорит. Половина слов в ее изложении не соответствовала оригиналу, и неспроста... Он не собирался ее поправлять.

Правда, долго раздумывать о смысле оговорки ему не пришлось: роскошная еда снова заставила его обо ноем позабыть. В любом случае, у него не было сил разбираться, куда клонит собеседница.

— А наш почтальон *пел* для нас!

Ребяческое восклицание исходило от темноволосого гиганта с начинающей седеть бородой. Воспоминания затуманили его взор.

— По субботам, возвращаясь из школы, мы слы-

шали его пение за целый квартал! Он был совсем черный, куда чернее, чем миссис Хаулетт или, к примеру, мистер Хортон — видите? Ну и голос у него был! Наверное, потому ему и досталась эта работа. Он всегда приносил мне особые монетки — я собирал их. И звонил в звонок, чтобы вручить их мне из рук в руки.

В его голосе звучала нескрываемая зависть и тоска по минувшему.

— А когда я была маленькой, наш почтальон только посвистывал, — сказала женщина средних лет с изборожденным глубокими морщинами лицом. Ее голос звучал разочарованно. — Зато это был очень милый человек. Позже, уже когда я выросла, придя как-то раз с работы, узнала, что почтальон спас жизнь одному соседу: услыхав, что тот подавился, он делал ему искусственное дыхание, пока не подоспела «скорая».

Слушатели дружно вздохнули, словно присутствовали при повествовании о подвигах древнего героя. Воспоминания становились все более цветистыми, дети внимали им, широко раскрыв глаза. Во всяком случае, хоть и поглощенный едой, Гордон смутно сознавал, что их реакция должна быть именно такова. Скоро пошли столь невероятные подробности, в которые с трудом

верилось при всем желании.

Миссис Хаулетт тронула Гордона за колено.

— Ну, расскажите еще разок, как вы заделались почтальоном.

Гордон в отчаянии пожал плечами:

— Я нашел его вещи, только и всего! — выговорил он, не переставая жевать. Волшебные запахи, витавшие над столом, довели его до полуобморочного состояния; в то же время сомкнувшаяся вокруг толпа вселяла в него панику. Впрочем, если взрослые жители деревни предпочитают окутывать романтическим флером свои воспоминания о людях, которых они в былые времена считали мальчиками на побегушках, то это их дело. Наверное, его сегодняшнее выступление навеяло воспоминания о некотором альтруизме, который они подмечали в свое время, еще детьми, у людей, снабжавших их почтой. Сколько угодно! Пусть воображают невесть что, только бы не мешали есть!

— Вот как! — Люди переглядывались, понимающе кивали, словно в ответе Гордона содержался глубокий смысл. Он слышал, как его слова побежали по толпе, мигом достигнув ее периферии.

— Он нашел вещи почтальона и, само собой, сделался им...

Они усмотрели в его ответе нечто такое, что их умиротворило; толпа стала редеть. Лишь позднее Гордон осознал, сколь важное событие произошло в свете масляных ламп, пока он упивался давно позабытым вкусом добротной еды.

5

«...мы обнаружили, что в нашей клинике имеется большой запас разнообразных дезинфицирующих и обезболивающих средств. Насколько нам известно, в Бенде и в центрах для сбора беженцев к северу их остро недостает. Мы готовы обменять часть этих медикаментов, а также грузовик с деионизирующими очистителями, брошенный кем-то у нас, на тысячу ампул тетрациклина, чтобы спастись от эпидемии бубонной чумы, надвигающейся с востока. Возможно, мы согласились бы вместо тетрациклина и на активную культуру дрожжей, выделяющих баломицин, если бы кто-нибудь научил нас, как с ней обращаться. Кроме того, мы испытываем острую необходимость в...»

По всей видимости, мэр Джилкриста обладал недюжинной силой воли, раз ему удалось уговорить местный комитет по действиям в чрезвычайной ситуации одобрить подобный обмен. Усиленное накопление запасов, противоречившее всякой логике и исключавшее взаимопомощь, было одним из главнейших факторов, приведших к коллапсу. Гордон только

удивлялся, что в первые два года Хаоса еще оставались люди, сохранившие крупицы здравого смысла.

Он принялся тереть глаза. Чтение оказалось непростым занятием при свете двух самодельных свечек. Однако ему никак не удавалось заснуть на ложе из мягких матрасов; он готов был не смыкать глаз, лишь бы не провести ночь на полу. Сколько месяцев он мечтал именно о такой постели в именно такой комнате!

Незадолго до этого его стошнило. Неумеренное количество пищи и домашнего пива привело его от головокружительной легкости к тяжким страданиям. Несколько часов он находился где-то между этими противоположными состояниями, пока наконец не ввалился в отведенную ему комнату, почти не помня событий празднества.

На столике рядом с кроватью его ждала зубная щетка — наконец-то! — и металлический таз с горячей водой.

Мыло! Стоило ему ополоснуться, как резь в желудке сама собой утихла.

Гордон улыбнулся, увидев, что его форма выстирана и тщательно выглажена. Она лежала на стуле; дыры, которые он кое-как залатал в походных условиях, были с любовью заштопаны.

Он не мог винить жителей этого крохотного селения за то, что они упустили из виду еще одну из его насущных потребностей, нечто, без чего он столь долго обходился, что не смел сейчас и помыслить об этом. Хватит с него и того, что ему предоставлено. Он находился почти что в раю.

Нежась на ветхом, но безупречно чистом постельном белье и дожидаясь, когда же его наконец сморит сон, Гордон изучал переписку людей, давно покинувших этот мир. Мэр Джилкриста писал:

"Нам чрезвычайно трудно сладить с местными бандами «мастеров выживания». На наше счастье, все они слишком большие эгоисты, чтобы сбиться в крупные стаи. Я полагаю, пока они причиняют друг другу не меньше беспокойства, чем нам. Однако постепенно они становятся настоящей проблемой для нас.

Наш шериф постоянно попадает под обстрел хорошо вооруженных людей в армейском камуфляже. Несомненно, эти идиоты принимают его за «лакея русских» или что-то в этом роде.

Они взяли привычку охотиться, убивая в лесу все живое и заготовляя в огромном количестве мясо. Наши охотники, возвращаясь, с отвращением рассказывают, сколько дичи те переводят

понапрасну; кроме того, в самих наших охотников часто палят ни с того ни с сего.

Знаю, что могу показаться слишком настойчивым, но, когда у вас появится возможность выделить нам взвод, закончивший переселение беженцев, не поручили бы вы ему помочь нам разделаться с этими романтическими негодяями, одержимыми эгоизмом и накопительством? Надеюсь, пары подразделений американской армии хватит для того, чтобы убедить их, что война выиграна и теперь всем без исключения надо сотрудничать..."

Гордон огорченно отложил письмо.

Значит, и здесь все происходило как везде. Последней каплей стала эта чума — «мастера выживания», особенно те из них, кто провозгласил своим пророком проповедника безбрежной, жестокой анархии Натана Холна.

Одной из обязанностей Гордона в бытность ополченцем являлось искоренение небольших банд этих головорезов-горожан, помешавшихся на огнестрельном оружии. Он удивлялся, какое огромное количество укрепленных пещер и хижин этих параноиков, расплодившихся в трудные послевоенные годы, разоружает его подразделение в прерия и на островках посреди

озер.

Ирония ситуации состояла в том, что дело определенно уже шло на лад! Депрессия была преодолена, люди снова взялись за совместный труд. Если не считать горстки психов, Америку и весь остальной мир ждало блестящее возрождение. Однако все как-то забыли, сколько бед может причинить даже горстка психов.

Разумеется, когда все и впрямь рухнуло, маленькие крепости продержались надолго. Большая часть этих муравьиных бастионов в первые же месяцы по дюжине раз переходила из рук в руки, ибо они являлись естественными целями атакующих. Равнины оставались аренами сражений, пока не была расколочена последняя солнечная батарея, снесен последний дающий электроэнергию ветряк, разграблен охотниками за вожделенными наркотиками последний склад медикаментов.

Выстояли только те ранчо и деревни, где в должной пропорции сочетались стойкость, внутренняя спайка и здравый смысл. К тому времени, когда все отряды национальной гвардии геройски погибли на своих боевых постах или сами растворились среди банд рыскающих по разоренной местности «мастеров выживания»,

в живых остались лишь немногие вооруженные отшельники, первыми ушедшие в леса.

Гордон в который раз посмотрел на штамп на конверте. Два года после войны! Он покачал головой. Раньше ему было невдомек, что кто-то ухитрился продержаться так долго.

Мысль об этом причинила ему боль, как старая потревоженная рана. Неужели последние шестнадцать лет могли бы пройти совсем по-другому?..

До его слуха донесся слабый шорох. Гордон вздрогнул. Наверное, послышалось... Шорох повторился, только уже громче, и он понял, что кто-то скребется в дверь.

— Войдите, — позвал он.

Дверь наполовину приоткрылась, и Гордон увидел Эбби — хорошенькую брюнетку с по-восточному раскосыми глазами. Она смущенно улыбалась. Гордон сложил письмо и засунул его обратно в конверт.

— Хэлло, Эбби. В чем дело? — Он улыбнулся в ответ.

— Я... я пришла спросить, не нужно ли вам еще чего-нибудь, — торопливо ответила она. — Вам понравилось умывание?

— Еще как! — Гордон вздохнул, лихорадочно

прикидывая, что бы еще сказать. — Но самый ценный дар — зубная щетка. Это вообще послание с небес.

— Вы же говорили, что лишились своей. — Она опустила глаза. — У нас на складе еще осталось пять-шесть неиспользованных. Я рада, что вы удовлетворены.

— Так это была ваша идея? Низкий вам поклон. Теперь я — ваш должник.

Эбби широко улыбнулась.

— Вы читали письмо? Можно мне взглянуть? Никогда в жизни не видела письма.

— Бросьте, не такая уж вы малолетка! — Гордон усмехнулся. — Даже до войны не видели?

Эбби покраснела.

— Когда все случилось, мне исполнилось лишь четыре года. Это был такой страх, такая неразбериха, что я... почти ничего не помню.

Он прикрыл глаза. Неужто прошло так много времени? Да, шестнадцать лет — достаточный срок, чтобы все теперешние красавицы на земле не знали ничего, кроме темноты. Потрясающе!

— Тогда глядите. — Он пододвинул к кровати стул, но она обошла его и уселась прямо на постель. Гордон запустил руку в мешок, вытащил оттуда очередной ветхий, пожелтевший конверт,

аккуратно расправил листок и протянул ей.

Эбби уставилась на бумагу так сосредоточенно, что он сперва решил — она погрузилась в чтение. От усилий ее тонкие брови сошлись на переносице, однако вскоре она подняла глаза.

— Боюсь, для этого нужно уметь читать гораздо лучше, чем я. То есть я могу прочесть надпись на консервном банке и тому подобное, но у меня не было практики с написанным от руки и с... предложениями.

Последние слова она произнесла еле слышно. Девушка была смущена, но не испытывала ни малейшего страха; она полностью доверяла ему, словно пришла исповедаться. Он опять улыбнулся.

— Не беда. Я расскажу вам, о чем тут речь. — Он поднес письмо поближе к пламени свечи. Эбби придвинулась к нему и теперь сидела, почти касаясь его колен и не сводя глаз с исписанного листка.

— Письмо написал некто Джон Бриггс, из Форт-Рока, штат Орегон, человеку, у которого он прежде работал и который жил в Кламат-Фолс. Судя по изображенным на бланке станку и лошадке, Бриггс был когда-то механиком или плотником. Гм-м... — Почерк оказалось действи-

тельно нелегко разобрать. — Выходит, этот Бриггс славный малый. Он предлагает бывшему боссу прислать к нему своих детей, пока не кончится вся заваруха. Кроме того, он пишет, что у него хорошая мастерская, свой генератор и полно железа. Он спрашивает, не желает ли босс заказать чего-нибудь...

Гордон закашлялся. Он все еще испытывал похмелье, и до него только сейчас дошло, что у него на кровати сидит как ни в чем не бывало хорошенькая женщина. Промявшись под его весом, матрас заставил ее соскользнуть вплотную к нему. Гордон поспешил снова уткнуться в прыгающие строчки.

— Дальше Бриггс пишет о том, как плотина в Форт-Роке подает электроэнергию... Телефоны уже вышли из строя, но, как ни странно, он все еще имел связь с Юджином благодаря компьютерной сети...

Эбби смущенно взглянула на него. Он понял, что большая часть из того, что он рассказывает ей об авторе письма, звучит для нее тарабарщиной. «Мастерская», «компьютерная сеть» — древние магические символы, полные неведомой силы...

— Почему вы не принесли писем для нас в Пайн-Вью? — прозвучал неожиданный вопрос.

Гордон ошеломление разинул рот. Девушка отнюдь не глупа — он достаточно разбирался в людях, чтобы сделать такой вывод. Тогда почему же все то, что он говорит с первой минуты своего появления в Пайн-Вью, а потом у стола, здешние жители понимают абсолютно превратно? Она по-прежнему считала, что перед ней почтальон; того же мнения придерживались и остальные обитатели деревни.

От кого, интересно, он должен был принести для них почту? По всей видимости, она пока не сообразила, что письма, с которыми он у них появился, отправлены давным-давно, их авторы давным-давно поумирали, как и адресаты, а Гордон просто не расставался с ними... по своим соображениям.

Миф о нем как о действующем почтальоне, зародившийся в Пайн-Вью, скорее огорчил Гордона. Он усматривал в этом еще один признак вырождения умов. А ведь многие из здешних людей в свое время кончили школу, а то и колледж! Он решил огорошить их правдой, выложив все начистоту, чтобы раз и навсегда пресечь их фантазии. Прямо сейчас и начать!

— При мне нет никаких писем для вас, потому что...

Гордон запнулся. Он все больше чувствовал ее близость, ее запах, видел соблазнительные очертания ее тела. Как она ему доверяет!

Он вздохнул и отвернулся.

— При мне нет никаких писем для жителей вашей деревни, потому что... потому что я иду на запад из Айдахо, а там о вашем Пайн-Вью никто не знает. Отсюда мой путь будет лежать к океанскому побережью. Возможно, там еще остались большие города. Вдруг...

— Вдруг кто-нибудь из тамошних жителей напишет нам! Но для этого мы должны первые отправить им письма. — Эбби загорелась. — Тогда, снова проходя через наши места на обратном пути в Айдахо, вы вручите нам письма, написанные ими, и снова побалуете представлением, как сегодня. А мы уж так накачаем вас пивом и закормим пирогами, что вы лопнете! — Она даже несколько раз подпрыгнула на краю постели. — К тому времени я научусь читать гораздо лучше, чем сейчас, обещаю вам!

Гордон с печальной улыбкой покачал головой. Он не чувствовал себя вправе разрушать столь светлые мечты.

— Не исключено, Эбби, совсем не исключено. Но, да будет тебе известно, есть гораздо более

легкий способ обучиться грамоте. Миссис Томпсон выступила с предложением поставить на голосование предложение, чтобы я на какое-то время остался у вас. Полагаю, официально я бы именовался учителем, хотя мне бы пришлось доказать, что я могу также сносно охотиться и пахать. Я мог бы обучать вас стрельбе из лука...

Он умолк, заметив удивление на лице Эбби.

— Так вы не слышали? — Она покачала головой. — Голосование уже состоялось — вы как раз ушли принимать ванну. Миссис Томпсон должно быть стыдно, что она попыталась подкупить такого человека, как вы, выполняющего столь важную миссию!

Он сел в кровати, не веря собственным ушам.

— Что ты сказала? — А он-то лелеял надежду задержаться в Пайн-Вью хотя бы на холодное время года, а то и на год... Кто знает, может, он вообще осел бы здесь. Не исключено, что его покинет тяга к странствиям и он обзаведется домом...

Изумление уступило место гневу. Гордон прилагал все усилия, чтобы не выказать своих чувств. Расстаться со столь блестящей возможностью только из-за глупых ребяческих фантазий, овладевших толпой!

Почувствовав, как он взволнован, Эбби зача-

стила:

— Причины, естественно, этим не исчерпывались. Еще одна серьезная проблема состоит в том, что у нас нет для вас женщины. К тому же, — тут она понизила голос, — миссис Хаулетт решила, что никто лучше вас не поможет нам с Майклом наконец обзавестись малышом...

Гордон захлопал глазами и что-то промычал, демонстрируя полное непонимание.

— Мы стараемся уже пять лет, — объяснила она. — Мы так хотим иметь детей! Но, по мнению мистера Хортона, у Майкла не может быть своих детей, потому что в двенадцатилетнем возрасте он переболел тяжелой формой свинки. Вы ведь помните, какая тогда свирепствовала свинка?

Гордон кивнул, вспоминая потерянных друзей. Выкарабкавшиеся становились бесплодными, и как следствие возникали самые невероятные способы решения проблемы, — так было повсюду, где ему приходилось бывать. И все же...

Эбби торопилась высказаться:

— Если бы мы обратились к кому-нибудь из здешних мужчин с просьбой исполнить роль... отца, это впоследствии привело бы к проблемам. Понимаете, живя с людьми бок о бок, как мы тут, женщины вынуждены смотреть на всех осталь-

ных мужчин, кроме собственного мужа, как не на мужчин... ну, вы понимаете. Вряд ли это пришлось бы мне по нраву, отсюда и неизбежные затруднения. — Она в который раз покраснела. — К тому же я открою вам секрет, если вы обещаете не болтать. Вряд ли кто-нибудь из наших мужчин способен одарить Майкла таким сыном, какого он заслуживает. Уж очень он смышленый парень... Из нашей молодежи он — единственный, кто умеет по-настоящему читать.

Все эти неслыханные логические построения выливались на Гордона слишком стремительно, чтобы он успевал их воспринимать. Одна часть его разума бесстрастно констатировала, что ему рассказывают о вполне рациональном решении маленьким племенем сложной общественной проблемы; однако другая, в которой сконцентрировался интеллектуальный багаж конца XX века, все еще находясь слегка под хмельком, отказывалась что-либо понимать; была еще третья часть, пока просто смекавшая, что к чему.

— Вы — не такой, как другие, — поощрительно добавила Эбби. — Майкл и сам сразу это заметил. Не скажу, чтобы он был очень счастлив, но полагает, что вы будете заглядывать к нам не чаще одного раза в год, и уж это он еще как-ни-

будь выдержит. Лучше уж так, чем на всю жизнь остаться без детей.

Гордон откашлялся.

— Ты уверена, что он относится к этому именно так?

— Совершенно уверена! Иначе почему, по-вашему, миссис Хаулетт знакомила нас таким странным образом? Как раз для того, чтобы все стало ясно без слов. Миссис Томпсон это не больно по душе, но скорее потому, что ей захотелось, чтобы вы у нас остались.

У Гордона пересохло во рту.

— А как к этому относишься ты сама?

Но ответ уже был написан у нее на лице: она взирала на него, как на случайно заглянувшего к ним пророка или, на худой конец, героя из сказочной книжки.

— Для меня было бы большой честью, если бы вы сказали «да», — прошептала она и потупила взор.

— А на меня ты готова смотреть как на настоящего мужчину?

Вместо ответа Эбби впилась поцелуем в его губы.

Последовала недолгая пауза, во время которой она раздевалась, а Гордон тушил свечи. Рядом с

ложем поблескивала медным значком — всадником, вцепившимся в лошадиную гриву, за седлом которого громоздятся мешки с почтой, — почтальонская форма. Казалось, всадник летит в неудержимом галопе.

«Теперь я вдвойне ваш должник, мистер Почтальон».

Он ощутил прикосновение гладкой кожи Эбби к своему бедру. Не успел он задуть вторую свечу, как она уверенно обняла его.

6

Десять дней подряд Гордон вел новую для себя жизнь. Словно вознамерившись наверстать упущенное за полгода бродяжничества, он неизменно спал допоздна, а просыпаясь, обнаруживал, что Эбби ускользнула, как ночной сон.

Однако простыни долго хранили ее запах, ее тепло. Он с наслаждением потягивался и открывал глаза. Солнечные лучи, заглядывавшие поутру в окно, воспринимались им как нечто невиданное; в его сердце пела весна, несмотря на то что осень уже вступала в свои права.

Днем Гордон ее почти не видел. Умывшись, он торопился на ферму, где с энтузиазмом помогал колоть на зиму дрова и рыть глубокий колодец. Только когда все работники деревни собирались для дневной трапезы, Эбби возвращалась из коровника. Но и тут она, вместо того чтобы обедать со всеми, подменяла одноногого Лотса, приглядывавшего за малышней. Весело смеясь, она собирала с их одежды шерсть, приставшую во время работы, — дети тоже не сидели без дела, — и вынимала из их тарелок вымокшие клочья.

Эбби редко удостаивала Гордона взглядом, но

он довольствовался и ее мимолетной улыбкой. Он знал, что по прошествии нескольких дней утратит на нес права, но даже малейшие знаки внимания помогали ему освоиться с мыслью, что все происходящее — реальность, а не сон.

Вторую половину дня он проводил в обществе миссис Томпсон и других старейшин, помогая восстанавливать давно заброшенный учет. В свободное время Гордон давал желающим уроки чтения и стрельбы из лука. Как-то раз ему и миссис Томпсон пришлось осваивать начала полевой медицины: их помощь понадобилась человеку, отведавшему зубов «тигра» — так местные жители прозвали новую разновидность пумы, возникшую при спаривании с леопардами, разбежавшимися из зоопарков в послевоенном хаосе. Охотнику и повезло, и нет: он наткнулся на хищника, когда тот расправлялся с добычей; на счастье, уже опрокинув человека на землю, зверь почему-то оставил его в живых, а сам исчез в зарослях. Гордон и достойная пожилая дама пришли к заключению, что рана заживет.

По вечерам все население Пайн-Вью собиралось в бывшем гараже, где Гордон баловал их пересказами Твена, Сейлза, Кейлора. Он выступал запевалой при исполнении старых народных

песенок и давних рекламных номеров, а также предлагал разные детские игры. Потом наступало время для театрального действа.

Одевшись в немыслимые лохмотья, он изображал Джона Пола Джонса, бросающего вызов недругам с палубы утлого суденышка; потом преображался в Антона Персеваля, исследующего опасные тайны неведомых миров и познающего собственную немеряную силу в обществе взбесившегося робота; потом становился доктором Хадсоном, с честью выходящим из ужасных передряг и спешащим на помощь жертвам биологического оружия.

Поначалу Гордон чувствовал себя не совсем в своей тарелке, когда ему приходилось напяливать шутовской наряд и носиться по импровизированной сцене, воздевая руки и выкрикивая текст, выуженный из омута памяти, а чаще выданный экспромтом. Он никогда не был поклонником актерского ремесла, даже до страшной войны.

Однако ремесло это хорошо ли, плохо ли позволило ему пересечь половину континента, и за это время он его более-менее освоил. Гордон чувствовал, что зрители следят за ним как завороженные, что они изголодались по чуду, по чему-то такому, что позволило бы им унестись в

воображении за пределы своей узкой долины; их наивная вера поощряла его, и он выбивался из сил, лишь бы не ударить в грязь лицом. Изрытые язвами, покрытые шрамами, скрученные годами непосильного труда, люди вскидывали голову, в глазах, затуманенных временем, зажигалась потребность в воспоминаниях. Работоспособность их памяти восстанавливалась только при посторонней помощи.

Лицедействуя, Гордон возрождал в душах зрителей тягу к возвышенному. Продекламировав последние строки очередного монолога, он ловил себя на том, что тоже позабыл о настоящем, во всяком случае на короткое время представления.

Вечер за вечером Эбби вознаграждала его за пролитый на сцене пот. Сперва она сидела на краю постели и развлекала его болтовней о своем детстве, о коровах, о деревенских ребятишках, о Майкле. Принеся книги, она допытывалась, о чем они, расспрашивала, как он провел юность, что значило быть студентом в распрекрасные дни, предшествовавшие Светопреставлению.

Потом Эбби с улыбкой откладывала пыльные фолианты и забиралась к нему под простыню, пока он торопливо гасил чадящую свечку.

* * *

На десятое по счету утро она не улизнула от него при первых проблесках зари, а разбудила нежным поцелуем.

— М-м-м, с добрым утром, — промычал он и потянулся было к ней, но она отодвинулась и сгребла спою одежду, скользнув грудью по его плоскому животу, поросшему мягкими волосками.

— Надо было дать тебе еще поспать, — посочувствовала Эбби. — Но мне захотелось кое о чем тебя спросить. — Пока что она держала свое платье в руках.

— М-м-м... О чем же? — Гордон подоткнул под голову подушку.

— Кажется, ты сегодня нас покидаешь?

— Да. — Он серьезно кивнул. — Так будет лучше. Я бы не прочь остаться еще, но раз это все равно невозможно, предпочитаю продолжить свое путешествие на запад.

— Знаю. — Ее серьезность не уступала его. — Всех нас твой уход очень печалит. Но... сегодня я отправлюсь к Майклу — он все еще проверяет капканы. Я так по нему соскучилась! — Эбби погладила его по щеке. — Тебя это не обижает,

правда? Конечно, быть с тобой замечательно, но он мне муж, и...

Гордон с улыбкой накрыл ладонью ее руку. Он сам удивлялся своей толстокожести. Майклу он скорее завидовал, нежели ревновал. Логика их отчаянного желания обзавестись детьми и их нежная любовь друг к другу превращали ситуацию из курьезной во вполне житейскую, так что Гордон нисколько не сомневался сейчас в необходимости полюбовного разрыва с Эбби. Он искренне надеялся, что не обманул их ожидания. И что бы они там ни нафантазировали для себя, он очень сомневался, что ему еще доведется когда-нибудь встретиться с этой парой.

— У меня есть для тебя маленький сюрприз. — С этими словами Эбби вынула из-под кровати серебряный предмет на цепочке и бумажный пакетик. — Это свисток. Миссис Хаулетт говорит, что тебе без него никуда. — Она надела цепочку ему на шею и, поправив свисток, удовлетворенно кивнула. — Кроме того, она помогла мне написать вот это письмо. — Наступила очередь пакетика. — В ящике на заправочной станции я нашла немного марок, но они никак не приклеивались. Поэтому вместо марок я собираюсь заплатить — вот тебе четырнадцать долларов.

Хватит?

Гордон увидел горсть смятых купюр и с трудом поборол усмешку. Накануне к нему, таясь от других, подошли по одному человек пять-шесть. Он принял их конверты и примерно такую же оплату за отправление, сохраняя каменное выражение лица. Он мог бы воспользоваться ситуацией и попросить у них вместо никчемных денег что-нибудь по-настоящему нужное, однако община и без того уже снабдила его месячным запасом вяленого мяса и сухих яблок, а также двадцатью стрелами для лука. Гордон так и не сообразил, чего бы у них взять еще, а главное, не захотел ничего выпрашивать.

У людей постарше были родственники в Юджине, Портленде, долине реки Уилламетт. Поскольку его путь лежал примерно в ту же сторону, он захватил их письма. Несколько писем оказались адресованы жителям Окриджа и Блу-Ривер — эти он положил на дно рюкзака. Остальные послания Гордон вполне мог бы выбросить в озеро Крейтер, ибо они никак не могли попасть к адресатам, однако он сыграл навязанную ему роль до конца.

Сейчас он, как и в других случаях, тоже отсчитал несколько бесполезных бумажек, а остальные

вернул ей.

— Кому ты пишешь? — поинтересовался Гордон, забирая письмо. Он казался самому себе Санта-Клаусом и получал от этой роли некоторое удовольствие.

— В университет. Это в Юджине — знаешь? Я назадавала им уйму вопросов: например, не начали ли они прием студентов? И берут ли семейных? — Эбби покраснела. — Знаю, знаю, мне еще предстоит потрудиться, чтобы выучиться толком читать. Может статься, они пока не до конца опомнились и не возобновили прием. Но Майкл и так умница... К тому времени, когда мы получим ответ, я уже успею поднабраться премудрости.

— Когда вы получите... — Гордон прикусил язык.

Эбби кивнула.

— Читать я во всяком случае буду гораздо лучше. Миссис Томпсон обещала мне помогать. А ее муж согласился открыть этой зимой школу. Я могу присматривать за малышами. У меня есть мечта выучиться на учительницу. Думаешь, глупо?

Гордон покачал головой. Он полагал, что утратил способность умиляться, но эти откро-

вения его тронули. Пусть представления Эбби об окружающем мире не имели ничего общего с действительностью, от них веяло теплом, и он помимо воли тоже размечтался. В конце концов, мечты еще никому не причинили вреда.

— А вообще-то, — продолжала свою исповедь Эбби, теребя платье, — главная причина, почему я решила написать письмо, — желание иметь друга или подружку по переписке. Кажется, это так называется? Вдруг кто-нибудь напишет мне из Юджина? Вот и нам здесь стали бы приходить письма. Как было бы здорово — получить письмо! И потом... — она опустила глаза, — у тебя появилась бы дополнительная причина вернуться к нам, скажем, через год. Разве тебе не захочется взглянуть на ребеночка? — На ее щеках заиграли ямочки. — Я почерпнула это из твоей пьесы о Шерлоке Холмсе — «скрытые мотивы», да?

Она пребывала в столь неподдельном восторге от собственного остроумия и так жаждала заслужить его одобрение, что Гордона захлестнула могучая полна нежности, и он испытал почти физическую боль. Крепко обняв Эбби, он вел героическую борьбу со слезами. Прижимая ее к себе и легонько покачивая, Гордон смежил веки, чтобы не смотреть в лицо правде: вместе с ее сла-

достным ароматом он вдыхал ее оптимизм — то, чего мир, казалось бы, лишился безвозвратно.

7

— Здесь я с вами распрощаюсь. — Миссис Томпсон обменялась с Гордоном рукопожатием. — Эта дорога вполне безопасна до самого озера Дейвис. Последние из свихнувшихся «мастеров выживания» перебили здесь друг дружку еще несколько лет тому назад, однако я бы на вашем месте все равно не забывала про осторожность.

Осень выдалась холодной. Гордон доверху застегнул молнию своей почтальонской куртки и, поправив кожаную сумку, принял из рук прямой как палка старухи старую карту.

— Я велела Джимми Хортону пометить все известные нам местечки, где хоть кто-нибудь обосновался. Однако я не советовала бы обращаться к этим людям без острой необходимости. Чересчур подозрительный народ, склонный стрелять без предупреждения. Мы только недавно установили кое-какой обмен с теми, кто живет ближе всего к нам.

Гордон кивнул, аккуратно свернул карту и убрал в кармашек на ремне. Чувствуя себя отдохнувшим и готовым к переходу, он с сожалением расставался с Пайн-Вью, как с любым райским ме-

стечком, какие ему выпадало счастье посещать в последнее время. Впрочем, его ждала дорога, он испытывал зуд нетерпения и рвался в путь, чтобы взглянуть, что осталось от западной части штата Орегон.

За годы, истекшие с той поры, как он простился с руинами Миннесоты, ему приходилось сталкиваться и с более мрачными признаками наступивших диких времен. Сейчас Гордон обозревал край, который прежде славился беззаботной жизнью, развитой легкой промышленностью, тучными стадами и высоким уровнем культуры. Возможно, его заразила наивность Эбби, но ведь и элементарная логика подсказывала, что долина реки Уилламетт — как раз то место, где могла сохраниться цивилизация, если она вообще где-то сохранилась.

Он снова взял пожилую даму за руку.

— Миссис Томпсон, прямо не знаю, смогу ли я когда-нибудь отплатить вам за все, что вы для меня сделали...

Она покачала головой. Ее загорелое лицо покрывала такая густая сеть морщин, что Гордон нисколько не сомневался, что ей гораздо больше пятидесяти, хотя она назвала именно эту цифру.

— Что вы, Гордон, вы с лихвой нам заплати-

ли. Мне бы, конечно, очень хотелось, чтобы вы остались и помогли наладить дело со школой. Впрочем, теперь я понимаю, что, вероятно, мы справимся и сами. — Она оглядела неширокую долину. — Знаете, последние годы, с тех пор как стали вызревать неплохие урожаи и вернулась дичь, мы живем как во сне. Сами видите, как обстоят дела: взрослые люди, которые когда-то неплохо трудились и читали журналы, набрасываются на помятого нищего актера и начинают его откармливать, как пасхальную крольчиху! — Она посмотрела ему в лицо. — Ведь даже Джим Хортон передал вам парочку писем?

Гордону стало жарко. Несколько секунд он не смел поднять глаза. Потом его разобрал смех. Он облегченно вздохнул, сваливая с плеч немалую тяжесть — фантазии такого количества людей.

Миссис Томпсон была его союзницей.

— По-моему, все получилось вполне безобидно. И даже более того! Вы подействовали как... такое автомобильное словечко... катализатор! Представляете, дети в перерывах между занятиями хоровым пением и ужином уже исследуют окрестные развалины и тащат найденные там книги. Мне будет легче легкого превратить учение в школе в привилегию для самых достойных.

Только вообразите себе новый вид наказания: запрет появляться в классе! Надеюсь, мы с Бобби не подкачаем.

— Желаю вам удачи, миссис Томпсон, — искренне сказал Гордон. — Господи, как это прекрасно — луч света посреди океана руин!

— Понимаю вас, сын мой. Вы испытали блаженство. — Миссис Томпсон вздохнула. — Вот вам мой совет: подождите годик и возвращайтесь. Вы — человек добрый, хорошо обошлись с моими людьми. Кроме того, вы деликатно подошли к таким вещам, как, скажем, история с Эбби и Майклом. — Она на секунду нахмурилась. — По-моему, я догадываюсь, что у вас происходило. Что ж, это только к лучшему. Голь на выдумки хитра. В общем, повторяю: будем рады принять вас снова.

Миссис Томпсон повернулась и побрела назад. Но, сделав несколько шагов, оглянулась; Гордон прочел в ее взгляде смущение и желание разрешить загадку.

— На самом деле вы не почтальон, не правда ли? — быстро спросила она.

Он с улыбкой поправил на голове фуражку с начищенной медной кокардой.

— Вот принесу вам письмо-другое, тогда и узна-

ете наверняка.

Она угрюмо кивнула и засеменила прочь по выщербленному асфальту. Гордон смотрел ей вслед, пока она не скрылась за поворотом, а потом зашагал на запад, вниз, к побережью Тихого океана.

8

Баррикады давно обезлюдели. Стена поперек шоссе номер 58, возведенная на западной окраине города Окридж, превратилась в груду бетонных обломков, переплетенную арматурой. Сам город тоже безмолвствовал. Во всяком случае, восточная его часть была мертва.

Гордон глядел на асфальт главной улицы, изучая по воронкам на нем недавнюю историю. Здесь разыгрались две, а то и три схватки. В центре зоны наибольших разрушений сохранился фасад с надписью «Клиника неотложной помощи». На верхнем этаже гостиницы остались нетронутыми три окна, которые сейчас яростно отражали утреннее солнце. Однако даже там, где разбитые витрины магазинов были заколочены досками, замусоренные тротуары усеивало битое стекло.

Гордон, собственно, и не ожидал застать здесь более благополучную картину, однако чувства, с которыми он покидал Пайн-Вью, какое-то время еще жили в его душе, и он очень надеялся набрести на новые островки мира, особенно тут, в плодородной долине реки Уилламетт. Окридж вряд ли мог выжить, но он мечтал что найдет

хоть какие-то признаки возрождения, которые не дадут угаснуть его оптимизму, — скажем, следы продуманных усилий по восстановлению нормальной жизни. Если здесь, в Орегоне, существовало подобие индустриальной цивилизации, то в таком городе, как Окридж, должны были бы прибрать к рукам все, что могло пригодиться умелым людям.

Однако в двадцати метрах от своего наблюдательного поста Гордон увидел развалины заправочной станции с обильно рассыпанными по замасленному полу гаечными ключами, плоскогубцами и разноцветными пучками проводов. Ни разу не использованные покрышки по-прежнему висели над подъемником.

На этом основании он заключил, что с Окриджем случилось худшее, что могло случиться, — во всяком случае, с его точки зрения. Все необходимое для машинной культуры присутствовало здесь в большом количестве, однако так никого и не заинтересовало и давно мирно ржавело, что говорило об отсутствии поблизости каких бы то ни было признаков общества, опирающегося на технологию. Зато ему придется пройти тем же путем, каким прошло до него полсотни волн мародеров, чтобы откопать что-нибудь, пригодное

для одинокого путника, как он.

Гордон покорно вздохнул: это ему было не впервой.

Даже среди развалин в центре Бойса, бывшего в прежней жизни столицей штата Айдахо, грабители, опередившие его, проглядели целый погреб с консервами позади обувной лавки, который год за годом набивал жратвой какой-то любитель накопительства. За многие годы у Гордона развился особый нюх, помогающий делать такие находки, и выработались оригинальные методы поиска.

Он добрался до того места, где бывшая бетонная стена терялась в лесу. Там он принялся петлять на случай, если за ним наблюдают. Облюбовав местечко, откуда были видны приметные ориентиры, Гордон сложил свою кожаную сумку и фуражку под кедр, прикрыл это добро почтальонской курткой и, наломав веток, забросал тайник сверху.

Он был готов на все, лишь бы избежать конфликта с подозрительными местными обитателями, однако ему и в голову не пришло остаться безоружным — так бы поступил только умалишенный. Ситуация, в которой он сейчас находился, была чревата столкновениями двух типов. В одном случае лучше всего сгодился бы

бесшумный лук, в другом он мог без колебаний использовать бесценные и незаменимые патроны 38-го калибра. Проверив готовность револьвера, Гордон застегнул кобуру. При нем имелись также лук со стрелами и матерчатый мешок для находок.

В первых нескольких домах, на самой окраине, передовые волны мародеров потрудились на славу, разнеся все в щепки, но не слишком тщательно обшарив разные закутки. Подобное зрелище неизменно производило удручающее впечатление на более умеренных собирателей, приходивших следом, и те тоже не все прибирали к рукам.

Однако Гордон переходил уже в четвертый по счету дом, а собранное им было пока так скудно, что никак не могло подтвердить принятой им теории. Дно его мешка оттягивала пара ботинок, практически напрочь загубленных плесенью, увеличительное стекло и две катушки ниток. Он совал нос как в самые обычные места любителей запасаться всевозможным добром, так и в наиболее невероятные, отыскивая тайник, но до сих пор не обнаружил ни крошки съестного.

Мясо, которым его одарили в Пайн-Вью, было еще не целиком съедено, однако подходило к

концу. Зато, поднаторев в стрельбе из лука, он добыл пару дней назад небольшую индюшку. Если ему не улыбнется счастье среди развалин, то лучше забыть про поживу здесь и заняться зимой охотничьим промыслом.

Гордону отчаянно хотелось набрести на еще один райский уголок, подобный Пайн-Вью. Однако судьба и так в последнее время была к нему слишком милостива, а обилие удач вызывает подозрение.

Его ждал пятый по счету дом.

* * *

Это двухэтажное здание принадлежало в свое время преуспевающему врачу. Гордон восхищенно уставился на огромную кровать с балдахином. Подобно остальным помещениям, спальню обобрали дочиста, оставив гнить только мебель. Однако, забравшись под кровать и исследуя ковер, Гордон пришел к выводу, что его предшественники кое-что проморгали.

Богатый ковер овальной формы лежал явно не на месте. Тяжеленная кровать стояла на нем только правыми ножками, тогда как левые опирались прямо на дощатый пол. Либо владелец проявил небрежность, либо...

Гордон отложил в сторону свои приобретения и ухватился за край ковра. Ну и тяжесть! Он принялся потихоньку сворачивать его.

Удача! Пол рассекала узкая трещина. Одна из ножек кровати стояла прямиком на медной дверной петле. Тайник!

Гордон подналег, но опора балдахина, сперва поддавшись, быстро встала на место. Он возобновил усилия, наполнив дом грохотом.

Четвертый натиск дал плоды: опора раскололась надвое. Гордона едва не проткнуло острым верхним концом, но он успел откатиться в сторону. Балдахин обрушился на кровать, и все древнее сооружение приказало долго жить. Накрытый с головой, Гордон разразился ругательствами, а потом принялся чихать как одержимый, задохнувшись от пыли.

Наконец, немного придя в себя, он выбрался из-под завала и заковылял прочь из спальни, по-прежнему оглушительно чихая. Ему пришлось даже ухватиться за перила лестницы, ведущей на второй этаж, настолько изматывающим оказался приступ чихания. В ушах звенело, и Гордону показалось, что он слышит голоса.

«В следующий раз это будут уже не голоса, а церковный перезвон», — в изнеможении поду-

мал он.

Наконец, отчихавшись, он протер запорошенные пылью глаза и вернулся в спальню. Крышка тайника красовалась теперь на виду, покрытая густым слоем только что осевшей пыли. Гордону пришлось повозиться, пока он не нащупал край крышки, после чего она откинулась с ржавым стоном.

Тут ему опять показалось, что снаружи дома раздаются голоса. Он замер и обратился в слух. Снова ничего. Он нетерпеливо нагнулся и, разведя в стороны густую паутину, устремил взгляд в тайник.

Внутри находился большой железный ящик. Гордон пошарил вокруг в надежде наткнуться еще на что-нибудь: то, что мог хранить в довоенные времена в потайном сейфе состоятельный врач — деньги и документы, — представляло для него куда меньшую ценность, нежели консервы, которые могли очутиться здесь в разгар военного безумия. Но нет, ящик — единственное, что скрывал тайник. Отдуваясь, Гордон выволок его на свет.

Ящик оказался тяжелым. Вот бы в нем спрятали не золото и подобный ему хлам! Петли и замок сильно заржавели, поэтому Гордону пришлось

взламывать замок ножом. Внезапно, в самый разгар этого занятия он замер.

На сей раз он не ошибся: до него действительно доносились голоса, причем звучали они совсем рядом.

— Кажется, это в доме, — проговорил кто-то в заросшем саду, после чего послышалось шарканье ног по сухим листьям и скрип деревянного крыльца.

Гордон сунул нож в ножны и подобрал свое имущество. Оставив ящик рядом с кроватью, он выскочил из спальни и бросился к лестнице.

Встреча с себе подобными назревала при не очень благоприятных обстоятельствах. В Бойсе и других развалинах среди гор существовал даже особый кодекс: охотники за добром с окрестных ранчо могли попытать счастья в городе, и при всей необузданности как групп, так и отдельных смельчаков они редко отнимали добычу друг у друга. Лишь одно могло свести их вместе — слух о появлении неподалеку холниста. Во всех остальных случаях они не наступали друг другу на пятки.

В иных местах взяли за правило соблюдать территориальный приоритет. Неужели Гордон забрался на территорию, считающуюся собствен-

ностью какого-то клана? Как бы там ни было, лучше ему уносить ноги, и как можно незаметнее.

А впрочем... Он окинул любовным взором брошенный сейф. «Это мое, черт побери!»

На первом этаже раздался тяжелый топот. Теперь уже слишком поздно закрывать крышку тайника или прятать тяжелый ящик. Бранясь про себя, Гордон на цыпочках устремился к узкой лесенке, ведущей наверх.

Верхний этаж представлял собой тесную мансарду. Гордон уже обшарил ее и не обнаружил ничего достойного внимания. Однако сейчас ему нужно было найти укрытие. Он прижимался к наклонным стенам, чтобы не скрипеть половицами. Облюбовав под слуховым оконцем подобие сундука, он положил туда свой мешок и колчан и быстро натянул тетиву лука.

Станут ли они обыскивать дом? Если станут, то сейф наверняка бросится им в глаза. Отнесутся ли они к этому как к проявлению доброй воли удачливого на первых порах соперника, оставят ли часть содержимого ему? Он знал, что там, где еще сохранилось хотя бы примитивное понятие о чести, именно так и поступают.

Держа под прицелом верх лестницы, Гордон,

однако, понимал, что находится в ловушке — под крышей деревянного домика. Не приходилось сомневаться, что местные жители, даже если они вернулись в каменный век, владеют искусством добывания огня.

Теперь он слышал шаги троих человек. Они раздавались уже на лестнице, причем подозрительно торопливые, с перепрыгиванием через ступеньки. Когда троица достигла второго этажа, до Гордона донесся крик:

— Эй, Карл, погляди-ка!

— Ты, видать, снова застал на докторской кровати ребятишек, играющих в больницу? Вот черт!

Послышались удары и скрежет металла о металл.

— Че-е-ерт!

Гордон покачал головой. Словарь Карла не отличался разнообразием, зато поражал интонациями.

Теперь в спальне явно рылись в содержимом ящика. Раздались звуки разрываемой бумаги, сопровождаемые столь же тривиальными восклицаниями. Наконец к первым двум голосам присоединился третий, звучавший достаточно отчетливо:

— Молодец этот парень, раз нашел и подбросил

нам такое чудо. Жаль, что мы не можем его отблагодарить. Надо бы с ним познакомиться, чтобы не открывать по нему стрельбу при следующей встрече.

Если это была наживка, Гордон не торопился ее заглатывать. Он предпочитал ждать.

— Во всяком случае, он заслуживает, чтобы его предупредили. — Голос первого из троицы, появившегося в доме, звучал нарочито громко. — У нас в Окридже стреляют без предупреждения. Лучше ему уносить ноги, пока в нем не проделали дыру побольше той, которой наградили недавно «мастера выживания».

Гордон кивнул, давая себе слово, что так и поступит.

Наконец, прогремев вниз по лестнице и по крыльцу, шаги стихли. Прильнув к чердачному окошку, расположенному над фасадом, Гордон наблюдал, как все трое покидают дом и направляются к зарослям болиголова, заполонившего всю округу. Кроме винтовок, они несли битком набитые рюкзаки. Проводив их взглядом, он бросился к другому окошку, однако не заметил ничего подозрительного. Опасаться подвоха как будто не приходилось.

Гордон пребывал в уверенности, что гостей

было трое. Он слышал шаги троих людей и три голоса. Вряд ли они оставили четвертого в засаде. И все же он соблюдал осторожность, покидая чердак. Сперва он улегся на пол перед люком, ведущим на лестницу, положив рядом лук с колчаном и мешок, и двинулся вперед ползком. Заглянув в люк, он вытащил револьвер и буквально свалился вниз, имея в виду застигнуть врасплох того, кто мог, хотя бы теоретически, устроить ему засаду. Гордон пребывал во всеоружии, готовый всадить все шесть пуль в недруга, если бы таковой обнаружился.

Однако стрелять пока было не в кого: путь на второй этаж свободен.

Гордон потянулся за мешком, не спуская глаз с лестницы, и тот с шумом упал к его ногам. Сидевший в засаде и тут не обнаружил себя. Подхватив свое имущество, Гордон со всеми предосторожностями спустился еще ниже.

Сейф валялся рядом с кроватью. Он был пуст, если не считать драной бумаги. В нем остались именно те безделицы, которые ожидал увидеть Гордон: акции, коллекция марок, купчая на дом. Однако не только это...

Он впился взглядом в разодранную картонную коробку, с которой только что сняли целло-

фан. На коробке красовалось изображение двух охотников, сидящих в каноэ и радостно рассматривающих свою новую складную винтовку. Это зрелище заставило Гордона застонать. Не приходилось сомневаться, что в коробке помимо оружия находились и боеприпасы.

«Проклятое ворье», — с горечью подумал он.

Еще один ворох бумажек — и он взбесился окончательно. «Эмпирин с кодеином», «Эритромицин», «Мегавитаминный комплекс», «Морфий»... В этикетках и коробочках не было недостатка, но самих лекарств и след простыл.

При должной хватке подобное богатство сделалось бы для Гордона пропуском в любое поселение. Да что там говорить, с ним он мог бы претендовать на испытательное членство в одной из зажиточных скотоводческих общин Вайоминга!

Через секунду у него и вовсе потемнело в глазах: на полу лежала пустая коробка с надписью: «Зубной порошок».

Мой зубной порошок!

Гордон сосчитал до десяти, но этого оказалось недостаточно. Он попробовал дышать по науке, однако еще больше приходил в ярость. Свесив голову, он стоял, не находя в себе сил смириться

с очередной несправедливостью, на которые так щедра жизнь.

«Все в порядке, — уговаривал он себя. — Я по крайней мере жив. Если мне удастся добраться до своих вещей, то я, вероятно, останусь в живых и дальше. На будущий год, если он наступит, я позабочусь, чтобы у меня не сгнили зубы».

Подобрав мешок и лук, Гордон, все так же осторожно продолжил путь прочь из дома неоправдавшихся ожиданий.

* * *

Человек, длительное время живущий наедине с природой, может дать фору самому умелому охотнику, при условии что последний неизменно возвращается с промысла домой, к родне и друзьям. Разница состоит в том, что такой человек накоротке знаком со зверьем, с самой дикой жизнью. Сейчас Гордон чувствовал, как напряжены его нервы, не понимая пока, чем это вызвано. Однако ощущение тревоги не проходило.

Он возвращался прежним путем на восточную окраину города, где спрятал пожитки. Неясная тревога заставила его остановиться и оглядеться. Не слишком ли он пуглив? В конце концов ему еще далеко до Иеремии Джонсона, он пока не

может расшифровывать звуки и запахи, наполняющие лес, с той же легкостью, как когда-то — уличные указатели. Однако сейчас он озирался, силясь понять, что же все-таки так беспокоит его.

В зарослях преобладали болиголов, широколистный клен и осина, которая, подобно сорняку, поднималась всюду, где было свободное местечко. Пейзаж не имел ничего общего с пересохшим лесом, опостылевшим ему на восточных склонах Каскадных гор, где его к тому же выследили и обобрали среди редких сосенок. Здесь же разливался густой аромат жизни — такого он не вдыхал ни разу после Трехлетней зимы.

Пока Гордон двигался, звуки, издаваемые зверьем, почти не достигали его слуха. Однако стоило ему замереть, как округа наполнялась птичьим щебетом. Сороки перелетали с места на место, не уступая ни пяди полянок, богатых жуками, проигрывающим им в размерах сойкам; пернатые помельче сновали по веткам, чирикая и тоже насыщаясь.

Птицы средних размеров не питают большой любви к человеку, но и не стремятся облетать его за милю, если он не делает резких движений.

«Почему же я так нервничаю?»

Слева от него раздался резкий звук. Гордон рывком повернулся в ту сторону, где переплелись ветви ежевики, и сжался. Впрочем, и там не оказалось ничего примечательного, кроме птиц. Вернее, одной птицы — пересмешника. Она опустилась на груду веточек, служивших ей гнездом, немного отдохнула, и вдруг, воинственно топорща перышки, с криком исчезла в зарослях. Стоило птице скрыться из виду, как опять раздался непонятный хруст, после чего пересмешник вновь появился в поле зрения.

Гордон, рассеянно ковыряя кончиком лука землю у себя под ногами, свободной рукой потихоньку расстегивал кобуру, стараясь сохранить на лице скучающее выражение. Потом не спеша двинулся вперед, негромко насвистывая, хотя губы его вмиг пересохли. Он и не приближался к зарослям, и не удалялся от них, наметив себе цель — большую елку.

В зарослях притаилось нечто, заставившее пересмешника выступить на защиту гнезда, и это нечто не обращало внимания на его наскоки, преследуя главную цель — оставаться невидимым.

Теперь Гордон не сомневался, что попал в засаду. Он шагал с подчеркнутой беспечностью, как на прогулке. Однако, оказавшись за облюбо-

ванным толстым стволом, выхватил револьвер и нырнул в подлесок, пригибаясь и стараясь не показываться из-за дерева. Бросаясь на землю с другой стороны ствола, он услышал отвратительный хлопок и почувствовал острую боль в правой руке. Сжимавшие револьвер пальцы на какое-то время онемели, и Гордона охватила паника. Если он сломал руку, то...

Рукав его форменной рубахи намок от крови. Страх усиливал боль. Так продолжалось до тех пор, пока он не закатал рукав и не увидел рану, из которой торчал обломок острой щепки. Он сломал не руку, а свой лук и напоролся на него в падении.

Вырвав из раны деревяшку, Гордон двинулся на корточках вправо, стараясь не высовываться из травы. У него за спиной раздалось улюлюканье преследователей, а затем и выстрелы.

Следующие несколько минут Гордон отчаянно петлял по лесу, не обращая внимания на хлещущие по лицу ветви. Когда путь ему преградила речка, он запрыгал по камням против течения.

«Преследуемый человек чаще всего бежит вниз по течению», — думал Гордон, задыхаясь на подъеме. Оставалось надеяться, что его недруги знают об этом. Прыгая с камня на камень, он

старался не оставить следов на берегу. И снова спрятался в лесу.

Крики преследователей не утихали. Гордону казалось, он, как ни старался быть осторожным, производит столько шума, что способен поднять медведя из берлоги. Дважды он укрывался за валунами или в чащобе, чтобы отдышаться, поразмыслить и обмануть врагов внезапно наступившей тишиной.

Наконец крики стали стихать в отдалении. Гордон со стоном привалился спиной к дубу и достал свою аптечку. Рана не вызывала у него тревоги, поскольку вряд ли можно было ожидать инфекции от полированной древесины лука. Несмотря на сильную боль, крупные сосуды и сухожилия остались целы. Он перевязал рану и постарался забыть о ней. Пришло время встать и оглядеться.

Велико же было его удивление, когда он сразу обнаружил два своих ориентира: остатки щита, указывающего дорогу к окриджскому мотелю, торчащие над деревьями, и ограду выпаса на другой стороне растрескавшейся полосы асфальта.

Гордон заторопился к месту, где спрятал свое добро, и обнаружил его в полной сохранности. Судя по всему, судьба не была столь прямолинейна, чтобы наносить ему удары один за другим.

Он знал, что она действует по-другому: вселив в человека надежду, она лишает его обещанного в самый последний момент.

* * *

Теперь жертва превратилась в преследователя: Гордон решил найти место с зарослях, где устроили засаду его недруги, использовав в качестве ориентира беспокойного пересмешника. Как он и ожидал, теперь гнездо пустовало. Он заполз в заросли, чтобы попробовать понять ход мыслей незнакомцев, и немного посидел там, озираясь и раздумывая.

В том, что он был перед ними как на ладони, теперь сомневаться не приходилось. В связи с этим было трудно понять, как это все три стрелка умудрились промахнуться. Неужто его спас прыжок за еловый ствол? Судя по всему, преследователи имели при себе полуавтоматические винтовки, однако Гордон запомнил, что прозвучало только шесть выстрелов. Либо у них наперечет патроны, либо...

Он пересек лужайку и приблизился к спасшей его ели. На коре на высоте десяти футов от земли красовались два свежих следа от пуль.

Десять футов! Никудышные стрелки!

А впрочем, все сходится. Они и не собирались его убивать, а преднамеренно целились поверх головы, чтобы как следует испугать и принудить спасаться бегством. Поэтому неудивительно, что они не настигли его в лесу.

Гордон поджал губы. Как ни странно, теперь ему было проще возненавидеть обидчиков. Он еще готов смириться с бездумной злонамеренностью бандитов, как смиряешься с дурной погодой или повадками диких зверей. Слишком многие из двуногих, бывших когда-то нормальными американцами, вели себя теперь немногим лучше отъявленных варваров. Однако явно выказанное *презрение* приходилось принимать на свой собственный счет. Эти люди сохранили остатки милосердия; тем не менее они ограбили его, ранили, загнали и запугали.

Он припомнил Роджера Септена, как тот подтрунивал над ним, стоя подбоченясь на высушенном склоне горы. Эти мерзавцы оказались немногим лучше.

Гордон прошел по их следам ярдов сто на запад от засады. Следы были отчетливые, их не пытались скрыть, что говорило о высокомерной уверенности преследователей.

Он уходил не торопясь, однако у него и в мыс-

лях не было избрать иное направление.

Уже в сумерках он приблизился к укреплению, окружавшему Нью-Окридж. Открытое пространство, бывшее когда-то городским парком, теперь оказалось обнесено высокой сплошной деревянной изгородью. Изнутри раздавалось мычание и блеяние скота. Заржала лошадь, Гордон учуял аромат сена и густые запахи домашней скотины.

Рядом стояла еще более высокая ограда — она окружала три квартала на юго-западной окраине бывшего города Окридж. В центре поселения стояли двухэтажные лома, протянувшиеся примерно на полквартала, — Гордон видел их крыши поверх ограды; его взору открылась также водонапорная башня, увенчанная вороньим гнездом. На башне нес караульную службу человек; сейчас он смотрел в сторону леса.

Поселение выглядело вполне благополучным, и даже более того; ничего столь же процветающего Гордон не встречал ни разу с тех пор, как покинул Айдахо. Вдоль ограды, с наружной стороны деревья были вырублены, чтобы улучшить обзор караульным, однако с той поры, как здесь поработали топором, прошло немало времени, и молодая поросль на опушке поднялась в человеческий рост.

«В округе вряд ли осталось много „мастеров выживания“, — подумал Гордон, — иначе местные обитатели не проявляли бы такой беспечности. Поглядим, на что походят их главные ворота».

Он направился к южной окраине поселения. Приблизившись к цели, Гордон услыхал голоса и предусмотрительно укрылся в молодом леске. Из распахнувшихся дощатых ворот вышли двое вооруженных мужчин, огляделись, затем помахали кому-то за оградой. Раздался крик, хлопанье поводьев, и из ворот выкатился фургон, запряженный двумя лошадьми. Натянув поводья, возница придержал лошадей и обратился к часовым:

— Скажи мэру, что я благодарен ему за ссуду, Джефф. Уж я-то знаю, в какую яму угодила моя ферма! Однако пускай не сомневается: мы обязательно расквитаемся с ним из следующего урожая. Ему и так уже принадлежит часть моей земли, так что он делает неплохое вложение.

Один из стражей кивнул:

— Конечно, Сонни. А ты давай, гляди по пути в оба. На восточной стороне города наши ребята засекли сегодня бродягу. Пришлось даже пострелять.

Фермер всполошился.

— Кого-нибудь подранили? Ты уверен, что бро-

дяга был один?

— Уверен, не дрейфь. Боб говорит, он улепетывал, что твой кролик.

У Гордона участился пульс. Такое количество оскорблений он уже переносил с трудом. Левой рукой он нащупал под рубашкой подаренный Эбби свисток, висевший на цепочке. Эта вещица напомнила ему, что в мире остались и приличные люди, и ему полегчало.

— А вообще-то этот тип оказал мэру неплохую услугу, — продолжал первый страж. — Прежде чем ребята Боба его спугнули, он раскопал тайник, полный лекарств. Сегодня на вечеринке мэр угостит кое-чем местных собственников. Вот бы и мне попасть в их компанию! Интересно, что из этого выйдет.

— И мне... — вмешался второй страж, моложе первого годами. — Слушай, Сонни, как ты думаешь, если вдруг мэр заплатит тебе в этом году наркотиками за хороший урожай, ты тоже устроишь тогда веселую вечеринку?

Сонни невесело улыбнулся и пожал плечами. А потом и вовсе повесил голову. Часовой постарше окинул его недоуменным взглядом.

— Что стряслось? — спросил он.

Сонни покачал головой. Гордон с трудом рас-

слышал его ответ:

— Мы теперь не больно-то гордые сделались, верно, Гэри?

— Что ты имеешь в виду? — спросил Гэри, нахмурившись.

— А то, что мы спим и видим, как бы затесаться к мэру в дружки, вместо того чтобы заиметь другого мэра, не разводящего любимчиков.

— У нас с Салли до Светопреставления было три дочери и двое сыновей, Гэри.

— Я помню, Сонни, но...

— Хэл и Питер погибли на войне, но мы с Салли считали благословением, что выросли все три наши дочери. Благословением!

— Сонни, ты ведь не виноват. Ну, не повезло...

— Не повезло? — повысил голос фермер. — Одну изнасиловали бандиты, да так, что она не выжила, другая, Пегги, испустила дух при родах, а у моей малышки Сюзан появилась седина. Представь, Гэри, ее можно принять за сестру Салли!

Воцарилось неловкое молчание. Старший тронул фермера за рукав.

— Завтра я зайду к тебе с кувшинчиком вина, Сонни, обещаю. Вспомним старое, как когда-то.

Фермер кивнул, не поднимая головы. Потом, хлестнув лошадей, пустил их вскачь.

Старший еще долго смотрел вслед скрипучему фургону и жевал травинку. Затем, повернувшись к молодому напарнику, проговорил:

— Слушай, Джимми, я когда-нибудь рассказывал тебе про Портленд? До войны мы с Сонни частенько туда наведывались. Я был еще ребенком, а у них заправлял этот наш мэр, который метил в...

Больше Гордон ничего не разобрал, так как стражники скрылись за воротами.

* * *

При иных обстоятельствах Гордон долго размышлял бы о том, что узнал из подслушанного разговора насчет общественного устройства Окриджа и его окрестностей. Фермер, делаясь вечным должником, вынужден оплачивать долг урожаем — вот вам стадия крепостного права в классическом виде. Гордон читал о подобном в учебнике истории для второкурсников — давным-давно, в другой жизни. Это называлось феодализмом.

Впрочем, в данный момент у него не было времени на философию и социологию. Его захлестывал гнев. Бешенство, охватившее его сегодня, когда пришлось на потеху преследователям

уносить ноги, не шло ни в какое сравнение с праведным негодованием, душившим его сейчас, когда он услышал, какое применение уготовано обнаруженным им медикаментам. Стоило Гордону подумать, какие чудеса исцеления творил бы с ними знакомый врач из Вайоминга... А ведь большая часть этих лекарств не позволит безмозглым дикарям испытать даже кратковременного блаженства!

Ему сделалось тошно. Перевязанная правая рука снова напомнила о себе. Он наверняка мог бы без особого труда перелезть через стену, найти склад и потребовать свою долю находки... Оскорбления, боль, сломанный лук чего-то да стоят!

Впрочем, возникшая перед мысленным взором картина не доставила ему удовольствия. Тогда он принялся фантазировать. Вот бы нагрянуть на вечеринку к мэру и перебить всех жадных до власти подонков, возводящих в своем дремучем углу карликовую монархию! Он представлял себе, как, завоевав власть, обратит ее на службу добру, как заставит этих мужланов использовать во благо образование, полученное когда-то, прежде чем ученое поколение не исчезнет навеки с лица земли...

Ну почему, почему никто и нигде не берет на се-

бя ответственность, чтобы наладить нормальную жизнь? Он бы помог такому человеку, посвятил бы ему остаток жизни...

Однако все великие помыслы давно обратились в прах. Все славные люди, подобные лейтенанту Вану и Дрю Симмсу, погибли, защищая идеалы гуманизма. Гордон казался себе единственным, кто еще сохранил веру.

Уйти? Об этом не могло быть и речи. Сочетание гордости, упрямства и непроходящей злости не оставляло ему иного выхода, кроме мести. Он примет бой, и точка.

«Вдруг где-нибудь, в небесах или в аду, гарцует ополчение, сплошь состоящее из идеалистов? Скоро я это узнаю».

На счастье, гормоны воинственности взыграли в нем не настолько сильно, чтобы он окончательно позабыл о тактике. Отступая в тень, чтобы обдумать предстоящие действия, Гордон задел ветку и она, выпрямившись, сбросила с его головы фуражку. Он поймал ее на лету и хотел было снова надеть на голову, но внезапно замер, глядя на кокарду.

Перед ним гордо восседал в седле всадник из меди. Под копытами коня вилась надпись на латыни. Поворачивая фуражку под разными углами

и ловя начищенной кокардой луч света, Гордон улыбался. Это будет дерзостью — возможно, гораздо большей, нежели попытаться перелезть в потемках через забор. Однако сама идея манила своей гармоничностью, чем и пленила Гордона. Наверное, никто, кроме него, уже не в силах избрать столь опасную стезю исключительно по эстетическим соображениям. Пусть попытка обречена на неудачу — поражение все равно будет захватывающим зрелищем.

Претворение замысла в жизнь требовало набега на старый Окридж, оставшийся вне пределов возникшей здесь после войны деревни; цель набега — визит в учреждение, наверняка вызвавшее наименьший интерес у мародеров, терзавших город. Снова покрыв голову фуражкой, он быстро зашагал, чтобы не терять оставшегося светлого времени суток.

Спустя час Гордон, выбравшись из выпотрошенных зданий старой части города, торопливо двинулся по разбитому асфальту, чтобы успеть вернуться к воротам до наступления ночи. Сделав крюк через лес, он вышел на дорогу, по которой уехал из деревни фермер Сонни, — она вела от ворот на юг. Теперь он шагал уверенно, ориентируясь по свету фонаря, вывешенного над

воротами.

* * *

Часовой проявил преступную небрежность: Гордон остался незамеченным, подобравшись к его посту футов на тридцать. Он отлично видел этого болвана, торчавшего на стене у ее дальнего конца, но тот глазел в противоположную сторону.

Набрав в легкие побольше воздуха, Гордон зажал зубами свисток Эбби и трижды оглушительно свистнул. Звук заметался среди домов и эхом отразился от леса, как клекот пикирующего хищника. По доскам загремели шаги. Над воротами возникли три физиономии с ружьями и масляными фонарями, силившиеся разглядеть пришельца в сгущающейся тьме.

— Кто здесь? Чего вам надо?

— Мне необходимо переговорить с вашим начальством, — отозвался Гордон. — У меня официальное поручение, и я требую допуска в город Окридж!

Неслыханное требование совершенно сбило их с толку. Последовало томительное молчание. Стражники очумело смотрели то друг на друга, то на Гордона. Наконец один из них торопливо

удалился, а другой, откашлявшись, закричал:

— Эй, где ты там? Ты бредишь? Ты болен?

— Здоров. Но утомлен и голоден. Кроме того, я рассержен тем, что в меня стреляли. Однако всему свое время. Первым делом я должен выполнить данное мне поручение.

На сей раз старший караула не смог скрыть замешательства.

— Данное тебе... Да о чем ты болтаешь, приятель?

По доскам снова застучали шаги. Над воротами появились, еще несколько мужчин, а также женщины и дети, растянувшиеся в обе стороны. Похоже, с дисциплиной в Окридже было слабовато. Местный мэр и его приспешники, видимо, давно выпустили бразды правления из рук.

Гордон снова затянул свое, стараясь говорить медленно и веско, голосом гамлетовского Полония:

— Я требую встречи с вашим начальством. Вы испытываете мое терпение, не пуская меня в город, что обязательно будет отражено в моем отчете. Немедленно вызовите кого-нибудь, кто наделен правом принимать решения, и отворите ворота!

Толпа делалась все гуще; наконец над воро-

тами образовался целый лес голов. Люди тупо пялились на Гордона, пока справа не появилась группа с фонарями. Толпа отпрянула, пропуская вновь прибывших.

— Слушай, бродяга, — рыкнул старший караула, — ты напрашиваешься на пулю. Мы не ведем никаких «официальных» дел ни с кем за пределами этой долины с той самой поры, как порвали отношения с коммунистами в Блейквилле, а это было уже несколько лет назад. Заруби себе на носу: я не стану беспокоить мэра из-за какого-то психа...

Не договорив, стражник удивленно обернулся, заслышав властные голоса.

— Господин мэр... Прошу прощения за гвалт, но...

— Я оказался неподалеку и услышал шум. Что здесь происходит?

Стражник махнул рукой.

— Там какой-то тип бормочет такую ерунду, какой я не слыхал с незапамятных времен. Наверное, спятил. Вечно они здесь шляются...

— Сейчас разберемся.

Над воротами появилась новая голова.

— Я мэр Окриджа, — сообщил зычный голос. — Мы не подаем милостыню. Но если ты — тот

самый парень, который нашел сегодня днем кое-какое добро и великодушно передал его нашим людям, то я готов признать, что мы перед тобой в долгу. Я велю спустить тебе горячей пищи и одеяло. Можешь провести ночь у обочины под воротами. А завтра уходи подобру-поздорову. Нам здесь ни к чему болезни. Судя по словам моих часовых, у тебя горячка.

— Ваша щедрость произвела на меня впечатление, господин мэр, — с улыбкой ответил Гордон. — Но я проделал слишком неблизкий путь, выполняя официальное поручение, чтобы сейчас повернуть назад несолоно хлебавши. Ответьте мне, есть ли в Окридже работающая рация или волоконно-оптическая связь?

Нелогичность его слов заставила всех разинуть рты. Гордон отлично представлял себе недоумение мэра. Однако тот быстро собрался с мыслями.

— Мы уже десять лет как забыли про радио. С тех пор ничего не работает. А что? Какое это имеет значение, раз...

— Постыдитесь! Конечно, после войны было почти невозможно пользоваться радиосвязью из-за... — Гордон отчаянно импровизировал, — из-за радиоактивности. — И все же я надеялся

воспользоваться вашим передатчиком, чтобы связаться со своим руководством.

Он разглагольствовал с наглым апломбом. На сей раз его слова были встречены в толпе не молчанием, а удивленным шушуканьем. Гордон догадывался, что стена облеплена теперь населением Окриджа почти в полном составе. Лишь бы она не-повалилась... В его планы вовсе не входило вступление в город, подобное штурму Иерихона Иисусом Навином. У него были совсем другие намерения.

— Дайте-ка сюда светильник! — распорядился мэр. — Да не тот, дубина! Настоящий фонарь! И направьте луч на этого человека. Хочу его получше разглядеть.

Вид Гордона, залитого светом, вызвал волнение среди зрителей. Он был готов к свету рампы и не стал загораживать глаза или щуриться. Вместо этого он поправил кожаную сумку и повернулся так, чтобы желающие могли рассмотреть его форму. Почтальонская фуражка с лучезарной кокардой сидела сейчас у него на голове набекрень.

Толпа зароптала громче прежнего.

— Господин мэр! — крикнул Гордон. — Учтите, мое терпение не беспредельно. Мне так или

иначе придется переговорить с вами насчет сегодняшнего поведения ваших подчиненных. Не вынуждайте меня прибегать к полномочиям, которыми я наделен, ибо этого, я думаю, не хотелось бы ни мне, ни вам. Еще немного — и вы лишитесь привилегии установления контакта с остальной нацией.

Мэр в раздумье переминался с ноги на ногу.

— Контакт? Нация? Что за чушь? Мы знаем только Блейквилл и самодовольных шутов из Калп-Крик, остальной же мир населен черт знает какими дикарями. Кто вы-то такой, черт возьми?

Гордон прикоснулся к околышу фуражки.

— Гордон Кранц, почтовое ведомство Соединенных Штатов. Я исполняю функции курьера и имею поручение установить почтовую линию в Айдахо и на юге Орегона. Одновременно я являюсь генеральным федеральным инспектором по этому району.

И он еще смущался, изображая в Пайн-Вью Санта-Клауса! Слова насчет «генерального инспектора» сорвались с его уст без всякой подготовки. Вдохновение или оплошность? Эх, двум смертям не бывать, а одной не миновать!

Толпа бурлила. До Гордона несколько раз доносились слова «внешний мир» я «инспектор», не

говоря уже о «почтальоне». Когда мэр потребовал тишины, она установилась не сразу и далеко не полностью.

— Значит, вы — почтальон... — В голосе мэра звучал сарказм. — По-вашему, Кранц, мы совсем лишились мозгов? Напялили форму — и заделались правительственным чиновником? Какое еще правительство? Какие у вас есть доказательства? Убедите нас, что вы — не съехавший с катушек безумец, охваченный радиационной лихорадкой!

Гордон вытащил из сумки бумаги, изготовленные им всего час назад при помощи резинового штампа, найденного среди развалин окриджской почты.

— Вот мой мандат... — начал было он, но его тут же прервали:

— Держи свои бумажки при себе, бродяга! Мы не подпустим тебя близко, чтобы ты нас не перезаразил.

Мэр гордо выпрямился и помахал рукой, привлекая внимание подданных.

— Кто из вас не помнит, как безумцы и самозванцы болтались в округе в годы Хаоса, готовые назваться кем угодно, от Антихриста до поросенка Наф-Нафа? Факт остается фактом: су-

масшедшие приходят и уходят, а правительство остается, и оно — одно-единственное — то, что есть здесь у нас! — Он повернулся к Гордону. — Твое счастье, бродяга, что чумные годы остались в прошлом. Тогда бы с тобой быстро разобрались, и радикальным способом — путем кремации!

Гордон выругался про себя. Местный тиран оказался ловок и не давал заморочить себе голову. Если они откажутся взглянуть на его поддельный «мандат», то, значит, напрасно он наведывался сегодня в старый город. В колоде у Гордона остался последний козырь. С его лица не сходила предназначенная толпе улыбка, однако ему очень хотелось перекреститься перед главным испытанием.

Он запустил руку в боковой карман кожаной сумки и извлек оттуда небольшую пачку писем, после чего притворился, будто перебирает их, выискивая то, что нужно.

— Есть тут некий... Дональд Смит? — обратился он к народу.

Те завертели головами и стали увлеченно переговариваться. Даже в сгущающихся сумерках нетрудно было понять, сколь велико волнение, охватившее людей. Наконец кто-то ответил:

— Погиб через год после войны. В последней

битве за склады.

Голос отвечавшего дрожал. Уже хорошо: дрожь эта была вызвана не только удивлением. И все же Гордону требовалось гораздо большее. Мэр по-прежнему таращил на него глаза, пораженный не менее остальных; когда до него дойдет, каковы намерения Гордона, жди неприятностей.

— Вот как... В этом надо будет удостовериться. — Не давая никому раскрыть рта, он зашелестел конвертами. — А мистер или миссис Франклин Томпсон? Или их сын или дочь?

В шепоте, пробегающем по толпе, теперь звучали суеверные нотки. Гордону ответил женский голос:

— Они погибли! Сын умер только в прошлом году. Он работал на ферме Джесковича. Его родители были в Портленде, когда все взлетело на воздух.

Проклятье! В распоряжении Гордона оставалось всего одно имя. Поразить их своими познаниями — уже неплохо, но ему было необходимо найти хоть одну живую душу!

— Ладно, разберемся. А как насчет Грейс Хортон? Мисс Грейс Хортон?

Нет тут никакой Грейс Хортон! — не вытерпел мэр. Его голос обрел прежнюю саркастическую

самоуверенность. — Я знаю на своей территории всех до одного. За десять лет, что я тут провел, у нас не объявилось никакой Грейс Хортон, слышишь, самозванец? А вы, вы что, не соображаете, как он все подстроил? Нашел в городе старую телефонную книгу и выписал несколько имен, чтобы посеять смуту. — Он погрозил Гордону кулаком. — Парень, я постановляю, что ты нарушаешь общественный порядок и представляешь угрозу для здоровья населения! У тебя есть пять секунд, чтобы унести ноги, прежде чем я отдам своим людям приказ стрелять!

Гордон тяжело дышал. У него не оставалось выбора. Что ж, придется отступить, пожертвовав гордостью ради спасения жизни.

«Замысел был хорош, но ты и сам знал, сколь невелики шансы на успех. По крайней мере ты заставил этого мерзавца пережить пару неприятных минут».

Однако, к своему удивлению, Гордон обнаружил, что тело отказывается повиноваться воле. Ноги словно приросли к земле. Желания спасаться бегством словно бы и не было. Правда, разумная часть его естества испытала ужас, когда он, расправив плечи, опять обратился к мэру:

— Учтите, господин мэр, что покушение на

почтового курьера является одним из немногих федеральных преступлений, наказания за которые не отменены временным Конгрессом на восстановительный период. Соединенные Штаты всегда защищали своих почтальонов.

Он холодно глядел туда, где разгорались фонари. «Всегда!» — это слово Гордон произнес с нажимом. По его телу пробежала дрожь. Он чувствовал себя курьером — по крайней мере, был им в душе. Он представлял собой анахронизм, чудом уцелевший при наступлении нового каменного века, методично стиравшего с лица земли остатки идеализма. Не сводя горделивого взгляда с темного силуэта мэра, Гордон молча бросал ему вызов. Ну, убей же меня, уничтожь последнее, что осталось от былого величия нации!

Несколько секунд стояла тишина. Потом мэр поднял руку и сказал:

— Раз...

Он не торопился, то ли давая Гордону время спастись, то ли из садистских побуждений.

— Два...

Игра проиграна. Гордон знал, что ему надо бежать, более не мешкая. Однако непокорное тело по-прежнему не повиновалось.

— Три!

«Так принимает смерть последний идеалист», — подумалось ему. Шестнадцать лет, которые ему удалось прожить, были случайностью, ошибкой Природы, которая сейчас будет исправлена. В конце концов весь его приобретенный такими трудами прагматизм улетучился, уступив место самоубийственному лицедейству.

Тем временем в толпе зрителей возникло какое-то движение. Кто-то пробивался в первые ряды.

Часовые вскинули ружья. Гордону показалось, что некоторые делают это как-то нехотя. Вряд ли его спасут их колебания...

Мэр завершал отсчет секунд, несколько сбитый с толку упрямством Гордона, однако взлетевший в воздух кулак начал опускаться.

— Господин мэр! — Дрожащий от страха голос принадлежал женщине, повисшей на начальственной руке. — Прошу вас! Я...

Мэр вырвал руку.

— Не встревай, женщина! Уберите же ее!

Тощая фигурка увернулась от часовых, и над толпой прозвенел чистый голос:

— Я — Грейс Хортон!

— Что?! — Мэр впился в нее гневным взглядом.

— Это моя... девичья фамилия. Я вышла замуж

за год до второго голода. Тогда вы и ваши люди еще не появились в наших краях.

Толпа опять зароптала.

— Дурачье! — выкрикнул мэр. — Говорю вам, он выписал ее имя из телефонной книги!

Гордон, победно ухмыляясь, одной рукой держал письма, другую приставил к околышу фуражки.

— Добрый вечер, мисс Хортон. Чудесный вечерок, не правда ли? Между прочим, у меня тут есть для вас письмишко от мистера Джима Хортона — он проживает в Пайн-Вью, штат Орегон... Он вручил его мне двенадцать дней назад...

Теперь все люди, столпившиеся у ворот, заговорили разом. Кто-то размахивал руками, кто-то рыдал. Гордон приложил к уху ладонь, чтобы лучше расслышать изумленные восклицания женщины, а потом повысил голос, стараясь перекрыть шум:

— Да, мадам, у него все в порядке. Боюсь, что не смогу вам сказать ничего больше. Но я с радостью доставлю ваше ответное письмо брату, завершив обход долины.

Он сделал шаг вперед, ближе к свету.

— Только вот какое дело, мадам... У мистера Хортона в Пайн-Вью не оказалось достаточного

количества марок, поэтому я вынужден взять с вас десять долларов наложенного платежа.

Толпа взревела.

Мэр, залитый светом ламп, вертелся из стороны в сторону, размахивая руками и громко увещевая подданных. Однако его уже никто не слушал: ворота распахнулись, и люди хлынули в темноту. Гордона обступила плотная толпа разгоряченных, возбужденных граждан всех возрастов. Некоторые хромали, многие были украшены шрамами, тяжелое дыхание иных свидетельствовало о туберкулезе. Однако в этот момент жизненные невзгоды отступили, потесненные внезапным возрождением надежды.

Сохранивший невозмутимость, Гордон тем временем неуклонно продвигался к воротам. Он улыбался и кивал направо и налево, не сторонясь тех, кто тянулся к нему и трогал за локоть или за набитую битком сумку. Молодежь взирала на почтальона с суеверным ужасом. По лицам представителей старшего поколения струились слезы.

Сделавшись вдруг объектом поклонения, Гордон все же не терял остатки совестливости и продолжал стыдиться своей лжи.

«А впрочем, черт с ним! Не моя вина, если им

хочется верить в сказки. Сам я наконец-то стал взрослым и хочу всего лишь вернуть свое. Эх вы, простаки!..»

Однако, думая так, он продолжал расточать улыбки и усердно пожимал тянущиеся к нему руки. Любовь струилась потоком, она уже бурлила, поднимая его на волне отчаянной, нежданно возродившейся надежды и увлекая в город Окридж.

Интерлюдия

Весенний жар
Воспламеняет предков прах -
И ежится земля
В клубящихся дымах.

Часть вторая. Циклоп.

АКТ О НАЦИОНАЛЬНОМ ВОЗРОЖДЕНИИ ВРЕМЕННЫЙ КОНГРЕСС ВОЗРОЖДЕННЫХ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ

ДЕКЛАРАЦИЯ

КО ВСЕМ ГРАЖДАНАМ: Настоящим доводится до сведения всех проживающих на территории Соединенных Штатов Америки, что народ и фундаментальные институты государства по-прежнему существуют. Ваши враги, совершившие агрессию против человечества, потерпели поражение и разгромлены. Временная администрация, осуществляющая преемственность по отношению к последнему свободно избранному Конгрессу Соединенных Штатов и исполнительной власти, прилагает решительные усилия для восстановления законности, общественной безопасности и свободы на нашей возрождающейся земле, руководствуясь Конституцией и ведомая милостивым Всевышним.

В ЭТИХ ЦЕЛЯХ: До вашего сведения доводится, что все второстепенные законы и постановления, действовавшие на территории Соединенных Штатов до начала Третьей Мировой Войны, включая долговые обязательства, права удержания имущества вплоть до уплаты долга и судебные указы — отменены. В ожидании принятия в законном порядке новых правил округа вправе действовать в чрезвычайных условиях согласно складывающейся обстановке, руководствуясь нижеследующим:

1. Свободы, гарантированные Биллем о Правах, распространяются на территории Соединенных Штатов на всех мужчин и женщин без исключения. Приговоры по преступлениям должны выноситься беспристрастными жюри, состоящими из лиц, равных подсудимому по положению За исключением чрезвычайных случаев, связанных с военным положением, упрощенное судопроизводство и казнь, нарушающие установленный порядок, запрещаются.

2. Рабство запрещено. Долговые обяза-

тельства не могут быть пожизненными и не могут передаваться от родителей к детям.

3. Округам, городам и другим территориальным единицам надлежит проводить по четным годам выборы путем тайного голосования с правом участия всех мужчин и женщин, достигших 18 лет. Официальное право принуждения принадлежит только лицам, избранным на свои посты с соблюдением изложенных правил голосования, а также лицам, непосредственно им подчиняющимся.

4. В целях содействия возрождению государственности гражданам надлежит сохранять и пополнять материальные и интеллектуальные ресурсы Соединенных Штатов. Всегда и повсеместно, когда и где имеется таковая возможность, следует сберегать и обеспечивать хранение книг и довоенной техники на благо будущих поколений. Округа учреждают школы для обучения детей.

Временная администрация выражает надежду на восстановление общенационального радиовещания к 2021 году.

До наступления этого срока связь осуществляется путем наземного почтового сообщения. Почтовая служба будет восстановлена в центральных и восточных штатах страны к 2011, а в западных — к 2018 году.

5. Сотрудничество с лицами, доставляющими почту Соединенных Штатов, вменяется в обязанность всем гражданам. Препятствование этим лицам в осуществлении их деятельности является тяжким преступлением.

Принято Временным Конгрессом Возрожденных Соединенных Штатов Америки. Май 2009.

1

Черный бультерьер зашелся в рычании, роняя клочья пены. Он рвался с цепи, стараясь допрыгнуть до возбужденных, орущих людей, свешивавшихся с перил вокруг арены. С противоположной стороны арены огрызался покрытый боевыми шрамами одноглазый беспородный пес. Удерживавшая его веревка натягивалась, как тетива лука, грозя вырвать вмурованное в стену кольцо.

В воздухе стояла густая вонь. Сладкий до тошноты дым от местного табака, щедро сдобренного марихуаной, поднимался к небу ядовитыми клубами. Фермеры и жители городка оглушительно кричали и поминутно вскакивали со скамеек, окружавших импровизированную арену. Сидевшие поближе лупили кулаками по доскам, доводя псов до невменяемого состояния.

Псари в кожаных перчатках подтащили четвероногих гладиаторов поближе к себе и, схватив за ошейники, обернулись к почетной скамье, расположенной по центру. Сидевший там коренастый господин поощрительно кивнул.

Сотня мужчин дружно взревела, видя, что псы

спущены с поводков. Хрипящие звери вцепились друг в друга подобно драчунам, которым не давали довести потасовку до конца. Летящие во все стороны клочья шерсти и брызги крови толпа встречала шумным одобрением.

Старейшины городка, занимавшие специальную скамью, надрывались не менее самозабвенно, чем люд попроще. Они тоже заключили пари и теперь волновались не на шутку. Один лишь коренастый господин — председатель комитета общественной безопасности города Кертин, штат Орегон, попыхивал сигарой, не проявляя интереса к происходящему, обуреваемый нелегкими раздумьями. Ему не давал покоя сидящий рядом человек, и председатель то и дело косился на него.

Этот худой мужчина не походил на других болельщиков. Бородка его была аккуратно подстрижена, черные волосы лишь слегка касались ушей. Голубые глаза, полуприкрытые тяжелыми веками, смотрели пристально и взыскательно, напоминая председателю персонажей из Ветхого Завета, смотревших на него со страниц книг в воскресной школе, которую он посещал в детстве, еще до Светопреставления.

Сосед председателя выглядел утомленным, как

и подобает путешественнику. И главное, на нем была форма, да такая, какой не чаял больше увидеть ни один из оставшихся в живых обитателей Кертина. На фуражке соседа красовалась кокарда, изображавшая всадника, которая поблескивала в свете масляных ламп. Почему-то она казалась более яркой, чем любой другой металлический предмет.

Оглядывая своих земляков и морщась от воплей, председатель улавливал в их поведении нечто необычное. Сейчас жители Кертина надрывались не так отчаянно, как это обычно бывало на традиционных собачьих боях по средам. Ведь и они нет-нет, а поглядывали на гостя, появившегося верхом у городских ворот пять дней назад, прямого и горделивого, как божество, попросившего пищи и крова, а также места, где можно развесить уведомления. А потом незнакомец принялся раздавать почту...

Председатель тоже поставил деньги, выбрав Уэлли — бультерьера старины Джима Шмидта. Однако ему никак не удавалось сосредоточиться на кровавой схватке, развернувшейся внизу, на песке. Он не мог справиться с собой и ежеминутно поглядывал на Почтальона.

Сегодняшний бой был особенным: он посвя-

щался гостю, поскольку завтра тот покидал Кертин, направляясь в Коттедж-Гроув. «А ему не нравится», — тревожился председатель, горестно вздыхая. Человек, за пять дней перевернувший их устоявшуюся жизнь, просто старался следовать законам вежливости. По его виду нетрудно было понять, что собачьи бои не относятся к его излюбленным зрелищам.

Председатель наклонился к гостю и проговорил:

— Полагаю, что там, в восточных штатах, такие развлечения не в моде, господин инспектор?

Холодное выражение на лице гостя было красноречивее любого ответа. Председатель обругал себя за слабоумие. Конечно, какие могут быть собачьи бои в Сент-Поле, Топеке, Одессе, любом другом цивилизованном месте Возрожденных Соединенных Штатов! Другое дело — здесь, в разрушенном Орегоне, столь давно отрезанном от цивилизации...

— На местах люди вправе устраиваться так, как им больше подходит, господин председатель, — успокоил гость. Его очаровывающий голос сразу заглушил непристойный шум арены. — Каковы времена — таковы и нравы. Правительство в Сент-Поле все прекрасно понимает. В моих

странствиях мне приходилось наблюдать вещи и похуже.

В глазах почтового инспектора председатель прочел свой оправдательный приговор и, вздохнув, отвел глаза. Через минуту он замигал и сперва решил, что ему в глаза попал дым от сигары. Он раздавил сигару каблуком, однако пощипывание в глазах не проходило. Мир перед ним застлало влажной пеленой, ему казалось, что он видит арену будто во сне, как нечто доселе незнакомое...

«Господи! — пронеслось в голове у председателя. — И это — мы?! Чем это мы занимаемся? Ведь еще семнадцать лет назад я был членом Ассоциации культуры долины Уилламетт! Что произошло со всеми нами, что произошло со мной?»

Он притворно закашлялся и закрыл лицо рукой, чтобы украдкой вытереть слезы. Оглядевшись, председатель убедился, что не одинок в своих чувствах: там и сям в орущей толпе добрая дюжина его сограждан внезапно прикусила языки и опустила глаза. Несколько человек плакали не таясь, слезы текли по их суровым лицам, задубевшим во времена жестоких схваток. Внезапно для этих немногих пролетевшие после войны

годы спрессовались, утратили прежнее значение и перестали служить достаточным оправданием теперешнего одичания...

Под конец боя крики опять стали громче. Псари вышли на арену, чтобы усмирить победителя и унести труп побежденного. Однако теперь не меньше половины зрителей нервно оглядывались на своего лидера и на прямую фигуру в форме рядом с ним.

Инспектор поправил фуражку.

— Благодарю вас, господин председатель. Полагаю, мне лучше удалиться. Завтра меня ждет долгий путь. Желаю всем доброй ночи.

Он кивком простился со старейшинами, после чего встал и натянул потрепанную кожаную куртку с цветной нашлепкой на плече — красно-бело-голубой эмблемой. Пока инспектор пробирался к выходу, зрители на его пути вставали с мест и молча уступали дорогу, пряча глаза.

Председатель, немного поколебавшись, тоже поднялся и последовал за гостем, не обращая внимания на ропот подчиненных.

Второй бой был отменен.

2

"Коттедж-Гроув, Орегон, 16 апреля 2011 г.

Миссис Адель Томпсон,

мэру Пайн-Вью, бывший штат Орегон

Прохождение: Коттедж-Гроув, Кертин, Калп-Крик, Мак-Фартленд, Окридж, Пайн-Вью.

Дорогая миссис Томпсон, Шлю Вам второе по счету письмо, пользуясь нашей новой почтовой эстафетой в районе Уилламеттского Леса. Если Вы получили первое письмо, то осведомлены, что Ваши окриджские соседи согласились на сотрудничество, хотя сперва не обошлось без недоразумений. Тамошним почтмейстером я назначил мистера Сонни Дэвиса — жителя тех мест с довоенных времен, пользующегося всеобщим уважением. Он, по всей видимости, уже установил с Вами контакт...."

Гордон Кранц оторвал карандаш от пожелтевшего листка бумаги, предоставленной гражда-

нами Коттедж-Гроув для его нужд. Над древним столом горела масляная лампа и две свечки, свет которых отражался от застекленных картинок на стене спальни. Местные жители настояли, чтобы Гордон поселился в лучшем доме городка. Комната выглядела уютной, чистой и теплой.

Теперешнее положение Гордона и сравнить было нельзя с его положением несколько месяцев назад. В своем письме он почти не упоминал трудностей, с какими столкнулся в октябре в Окридже. Граждане горного городка открыли ему свои сердца в тот самый момент, когда он назвался представителем Возрожденных Соединенных Штатов. Однако тиран-"мэр" вынашивал планы чуть ли не физического устранения непрошенного гостя, пока тот не дал понять, что единственное его намерение заключается в учреждении почтового отделения, после чего он продолжит свой путь; тогда мэр смекнул, что его власти ничего не угрожает.

Возможно, его страшил гнев подданных, поэтому он оказал Гордону помощь: были изысканы необходимые припасы, а под конец появился даже конь, пусть и преклонных годов. Покидая Окридж, Гордон видел на физиономии мэра выражение нескрываемого облегчения. Местный

царек собирался и впредь удерживать власть, невзирая на весть о том, что где-то существует подобие прежних Соединенных Штатов.

Зато рядовой люд провожал Гордона на протяжении целой мили: из-за деревьев то и дело появлялись смущенные граждане, совавшие ему письма, с жаром рассуждавшие о восстановлении Орегона и спрашивавшие, чем они могут посодействовать столь благородному делу. Они открыто жаловались ему на царящий в городе произвол; к моменту, когда от всадника отстал последний провожатый, он уже не сомневался, что перемены не за горами. Дни мэра были сочтены.

"За время, прошедшее после отправки моего последнего письма из Калп-Крик, я учредил почтовые отделения в Пальмервилле и Кертине. Сегодня я завершил переговоры с мэром Коттедж-Гроув. К письму приложен мои отчет о проделанной работе, который надлежит переправить моему начальству в восстановленном штате Вайоминг. Прошу Вас передать следующему за мной курьеру корреспонденцию, а также мои наилучшие пожелания.

Проявите терпение, если курьер появится с опозданием. Путь от Сент-Пола на запад опасен, так что может пройти год, а то и больше, прежде чем он предстанет перед Вами".

Гордон прекрасно представлял себе, как прореагирует миссис Томпсон на эту последнюю оговорку. Мудрая дама покачает головой, а то и от души посмеется над бессовестным обманом, каким была наполнена каждая фраза в письме.

Лучше чем кто-либо другой на этих диких просторах, бывших когда-то гордым штатом Орегон, Адель Томпсон знала, что ни о каком курьере с цивилизованного востока не может быть и речи. У Гордона нет никакого начальства, перед которым он должен отчитываться. Если город Сент-Пол и являлся столицей какой-то территории, то лишь участка с остаточной радиоактивностью на берегу Миссисипи.

Ни восстановленного штата Вайоминг, ни, коли на то пошло, самих Возрожденных Соединенных Штатов не существовало в природе; они возникли всего лишь в воображении странствующего по погрязшему в невежестве краю лгуна-актеришки, который решил таким способом обеспечить себе

выживание в смертельно опасном, наполненном подозрительностью мире.

Миссис Томпсон была одной из тех редко встречавшихся Гордону со времени войны личностей, которые жили собственным умом и не утратили логики. Коллективная иллюзия, автором которой стал Гордон — сперва по воле случая, потом от отчаяния, — для нее не стоила ни гроша. Она испытывала к Гордону симпатию просто как к человеку и, проявляя снисхождение, не требовала взамен искусных мифов.

В своем письме ей он наворотил всякой всячины, не имевшей отношения к действительному положению вещей, потому только, что письмо могли прочесть чужие глаза. Ведь оно множество раз будет переходить из рук в руки, прежде чем окажется в Пайн-Вью. Сама же миссис Томпсон отлично сумеет прочесть между строк. И, прочтя, ни за что его не выдаст — в этом Гордон не сомневался. Он надеялся только, что она сумеет сдержать смех.

> "Эта часть побережья ведет мирную жизнь. Поселения уже начинают помаленьку торговать между собой, преодолевая былой страх болезней и нападений

«мастеров выживания». Здешние люди изголодались по вестям извне.

Из этого не следует, что тут царит безмятежность. По рассказам, в районе реки Рог к югу от Розберга властвует беззаконие в духе Натана Холна. Поэтому путь мои лежит на север, в направлении Юджина. Кстати, туда адресованы по большей части письма, которыми меня нагрузили".

В глубине его седельная сумки, набитой письмами, которые ему вручали всюду, где бы он ни появлялся, возбужденные и исполненные благодарности люди, хранилось письмо, написанное Эбби. Уж его-то Гордон непременно доставит, какая бы участь ни постигла остальную корреспонденцию!

"Мне пора в дорогу. Возможно, когда-нибудь меня найдет письмецо, отправленное Вами или кем-нибудь еще из дорогих мне людей. Пока же передайте от меня сердечный привет Эбби, Майклу и всем остальным.

В чудесном Пайн-Вью Возрожденные Соединенные Штаты крепнут и процветают, как и повсюду.

Искренне Ваш, Гордон Кранц".

Последнее замечание было небезопасно, однако Гордон не смог от него отказаться — слишком ему хотелось намекнуть миссис Томпсон, что он не стал жертвой собственных выдумок, которые, как ему хотелось надеяться, обеспечат ему безопасность в самых мрачных углах, пока он не достигнет...

Но чего? За все эти годы Гордон так и не решил, что же именно он ищет. Возможно, он ищет такое местечко, где хоть кто-то принял на себя ответственность и пытается противостоять наступлению каменного века... Он покачал головой. Столько лет прошло — а мечта по-прежнему отказывается умирать!

Он сложил письмо, сунул его в старый конверт, накапал воску со свечи и припечатал штампом, найденным в развороченном помещении окриджской почты. Письмо легло поверх «отчета», сочиненного им чуть раньше, — фантастических бредней, предназначенных для чиновников вымышленной администрации.

Рядом с конвертами покоилась его почтальонская фуражка с мерцающей в свете лампы кокардой в виде всадника, торопящегося доставить почту, — безмолвного спутника и наставника Гордона на протяжении последних месяцев.

Новый план выживания появился у Гордона по воле случая, по чистому совпадению. Но со временем жители одного городка за другим пали жертвой самовнушения, особенно когда он стал доставлять письма из мест, где ему удавалось побывать. После стольких страшных лет люди, как оказалось, по-прежнему тосковали по утраченному веку, полному блеска, когда великая нация жила в чистоте и соблюдала порядок. Из-за этой тоски их горький скепсис дал глубокую трещину, подобно тому как в весеннюю оттепель на реке ломается ледяная корка.

Гордон отмахнулся от охватившего его было чувства стыда. На любом из оставшихся в живых за эти семнадцать лет лежит часть вины за всеобщий позор, и его выдумка, полагал он, принесла некоторую пользу жителям городов, в которых он появлялся. Получая от них необходимое, Гордон давал им взамен надежду.

Выходит, он делает только то, что продиктовано чувством долга.

В дверь его комнаты постучали.

— Войдите! — крикнул Гордон.

В дверь просунул голову Джонни Стивенс — недавно назначенный заместитель почтмейстера Коттедж-Гроув. На мальчишеской мордашке Джонки белесый пушок проклевывающейся бородки казался неуместным и смешным. Впрочем, ноги у Джонни Стивенса были длинные, а значит, он неутомимый ходок, и кроме того, Джонни слыл метким стрелком. Кто знает — возможно, парень еще и на самом деле будет доставлять почту!

Джонни, смутившись оттого, что отрывает инспектора от важных дел, доложил:

— Уже восемь часов, сэр. Вы помните, что мэр пригласил вас в паб на кружку пива? Ведь сегодня — ваш прощальный вечер у нас в городе.

Гордон поднялся.

— Ты прав, Джонни. Спасибо.

Он подхватил свою фуражку и куртку, не забыл вымышленный отчет и письмо для миссис Томпсон.

— Держи. Здесь официальные депеши, которые тебе предстоит доставить в первую поездку в Калп-Крик. Тамошней почтой заправляет Рут Маршалл. Она уже ждет гонца. Тебе приготовлен теплый прием.

Джонни принял конверты с такой осторожностью, словно это были крылья бабочек с тонкой пыльцой.

— Я буду защищать их даже ценой собственной жизни, сэр. — Глаза паренька горели гордостью и решимостью не подвести Гордона.

— Даже и не думай! — набросился на него Гордон. Меньше всего на свете ему хотелось, чтобы шестнадцатилетний юнец схлопотал пулю, защищая несуществующие ценности. — Не забывай о здравом смысле, следуй моим наставлениям.

Джонни судорожно сглотнул и кивнул с готовностью, однако Гордон и так был уверен, что малец все понял до конца. Конечно, вовсе не исключено, что паренька ждет лишь захватывающее приключение: ведь он пройдет лесными тропами гораздо дальше, чем забирался за десяток минувших лет любой из его земляков, и вернется домой героем, о котором станут слагать легенды. В горах по-прежнему оставались одинокие «мастера выживания». Однако на столь почтительном отдалении от Рог-Ривер было больше шансов, что Джонни невредимым доберется до Калп-Крик и обратно.

Гордон почти убедил себя, что все сложится именно так. Он со вздохом приобнял паренька

за плечи.

— Твоей стране не нужна твоя смерть, Джонни, ей требуется, чтобы ты остался в живых и служил ей не только сегодня, но и завтра. Запомнил?

— Да, сэр. — Джонни серьезно кивнул. — Я понимаю.

Успокоенный, Гордон задул обе свечки.

Джонни, по всей видимости, посетил руины старого почтового отделения в Коттедж-Гроув, поскольку, оказавшись на свету, Гордон разглядел на рукаве его домотканой рубахи гордую нашлепку «Почта США», краски на которой не померкли даже за минувшие семнадцать лет.

— Жители Коттедж-Гроув и окрестных ферм уже вручили мне с десяток писем, — похвастался Джонни. — Думаю, большинство из них не имеют близких и знакомых на востоке. Но все равно пишут, ради удовольствия и в надежде, что кто-нибудь ответит.

Итак, появление Гордона по меньшей мере побудило людей попрактиковаться в письме и вспомнить грамоту. За это вполне можно расплатиться с гостем кормежкой на протяжении нескольких дней и крышей над головой.

— Ты предупредил их, что к востоку от Пайн-Вью пока приходится перемещаться крайне

медленно, без всякой гарантии на успех?

— А как же! Их это не смущает.

Гордон улыбнулся.

— Вот и хорошо. Все равно почта перевозила в основном доверенные бумаге фантазии.

Паренек посмотрел на него в недоумении. Однако Гордон, уже надевший фуражку, не удостоил его разъяснениями.

* * *

Давным-давно оставив за спиной пепел Миннесоты и повидав не один штат, Гордон все же редко попадал в столь процветающие и на первый взгляд безопасные поселения, каким казался Коттедж-Гроув. Здешние фермы год от года наращивали урожаи. Местная милиция отличалась выучкой и, в отличие от милиции Окриджа, не вмешивалась в повседневную жизнь горожан. По мере того как меркла его мечта отыскать оазис возродившейся подлинной цивилизации, Гордон постепенно постепенно привыкал к этому, и сейчас даже подобное местечко казалось ему райским.

Ирония ситуации заключалась в том, что уловка, до сих пор помогавшая ему рассеивать подозрения, терзавшие жителей горных селений,

теперь не давала ему права нигде задерживаться подолгу. Созданная им легенда требовала, чтобы он не сидел на месте. Все они верили ему. Если бы он сейчас сбросил маску, то, пожалуй, даже самые тихие из местных жителей не дали бы ему спуску.

Обнесенный стеной поселок размещался на бывшей окраине довоенного городка. Местный паб являл собой просторный уютный подвал с двумя каминами и стойкой, через которую кочевали высокие глиняные кружки с пивом домашнего производства.

Питер Ван Клик, мэр поселения, вел за столиком в углу разговор по душам с Эриком Стивенсом, дедом Джонни, недавно получившим почетную должность почтмейстера Коттедж-Гроув. Оба придирчиво изучали врученный им Гордоном текст «Федеральных правил», когда к ним направились господин инспектор и Джонни.

Еще в Окридже Гордон умудрился изготовить несколько копий «Правил» на ручной множительной машине, которую ему посчастливилось наладить в пустом помещении почты с провалившейся крышей. Текст стал плодом упорных размышлений и кропотливого труда. Он должен был обрести звучание подлинника, не покушаясь

в то же время на полномочия местных властей, чтобы мифические Возрожденные Соединенные Штаты, выдуманные Гордоном, не представляли для них угрозы, равно как и он сам. Содержимое этих листков было его наиболее вдохновенным произведением.

Рослый, худолицый Питер Ван Клик поднялся навстречу Гордону и, пожав ему руку, предложил садиться. Бармен поспешил к ним с двумя кружками густого темного пива. Жидкость оказалась теплой, но на удивление вкусной, с запахом ржаного хлеба. Мэр, нервно попыхивая глиняной трубкой, ждал, пока Гордон пересушил свою кружку и не обтер губы.

В ответ на лестные отзывы о пиве Ван Клик кивнул, однако лоб его оставался наморщенным. Он постучал согнутым пальцем по разложенным на столе бумагам.

— Эти правила не отличаются подробностями, господин инспектор.

— Зовите меня Гордоном, пожалуйста. В наши времена церемонии ни к чему.

— Договорились, Гордон. А меня зовите Питером. — Мэру было определенно не по себе.

— Идет, Питер, — согласился Гордон. — Дело в том, что правительство Возрожденных Со-

единенных Штатов усвоило кое-какие уроки. Один из них заключается в том, что нельзя навязывать жесткие стандарты разбросанным общинам, сталкивающимся с проблемами, каких в Сент-Поле даже не могут вообразить, не то что регулировать их.

На эту тему у Гордона была заготовлена целая речь.

— Возьмем, к примеру, вопрос о деньгах. В большинстве общин от довоенной наличности отказались вскоре после того, как банды уничтожили склады продовольствия. Правилом стал бартерный обмен, который чаще всего дает желаемые плоды, за исключением случаев, когда задолжавших превращают в форменных рабов...

Пока Гордон ни разу не погрешил против истины. В своих странствиях он становился свидетелем зарождения системы настоящей феодальной зависимости. Деньги мало где принимали всерьез.

— Федеральные власти в Сент-Поле объявили старые деньги необязательным средством расчета. Имеющихся купюр и монет слишком много для не очень-то активных обменов в нашей аграрной экономике. И все же мы пытаемся поощрять национальную коммерцию. Один из

способов — признание старых двухдолларовых купюр в качестве средства оплаты почтовых отправлений, доставляемых американской почтой. Таких купюр всегда было мало, и их невозможно подделать с помощью имеющейся технологии. Принимаются также серебряные монеты, отчеканенные до 1965 года.

— Мы уже собрали долларов сорок! — вмешался Джонни Стивенс. — Люди повсюду охотятся за этими древними купюрами и монетами. Кроме того, к ним прибегают при оплате долгов.

Гордон пожал плечами. Это началось почти без его участия. Некоторые мелочи, включенные им в свою легенду ради вящего правдоподобия, обретали собственную жизнь, на какую он и не надеялся. Да и трудно было себе представить, чтобы возвращение в оборот некоторого количества денег, связанное с местным мифотворчеством на тему о Возрожденных Соединенных Штатах, смогло причинить этим людям какой-то вред.

Согласно кивнув, Ван Клик перешел к следующей теме.

— Вот эта часть — насчет того, что не прошедшим выборы лицам запрещается прибегать к принуждению... — Он опять постучал пальцем по листу бумаги. — У нас тут проводятся более-менее

регулярные городские сходки, в которых принимают участие и жители окрестных селений, когда обсуждается что-либо особенно важное. Однако у меня нет оснований заявлять, что я или мой командир милиции утверждены в должностях по результатам голосования, во всяком случае тайного, как предписано здесь. — Он покачал головой. — А ведь нам приходилось принимать весьма жесткие меры, особенно вначале. Надеюсь, нас не станут прижимать за это к ногтю, господин пне... то есть Гордон. Ведь мы старались как могли... Например, у нас есть школа. Большинство ребят помладше посещают ее, когда кончается уборка урожая. Мы можем начать ремонт механизмов и устраивать голосования, как нас здесь призывают...

Ван Клик нуждался в поощрении, ему хотелось встретиться с Гордоном взглядом. Однако тот загородился от него пивной кружкой. Самая горькая ирония, какую он усматривал во всем, что видел во время своих странствий, заключалась именно в этом: люди, меньше всего поддавшиеся наступающей дикости, более остальных стыдились малейших уступок ей.

Он прокашлялся, чтобы придать голосу твердость.

— Мне представляется... В общем, вы здесь большие молодцы, Питер. Собственно, главное теперь не прошлое, а будущее. Вряд ли вам следует тревожиться, что федеральные власти станут совать вам палки в колеса.

Ван Клик вздохнул с облегчением. Гордон не сомневался, что в течение нескольких недель здесь будет проведено настоящее тайное голосование. И если местные жители выберут своим вожаком кого-нибудь, кто окажется под стать этому хмурому, но явно разумному человеку, то это будет означать, что они заслуживают своей завидной по нынешним временам доли.

— А меня беспокоит вот что... — подал голос Эрик Стивенс. Выбор Гордона сразу пал на этого подвижного старикана, когда пришлось назначать начальника почты. Ведь он заправлял в местной фактории и был к тому же наиболее образованным жителем городка, обладателем довоенного диплома выпускника колледжа.

Вторая причина заключалась в том, что Стивенса больше остальных мучили подозрения и недоверчивость, когда несколько дней назад Гордон въехал в этот городок и объявил о «новой эре для Орегона в составе Возрожденных Соединенных Штатов». Назначение почтмейстером как бы

вселило в него недостающую уверенность, пусть даже порожденную заботой о собственном престижен благополучии. Кроме того, этот человек явно окажется в предложенной ему должности на своем месте — по крайней мере ровно на то время, какое суждено прожить мифу.

Старина Стивенс поворачивал на столе свою пивную кружку, множа мокрые круги.

— Никак не возьму в толк, почему эмиссары из Сент-Пола не появлялись здесь раньше! Я, конечно, знаю, что вам пришлось преодолеть совершенно дикие пространства, чтобы до нас добраться, причем по большей части на своих двоих — так вы рассказываете. Но мне хочется понять, почему никто не прилетает на самолете?

За столом воцарилось молчание. Гордон чувствовал, что к их разговору прислушиваются все, оказавшиеся в этот час в баре.

— Ну, ты даешь! — взвился Джонни Стивенс, стыдясь упрямства своего деда. — Ты что, не понимаешь, что это была за война? Все самолеты и сложная техника сразу вышли из строя из-за проклятого электромагнитного импульса, загубившего в самом начале войны радиостанции и все прочее! А потом уже просто не сыскать было людей, которые разбирались бы, как это все на-

ладить. Не говоря уже о запасных частях!

Гордон был приятно изумлен. А паренек-то молодчина! Появившись на свет уже после крушения индустриальной цивилизации, он все равно умел ухватить главное.

Каждому, естественно, было известно, что электромагнитные импульсы, вызванные взрывом высоте в атмосфере мощнейших водородных бомб, вывели из строя в первый же ленивее электронные устройства повсюду на планете. Однако понимание Джонни простиралось дальше: он чувствовал, на чем держалась машинная культура.

А с другой стороны, у кого ему было набраться премудрости, как не у своего деда? Стивенс-старший бросил на Гордона коварный взгляд.

— Что, он прав, инспектор? Ни запчастей, ни механиков — ни одного?

Гордон знал, что это объяснение не выдерживает критики. Он поблагодарил судьбу за те долгие часы, которые ему пришлось потратить на путешествие по разбитой дороге, ведущей из Окриджа: их хватило для того, чтобы продумать легенду во всех подробностях.

— Не то чтобы ни одного... Электромагнитный импульс, радиация, взрывы, радиоактивные

осадки причинили громадный ущерб. Бактериологическое оружие, бунты. Трехлетняя зима привели к гибели многих людей, хоть что-то знающих и умеющих. Однако для того, чтобы снова запустить сохранившиеся механизмы, все равно не потребовалось много времени. Прошло всего несколько дней — и самолеты были готовы подняться в воздух. У Возрожденных Соединенных Штатов их полно, и все отремонтированы, проверены, прямо рвутся в полет... Вот только взлететь никак не могут. Они прикованы к земле, и так будет продолжаться еще не один год.

Старик был немало удивлен.

— Почему же, инспектор?

— А по той же причине, по какой вы не сможете ловить радиопередачи, даже если соберете приемник, — отчеканил Гордон и стал дожидаться, какой эффект произведут его слова. — Из-за лазерных спутников.

Питер Ван Клик хлопнул ладонью по столу.

— Дьявольщина!

Все до одного в баре повернулись на его возглас. Эрик Стивенс вздохнул и устремил на Гордона взгляд, в котором читалось полное смирение... а может, и восхищение более утонченной ложью, нежели та, на какую способен он сам.

— Что это еще за ла?..

— Лазерные спутники! — Джонни схватывал суть на лету. — Войну-то мы выиграли... — Он фыркнул, выражая пренебрежение к пресловутой «победе», о которой успели раструбить, прежде чем вспыхнули волнения. — Но противник, судя по всему, оставил на орбите спящие до поры до времени спутники. Они были запрограммированы бездельничать в космосе месяцы, а то и годы, дожидаясь, пока кто-нибудь попробует выйти в эфир или взлететь. И тогда — бац! — Он решительно рубанул рукой воздух. — Неудивительно, что я ничего не могу поймать по своему приемнику!

Гордон кивнул. Версия Джонни пришлась как нельзя более кстати, Гордон и сам был готов сейчас поверить в ее реальность. А что? Это послужило бы прекрасным объяснением молчания в эфире и пустоты, воцарившейся в небе, — куда лучшим, чем истина о том, что вообще всякой цивилизации настал конец.

И как иначе объяснить полное уничтожение всех до одной радиоантенн, мимо которых ему доводилось проходить в своих скитаниях?

— Что же собирается предпринять в этой связи правительство? — спросил заинтересованно Ван

Клик.

«Опять сказки!» — подумал Гордон. Его ложь обречена раздуваться до необъятных размеров, пока кто-нибудь в очередном городке не выведет его на чистую воду.

— Кое-кто из ученых выжил. Надеемся найти в Калифорнии мощности, чтобы собрать ракеты и вывести их на орбиту.

Он не стал развивать эту мысль. Слушатели испытали разочарование.

— Вот бы поскорее удалось посбивать эти проклятые спутники! — размечтался мэр. — Только представить себе, какая воздушная армада застыла без движения! Вы только подумайте, какой сюрприз был бы преподнесен очередной банде холнистов с реки Рог, если бы нас, фермеров, поддержали самолеты и вертолеты американских ВВС!

Он издал звук, удивительно похожий на рев пикирующего истребителя, и сделал ладонью ныряющее движение. Потом он близко к оригиналу воспроизвел автоматную очередь. Гордон покатился с хохоту вместе со всеми. Эти люди по-детски мечтали о том, как им на подмогу явятся всесильные спасители.

Теперь, когда мэр и почтовый инспектор,

судя по всему, обсудили все дела, вокруг них столпилось много народу. Кто-то заиграл на губной гармонике. Джонни Стивенсу сунули в руки гитару, и он продемонстрировал завидную музыкальную одаренность. Вскоре толпа уже самозабвенно распевала народные песенки и любезные сердцу старшего поколения популярные рекламные припевки.

Высоко в небе сияла полная луна. Охватившая всех надежда туманила головы под стать густому, темному пиву, и имела столь же пленительный вкус.

* * *

Через какое-то время до его слуха донесся непонятный звук. Направляясь в уборную — к счастью, в Коттедж-Гроув каким-то чудом сохранилась канализация, — Гордон замер у лестницы.

Что за звук?

Толпа у камина тем временем тянула: «Вставайте поближе и слушайте сказ о странствиях долгих моих...»

Гордон навострил уши. Наверное, почудилось. Уж больно слабенький был звук, да и голова у него гудела от крепкого пива. Однако какое-то странное ощущение — кажется, это зовется ин-

туицией? — не проходило. Оно заставило его, покрутив головой, устремиться вверх по крутой лестнице.

Узкий пролет освещало колеблющееся пламя свечи, укрепленной между этажами. Чем выше он поднимался, тем тише делалось счастливое хмельное пение, доносившееся из бара; его постепенно заглушал скрип ступенек.

Потом он оказался в каком-то темном проходе и стал старательно прислушиваться, но без всякого толку. Махнув рукой, Гордон уже собрался спускаться обратно, отнеся ошибку на счет разыгравшегося воображения, когда звук раздался снова.

Жутковатое, трудноразличимое попискивание... Оно оживило в памяти Гордона смутные воспоминания, и он почувствовал, как волосы зашевелились у него на голове. Он не слыхал ничего подобного уже... очень, очень давно.

В конце явно не убиравшегося пыльного коридорчика слабо вырисовывался контур двери. Стараясь не шуметь, Гордон двинулся вперед.

Опять!

Он коснулся холодной круглой и скользкой ручки на двери. Раз на ней нет пыли, значит, внутри кто-то есть.

Пи-пи-пи...

Не имея привычного револьвера на поясе — он оставил его в своей комнате, решив, что Коттедж-Гроув совершенно безопасное место, — Гордон чувствовал себя не слишком уверенно. Тем не менее он сделал над собой усилие и приоткрыл дверь.

Его взору предстали груды набитых всяческим хламом ящиков, кое-где прикрытых пыльным брезентом. Здесь были драные покрышки, сломанные инструменты, выведенные из строя предметы мебели... Видимо, деревенский люд, опасаясь смутных времен, тащил сюда все, что только не попадалось на глаза. Из глубины этого завала и доносились странные звуки, сопровождаемые слабыми вспышками света, а также сдавленный возбужденный шепот.

Бил, бил...

Гордон пригнулся и двинулся вдоль рядов ящиков, напоминающих в потемках древние геологические отложения. Чем ближе он подбирался к источнику звука, тем сильнее становилось тревожное ощущение. Что-то там впереди светилось, но это был холодный, неспособный согреть свет.

Случилось неминуемое: под его подошвой скрипнула половица.

Тусклый свет озарил пять одновременно повернувшихся к нему детских мордашек, — как мигом определил Гордон к немалому своему облегчению. Дети взирали на него с нескрываемым ужасом, усугубляемым тем, что они сразу узнали, кто пожаловал к ним в гости. Глазенки их расширились, они боялись шелохнуться.

Однако внимание Гордона привлекали сейчас не дети, а маленький коробок, лежащий на овальном коврике. Он не мог поверить собственным глазам.

Коробок был усеян крохотными кнопочками, а в центре его располагался малюсенький экран, испускавший жемчужно-серое сияние. На экране творилось нечто невероятное: из парящих летающих тарелок вылезали розовые пауки и торжественно маршировали в нижнюю часть экрана. Оказавшись внизу, они испускали победный писк, после чего их ряды перестраивались и паучье нашествие возобновлялось.

У Гордона пересохло в горле.

— Где... — начал он.

Дети повскакивали. Один из мальчишек выдавил:

— Сэр?..

Гордон ткнул пальцем в устройство.

— Где, во имя всего святого, где вы это раздобыли? А главное, откуда батарейки?

Один ребенок уже заливался слезами.

— Но, сэр, мы не знали, что поступаем плохо. Томми Смит сказал, что это просто игра, детская игра из прежних времен! Их тут полно, только они не хотят работать...

— Кто такой Томми Смит? — не унимался Гордон.

— Один мальчик. Его папа приехал к нам из Кресвелла с фургоном товара пару лет назад. Мы выменяли у Томми эту штуковину на двадцать старых, неработающих.

Гордон припомнил карту, которую рассматривал этим вечером у себя в комнате. Кресвелл находился к северу отсюда, чуть в стороне от дороги, которая должна была привести его в Юджин.

«Неужели?..» Надежда обожгла его огнем, он даже поморщился вместо того, чтобы возликовать.

— А Томми Смит объяснил, где он взял эту игрушку? — Гордон очень старался не перепугать детей, но его настойчивость и торопливость все равно действовали на них устрашающе.

— Он сказал, что получил ее от какого-то Циклопа! — сообщил девичий голосок, тут же

захлебнулся в рыданиях.

Затем дети в панике бросились врассыпную, воспользовавшись ведомыми лишь им одним укромными проходами пыльного склада. Гордон неожиданно для себя остался один. Он не шевелился, глядя на крохотных розовых захватчиков на мерцающем экране.

— Хрум-хрум-хрум, — неслось от игрушки.

Потом раздалось победное «бип-бип», и игра началась сначала.

3

Из ноздрей пони вырывалось облачко пара. Лошадку вел под уздцы сквозь влажный туман человек в вымокшей накидке. Единственным грузом на спине пони было седло да две раздутые сумки, накрытые по случаю мороси целлофаном.

Серую ленту шоссе усеивали глубокие лужи, под стать озерцам, образовавшимся в бетонном покрытии За годы засухи, свирепствовавшей после войны, четырехполосную дорогу запорошило пылью, а уж на ней поднялась трава, орошаемая зачастившими после конца засухи дождями, — их приносили северо-западные ветры. Шоссе напоминало теперь скорее залитый дождем луг, в который превратилась узкая вырубка, тянущаяся среди поросших лесом холмов вдоль стремительной реки.

Гордон откинул капюшон и вытащил карту. Впереди справа его подстерегало обширное болото между южным и восточным рукавами реки Уилламетт; после их соединения река несла свои воды на запад, представляя собой естественную границу между Юджином и Спрингфилдом. Судя по старой карте, у реки был разбит парк. Сейчас

он не видел в том направлении ничего, кроме нескольких проломленных крыш. Аллеи, стоянки машин и лужайки стали раем для водоплавающих птиц, которым, суля по всему, пришлась по вкусу теперешняя погода.

В Кресвелле Гордон разузнал, что к северу отсюда шоссе делается непроходимым. Ему придется идти непосредственно через Юджин, отыскивать уцелевший мост через реку, а затем каким-то образом возвращаться на дорогу, ведущую на Коберг.

Наставления жителей Кресвелла не отличались подробностями. После войны мало кто рисковал ходить этим путем.

Ничего, он уже несколько месяцев стремится попасть в Юджин. Посмотрим, что от него осталось. Впрочем, задерживаться там он не намеревался. Город был лишь вехой на пути к загадке, притаившейся на севере.

Пока что шоссе, связывавшее между собой штаты, еще не окончательно разрушилось под воздействием стихии. Пусть оно заросло травой и покрылось заполненными водой рытвинами, однако следы преднамеренного воздействия несли на себе только мосты. Видимо, творение умелых человеческих рук способно по-настояще-

му разрушить только время — или сам человек. «А строили мы умело, на века». Не исключено, что будущие поколения американцев, шатающихся по лесам и поедающих друг дружку, станут воображать, что это дело рук спустившихся на землю богов...

Гордон покачал головой. Это все дождь — он навевает печаль.

Скоро перед ним вырос большой дорожный указатель, наполовину утонувший в луже. Расшвыряв ногами хлам, Гордон присел, изучая надпись. При этом он мысленно сравнивал себя с охотником, рассматривающим следы на лесной тропе.

— Тридцатая авеню, — громко прочитал он.

На запад от шоссе вела широкая дорога. Судя по карте, центр Юджина находился совсем неподалеку, за лесистым холмом. Гордон выпрямился и похлопал свою лошадку по спине.

— Пошли, Доббин. Помаши хвостом, предупреждая о правом повороте. Мы почти прибыли.

Пони покорно вздохнул. Гордон слегка потянул за поводья, и они побрели вниз с эстакады, под мост и дальше опять на подъем, забирая к западу.

Вид с холма застилала пелена мороси, благода-

ря которой зрелище разрушенного города не так сильно било по нервам. Уродливые пятна, оставленные пожарами, были давным-давно смыты дождями. Вездесущая растительность, укоренясь в трещинах тротуаров, постепенно затянула дома, скрыв нанесенные им смертельные ранения.

Жители Кресвелла предупреждали Гордона, что за зрелище его ожидает. И все же каждое очередное знакомство с мертвым городом неизменно вызывало у него горечь. Сейчас он брел по улицам-призракам, хрустя битым стеклом. Умытые дождем тротуары блестели кусками расколоченных витрин — надгробных памятников прежней жизни.

В низинной части города улицы поросли ольхой: их затянуло илом, после того как были разрушены плотины в Фолл-Крик и Лукаут-Пойнт. Хлынувшие в долину потоки смыли часть дороги номер 58 к западу от Окриджа, что и заставило Гордона сделать крюк через Кертин, Коттедж-Гроув и Кресвелл и только потом снова повернуть на север.

Опустошение казалось чудовищным. «И все же, — размышлял Гордон, — достойные люди держались здесь долго и, судя по всему, могли даже выстоять».

В Кресвелле, в промежутках между встречами и празднествами, включавшими избрание нового почтмейстера и составление захватывающих планов прокладки новых почтовых трасс на восток и на запад, жители пичкали Гордона рассказами о славном сражении за Юджин. Город продержался еще четыре года после того, как война и эпидемии отрезали его от остального мира. Невиданный союз университетских преподавателей и невежд-фермеров помогал городу-государству успешно справляться со всеми напастями, пока банды мародеров не покончили с ним, взорвав разом все плотины и лишив смельчаков энергии и питьевой воды.

Рассказ уже приобрел черты легенды и напоминал повествование о героической Трое. Впрочем, рассказчики не больно оплакивали участь города. Судя по всему, они относились к поражению как к временному явлению и не сомневались, что еще при их жизни все вернется на свои места.

Оказалось, что оптимизм поселился в сердцах обитателей Кресвелла еще до прибытия Гордона. Его рассказ о Возрожденных Соединенных Штатах стал для них второй по счету дозой добрых вестей менее чем за три месяца. Прошлой зимой к ним нагрянул незнакомец с севера — улыбчивый

человек в странном одеянии, оделивший ребятишек невиданными дарами и исчезнувший, произнеся магическое имя: «Циклоп».

«Циклоп» — так он и сказал?"

Да, Циклоп. Циклоп восстановит былой порядок, вернет комфорт и прогресс, спасет всех от непосильного труда и полнейшей безысходности, оставленной в наследство Светопреставлением. От жителей требовалось для этого немного, а именно — собирать старую технику, особенно электронную. Циклоп примет их пожертвования в виде бесполезного, напрочь загубленного хлама, а также небольшого количества еды, необходимой его добровольным помощникам, взамен же одарит всех в Кресвелле работающими приборами.

Игрушки были всего лишь символом чудес, которые грядут совсем скоро...

Гордону так и не удалось вытянуть из обитателей Кресвелла что-нибудь более вразумительное. Они преисполнились надежды и слишком возбудились, чтобы сохранить способность к логическому рассуждению. Половина из них вообразила, что Возрожденные Соединенные Штаты вызвали к жизни Циклопа, остальные придерживались диаметрально противополож-

ного взгляда. Никому и в голову не пришло, что два этих чуда могут быть совершенно не связаны одно с другим, а представлять собой всего лишь легенды, случайно столкнувшиеся на диких просторах.

У Гордона не хватило духу разочаровывать их или мучать вопросами. Вместо этого он поспешил с отъездом, нагруженный большим количеством писем, чем когда-либо прежде, и полный решимости отыскать источник новой сказки.

Около полудня он свернул на север и двинулся по Университетской улице. Слабый дождик нисколько его не беспокоил. Он намеревался еще некоторое время посвятить исследованию Юджина, а потом, ближе к сумеркам, свернуть на Коберг, где, как предполагалось, поселились люди, жившие тем, что еще давали раскопки в Юджине. Дальше к северу лежали земли, где орудовали последователи Циклопа и откуда они приходили с рассказами о грядущем возрождении.

Бредя неспешно мимо разоренных домов, Гордон размышлял, стоит ли ему повторять свою ложь о возрождении почтовой связи дальше к северу. Вспоминая паучков и летающие тарелки на экране действующей игрушки, он опять испытал

прилив надежды. Вдруг у него появится возможность забыть о принятой на себя роли и заменить ее чем-то таким, во что и впрямь не возбраняется верить? Вдруг действительно объявился кто-то, возглавивший сражение с надвигающимся провалом человечества в каменный век? Уповать на это было слишком заманчиво, чтобы просто отмести подобные надежды как несбыточные, но и шансов на то, что они оправдаются, слишком мало.

Разрушенные городские строения остались позади, уступив место кампусу университета штата Орегон с его просторным спортивным городком, заросшим теперь осиной и ивняком высотой в добрых двадцать футов. Рядом со старым гимнастическим залом Гордон замедлил шаг, а потом и вовсе замер, схватив пони за уздечку.

Лошадка всхрапывала и била в землю копытом, а Гордон напрягал слух до тех пор, пока его не оставили всякие сомнения.

Где-то поблизости раздавались крики. Они то делались громче, то стихали. Голос был женский, полный боли и смертельного страха. Гордон поспешно выхватил из кобуры револьвер. Откуда кричат: с севера, с востока?

Он нырнул в образовавшиеся между универси-

тетскими корпусами густые джунгли, высматривая местечко, где в случае необходимости можно было бы укрыться. Слишком он расслабился за последние месяцы, с тех пор как покинул Окридж, слишком дурные привычки приобрел. Еще чудо, что никто не услышал его приближения: ведь он вышагивал по этим пустынным улицам так, словно они принадлежали ему одному.

Гордон завел пони в гимнастический зал и привязал позади низкой трибуны. Он бросил на пол мешок с овсом, однако не стал трогать седло, а только подтянул подпругу.

Что теперь? Ждать или идти на разведку?

Вооружившись луком, Гордон повесил на пояс колчан и вытащил стрелу. Во время дождя лук — более надежное оружие, нежели револьвер или карабин, не говоря уже о том, что выстрел не производит шума. Одну из сумок с почтой он запихнул в вентиляционное отверстие, подальше от чужих глаз. Отыскивая местечко для другой, спохватился, что отвлекается на глупости, бросил сумку на пол и поспешил на выручку.

Звуки доносились из кирпичной постройки с сохранившимися в окнах стеклами. По всей видимости, мародерам и в голову не пришло сюда заглядывать.

Теперь Гордон смог расслышать приглушенные голоса, негромкое лошадиное ржание и поскрипывание упряжи. Не обнаружив наблюдателей ни в окнах, ни на крышах, он перебежал на другую сторону заросшей лужайки, взлетел по бетонным ступеням к двери и прижался к ней, тяжело дыша. При этом он широко разевал рот, чтобы не сопеть носом.

На двери висел ржавый замок, а также пластмассовая табличка с надписью:

МЕМОРИАЛЬНЫЙ ЦЕНТР ИМЕНИ ТЕОДОРА СТАРДЖОНА
Открыт в мае 1989 г.
Часы работы кафетерия:
11 — 14.30
17 — 20

Голоса раздавались из-за этой двери, однако пока он не мог разобрать ни словечка. Наружная лестница вела на верхние этажи. Немного отступив, Гордон разглядел на четвертом этаже распахнутую дверь.

Он знал, что готовится в который раз свалять дурака. Сейчас, когда ясно, откуда исходит угроза, ему следовало бы вскочить в седло и поскорее убраться подальше.

Тем временем атмосфера внутри явно накалялась. В проеме двери он увидел занесенный кулак. Раздался звук удара, женский крик и грубый мужской смех.

Браня свой проклятый характер, не позволяющий ему поступить наиболее рациональным образом, то есть задать стрекача, Гордон начал аккуратно, стараясь не шуметь, подниматься по бетонным ступенькам.

За дверью его поджидали гниль и плесень. В остальном же верхний этаж студенческого центра досуга выглядел нетронутым. Цел был даже стеклянный потолок, хотя медная обвязка изрядно позеленела. Вниз вел наклонный пандус, застеленный ковром.

Добравшись до центра здания, Гордон почувствовал себя так, словно перенесся в прежние времена Грабители обошли вниманием кабинеты студенческих организаций с их впечатляющим количеством бесполезных бумаг. На стенах так и остались висеть объявления о спортивных соревнованиях, представлениях, политических мероприятиях, оставшихся в далеком прошлом.

Только в последнем кабинете он обнаружил тревожные красные плакаты. Катастрофа пришла неожиданно и быстро положила всему

конец. От здешнего милого взгляду хаоса по-прежнему веяло уютом, радикализмом образца прошлого века, энтузиазмом, молодостью...

Гордон заторопился вниз по пандусу, туда, где звучали голоса. На втором этаже имелся балкон, нависающий над вестибюлем. Остаток пути Гордон преодолел на четвереньках.

Справа, в северной части здания, высоченное стекло было высажено, чтобы под крышу смогли въехать два больших фургона. У западной стены, позади автоматов для игры в китайский бильярд, дышали паром шесть лошадей.

Снаружи, среди осколков стекла, розовели лужи дождевой воды, смешанной с кровью. Здесь распростерлись четыре тела, совсем недавно изрешеченные автоматными очередями. Только одна из жертв, угодив в засаду, успела выхватить оружие — револьвер валялся в луже, в нескольких дюймах от застывшей кисти.

Голоса раздавались слева от Гордона, из-за поворота балкона. Он ползком добрался до места, откуда можно было выглянуть, оставаясь незамеченным.

На западной стене красовались несколько зеркал, и это позволило Гордону увидеть, что творится на первом этаже. Его взгляд тут же уперся в

большой камин, где трещала в огне порубленная мебель. Он приподнял голову еще немного и увидел четверых вооруженных до зубов мужчин, стоявших возле камина. Пятый развалился на диванчике, держа на мушке автоматической винтовки двух пленников — мальчика лет девяти и молодую женщину.

От недавно нанесенного удара на щеке женщины красовалось багровое пятно, каштановые волосы были взлохмачены. Она прижимала к себе мальчика и не спускала с мужчин глаз. Оба пленника слишком обессилели, чтобы проливать слезы.

Все мужчины носили бороды, все были затянуты в довоенные пятнистые комбинезоны, у каждого в левом ухе красовалось минимум по одной серьге.

«Мастера выживания»! Гордон содрогнулся от отвращения.

Когда-то, еще до катастрофы, это понятие имело несколько значений, включая и наличие здравого смысла, и готовность постоять за честь свою и соседа, однако и антисоциальная паранойя неполноценных любителей пострелять сюда тоже входила. В каком-то смысле и сам Гордон мог бы именоваться «мастером выживания». Од-

нако последнее, сугубо отрицательное значение в итоге вытеснило все остальные — слишком уж много зла натворили люди этого сорта.

Повсюду, где довелось побывать Гордону, народ был единодушен в своем отвращении к ним. В любом округе, в любом селении этих обезумевших от чувства вседозволенности головорезов, презревших все законы, винили в чудовищных бедах, что привели к окончательному краху, — винили гораздо больше, нежели врага, чьи бомбы и бактерии принесли столь чудовищные разрушения в ходе Однонедельной войны.

Самыми ненавистными из головорезов были последователи Натана Холка, да пожрет его адский пламень!

Но откуда взялись «мастера выживания» в долине реки Уилламетт? В Коттедж-Гроув Гордона убеждали, что последняя их банда была оттеснена на юг от Розберга, к реке Рог, несколько лет тому назад! Что понадобилось здесь этим дьяволам? Он подался еще немного вперед и прислушался.

— Не знаю, командир... Вряд ли нам надо продолжать рейд. Достаточно намеков насчет какого-то Циклопа и от этой пташки. Ишь как напугана, что проболталась! Лучше вернемся-ка в Сите-Браво, к лодкам, и доложим обо всем, что

выведали.

Говоривший — низкорослый, лысый и жилистый тип, грел руки над огнем, стоя к Гордону спиной; на плече у него висел дулом вниз автомат с пламегасителем. Рослый субъект, к которому он обращался как к командиру, имел шрам от подбородка до уха, и его не могла скрыть даже густая борода с проседью. Он скалился, демонстрируя провалы во рту.

— Ты что, веришь тому, что наплела здесь эта дуреха? Всей той ерунде насчет большого компьютера? Бредни! Она врет, чтобы мы скорее уносили ноги!

— Ах так! А что ты на это скажешь? — Лысый указал на фургон.

Гордон увидел в зеркале часть груза — разнообразные предметы, собранные, несомненно, здесь же, в университете, — сплошь электроника. Не фермерский инвентарь, не одежда, не безделушки — электроника! Он впервые видел фургон, забитый такого рода добычей. Отсюда следовали столь далеко идущие выводы, что у него заколотилось сердце. Гордон так разнервничался, что едва успел спрятаться, когда лысый повернулся, чтобы взять что-то со стола.

— А это? — не унимался лысый. На его ладони

лежала игрушка — видеоигра, подобная той, какую Гордон видел в Коттедж-Гроув.

Экран засветился, игрушка издала мелодичный писк. Командир долго сверлил ее мрачным взглядом, затем передернул плечами:

— Ну и что? Чепуха!

Тут подал голос еще один член отряда:

— А я согласен с Коротышкой Джимом...

— Его обозначение — «Синий-Пять»! — рявкнул верзила. — Забыли про дисциплину?

— Ну да, — кивнул третий, ничуть не смутившись от выговора. — В общем, я согласен с Синим-Пять. Думаю, нам надо доложить обо всем полковнику Безоару и генералу. Это может угрожать плану вторжения. Вдруг у фермеров на севере и впрямь завелись разные сложные штуковины? Вот пойдем в наступление и напоремся на какие-нибудь лазеры или что-нибудь почище. Если на них работает кто-нибудь из ВВС или флота, то нам несдобровать!

— Тем более следует продолжить разведку, — отозвался главарь. — Надо будет побольше разузнать об этом Циклопе.

— Но ты же сам видел, как долго нам пришлось возиться с этой бабой, чтобы вытянуть из нее, хоть пару словечек. Не можем же мы бросить ее

здесь, а сами идти дальше! Если бы мы повернули назад, к лодкам, то взяли бы ее с собой и...

— К черту бабу! Сегодня же ее прикончим. И сосунка заодно. Ты слишком долго торчал в горах, Синий-Четыре. Здесь смазливые пташки кишмя кишат. Этой надо навсегда заткнуть рот, а не тащить за собой.

Спор нисколько не удивил Гордона. Повсюду, где им только удавалось закрепиться, эти безумцы охотились за женщинами, а также за едой и рабами. После первых лет бойни в большинстве холнистских анклавов скопилось слишком много мужчин, тогда как женщины были наперечет. Теперь среди «мастеров выживания» они считались ценным приобретением. Так что вполне понятно, почему кое-кому из головорезов захотелось тащить женщину в свое логово. Гордон уже разглядел, что она вполне миловидна — стоит подлечить ее и заставить забыть про только что испытанный ужас. Мальчик, которого она прижимала к себе, смотрел на негодяев с лютой ненавистью.

Услышанное позволило Гордону предположить, что банды с Рог-Ривер наконец-то сплотились, принужденные к этому каким-то вновь выдвинувшимся предводителем. Они, по всей

видимости, намеревались нанести удар с моря, обойдя укрепления в Розвилле и в долине Камас, где фермерам удалось отразить их прежние завоевательные набеги. Успех такого дерзкого начинания мог положить конец остаткам цивилизации, теплившимся в долине реки Уилламетт.

До последних минут Гордон убеждал себя, что способен держаться в стороне от схватки. Однако за семнадцать лет оставшиеся в живых привыкли, что на сохранение нейтралитета рассчитывать нечего. Даже враждующие деревни, обуреваемые жаждой мести, враз отбросили бы свои счеты и объединились, чтобы искоренить банду, подобную этой. Одного вида армейского камуфляжа и золотых серег хватило бы, чтобы вызвать взрыв ненависти, которую испытывал к этим нелюдям буквально каждый, как к стервятникам. Гордон даже и не думал теперь о том, чтобы улизнуть, не попытавшись причинить отряду холнистов хоть какой-то ущерб.

Воспользовавшись тем, что дождь прекратился, двое вышли наружу и принялись обирать трупы, при этом отрубая в качестве отвратительных трофеев части тел. Снова усилившаяся морось вынудила бандитов переключить внимание на

фургоны и учинить в них разгром в поисках чего-нибудь поценнее. Судя по их брани, поиски не увенчались успехом. Гордон слышал, как хрустят под подошвами башмаков хрупкие бесценные детали электронных устройств.

С пленниками остался только один охранник; он отвернулся от зеркальной стены и не мог поэтому заметить Гордона. Сейчас он занимался тем, что чистил оружие.

Проклиная себя за нерасторопность, Гордон все же попытался воспользоваться предоставленной возможностью. Он высунул голову из-за ограждения балкона и помахал рукой. Женщина заметила его жест, ее глаза расширились.

Он приложил палец к губам, надеясь показать этим, что ее обидчики являются врагами и для него. Женщина замигала, и Гордон испугался, что она сейчас заговорит. Ее взгляд скользнул по часовому, который по-прежнему не поднимал головы от затвора, затем снова переместился на Гордона, и она легонько кивнула. Он показал ей поднятый большой палец и, пригибаясь, покинул балкон.

Первым делом он утолил жажду, почти опорожнив фляжку: во рту у него совершенно пересохло. Потом, найдя кабинет, где было поменьше пыли

— не хватало только расчихаться! — сжевал кусок вяленого мяса и настроился ждать.

* * *

Случай подвернулся ближе к закату. Трое бандитов ушли на разведку. Лысый, по кличке Коротышка Джим, остался за повара: ему предстояло зажарить в камине оленью ногу. Охрану пленников поручили худолицему холнисту с тремя золотыми серьгами; не спуская глаз с молодой женщины, он строгал ножом деревяшку. Гордон опасался, что вожделение, которого холнист не скрывал, в конце концов пересилит в нем боязнь наказания. Времени оставалось все меньше.

Гордон приготовил лук и стрелу. Еще две стрелы лежали рядом на ковре. Кобура была расстегнута, под бойком револьвера поблескивал патрон. Оставалось только ждать.

Часовой отложил деревяшку, которую строгал, затем поднялся. Женщина, еще сильнее прижав к себе мальчика, отвернулась.

— Синий-Один этого не одобрит, — раздался от камина предостерегающий голос Коротышки Джима.

Часовой навис над женщиной. Она пыталась сдержать дрожь, но все равно поежилась, когда

он провел ладонью по ее волосам. Глаза мальчика пылали ненавистью.

— Синий-Один говорил, что мы все равно пустим ее в расход, но сперва попользуемся ею по очереди. Почему бы мне не стать первым? Вдруг мне удастся заставить ее порассказать побольше насчет этого Циклопа? Ну, как, крошка? Кулаками из тебя ничего не выбьешь, но я знаю, как тебя приручить.

— А мальчишка? — полюбопытствовал Коротышка Джим.

Часовой лениво повел плечами.

— Мальчишка?..

Внезапно в его правом кулаке блеснул охотничий нож. Левой рукой он сгреб мальчика за вихры и оторвал от женщины. Та взвизгнула.

У Гордона не осталось времени на раздумья. Однако он сделал не то, что казалось наиболее естественным, а то, чего требовала тактика. Вместо того чтобы прикончить мерзавца с ножом, он резко повернул лук и пронзил стрелой грудь Коротышки Джима. Тот изогнулся, удивленно взглянул на проткнувший его предмет и рухнул навзничь.

Гордон поспешно зарядил новую стрелу и, повернувшись, увидел, как часовой выдергивает

нож из плеча женщины: она, должно быть, попыталась защитить ребенка и приняла удар на себя. Мальчик забился в угол.

Несмотря на кровоточащую рану, женщина не отпускала врага, царапая его ногтями и не давая Гордону прицелиться. Бандит сначала оказывал ей неуклюжее сопротивление, больше ругаясь и пытаясь поймать за руки. Наконец ему это надоело и он повалил ее на пол. Рассвирепев от царапин и не подозревая об участи, постигшей его сообщника, он с ухмылкой занес нож и шагнул к раненой, судорожно ловящей ртом воздух.

В это самое мгновение стрела Гордона пробила его комбинезон, скользнула по спине, оставляя кровавый след, и впилась в кушетку.

Устрашающая внешность «мастеров выживания» отчасти соответствовала действительности: в мире не было равных им по умению сражаться. Прежде чем Гордон успел выпустить вторую стрелу, детина метнулся в сторону и схватил автоматическую винтовку. Гордону пришлось спрятаться за ограждением, спасаясь от прицельных выстрелов. Пули со звоном отскакивали от стальных прутьев как раз в тех местах, где он только что появлялся.

На ствол винтовки был навинчен глушитель,

поэтому бандит не мог стрелять очередями; однако и одиночные выстрелы заставляли Гордона без устали кататься по полу и не давали возможности вытащить револьвер. Он справился с этой задачей, лишь забравшись в дальний угол балкона.

Его противник, однако, обладал тонким слухом. В каком-то дюйме от лица чудом отпрянувшего Гордона полетели в разные стороны щепки от вонзившейся в дощатую стену пули. Затем наступила тишина, нарушаемая только бешеным стуком сердца Гордона, громом отдававшимся у него в ушах.

«Что теперь?» — подумал он.

Внизу раздался громкий крик. Гордон успел разглядеть в зеркале безумную картину: маленькая женщина подняла над головой тяжелый стул, собираясь обрушить его на верзилу. Тот обернулся и выстрелил. На груди женщины появилось ярко-красное пятно, и она осела на пол; стул откатился убийце под ноги.

До Гордона донесся щелчок, свидетельствовавший о том, что магазин смертоносной винтовки опустел; возможно, это ему лишь показалось. Но, как бы там ни было, он, уже не думая об опасности, вскочил налоги и, держа перед собой

револьвер обеими руками, несколько раз спустил курок. Остановился он лишь после того, как боек несколько раз подряд ударился о пустой дымящийся патронник.

Противник еще держался на ногах, пытаясь вогнать в магазин винтовки новую обойму, однако на пятнистой гимнастерке уже начали расплываться багровые пятна. В его взгляде, упершемся в Гордона, застывшего с дымящимся револьвером в руке, читалось удивление.

Наконец ослабевшие пальцы выпустили винтовку, она с лязгом ударилась об пол. За винтовкой последовал и хозяин.

Гордон ринулся вниз, к раненой женщине, прыжком преодолев перила. Впрочем, он сначала удостоверился, что «мастера выживания» на сей раз таки не выжили.

Несчастная с усилием приподняла голову и прошептала:

— Кто?..

— Молчите, — оборвал Гордон, вытирая струйку крови, сбегающую из уголка ее рта.

Зрачки женщины расширились, жизнь покидала ее. Однако она увидела его форму с нашивкой «Почтовая служба Возрожденных Соединенных Штатов» на нагрудном кармане. В глазах раненой

застыл немой вопрос.

«Пусть верит, — мелькнуло в голове Гордона. — Она сейчас умрет, так пусть умирает с верой, что это правда».

Однако ему не удалось заставить себя произнести сейчас лживые слова, которые так часто слетали с его уст и завели так далеко. Нет, сейчас он не был на это способен.

— Я простой путешественник, мисс. — Он покачал головой. — Я... ваш согражданин, пытающийся помочь.

Она слабо кивнула, как будто даже не испытав разочарования, словно и такой вариант казался ей чудом.

— На север... — выдохнула она. — Возьмите мальчика. Предупредите... предупредите Циклопа.

Даже в последних словах умирающей слышались уверенность, преданность, надежда на избавление от мук. Похоже, она верила в машину, название которой произнесла.

«Циклоп...» — думал Гордон, убирая руку от холодеющего лба. Теперь у него появилась еще одна причина отыскать источник этой легенды.

Он не мог тратить время на похороны. Пусть винтовка бандита стреляла негромко — зато

шума от револьвера Гордона было достаточно, чтобы насторожить остальных холнистов. В его распоряжении оставалось несколько секунд, чтобы скрыться вместе с мальчиком.

В десяти футах от них перебирали копытами кони. А где-то на севере находилось то, ради чего, не задумываясь, приняла смерть отважная молодая женщина.

«Только бы это оказалось правдой...» — стучало в мозгу Гордона, пока он подбирал винтовку и патроны поверженного врага. Он бы не задумываясь отказался от выбранной им роли, если бы узнал, что хоть кто-то взял на себя ответственность и пытается противостоять наступлению каменного века. Такому человеку он предложит свою верность и любую посильную помощь. Пусть даже не человеку, а суперкомпьютеру.

Снаружи донеслись крики. Они делались все громче. Гордон взглянул на мальчугана, который таращил на него глаза, забившись, в угол.

— Что ж, идем, — позвал он, протягивая руку. — Вернее, по коням!

4

Посадив ребенка впереди себя в седло, Гордон поскакал прочь от места побоища со всей прытью, на какую только оказался способен украденный конь. Оглянувшись, он увидел бандитов, тщетно пытающихся догнать его на своих двоих. Один опустился на колено, чтобы получше прицелиться.

Гордон пригнулся и заколотил каблуками по бокам коня. Тот заржал и шарахнулся за угол разграбленного магазина в тот самый момент, когда пули ударились в гранит позади них, выбив фонтан осколков.

Гордон радовался своей предусмотрительности: ведь он разогнал остальных лошадей, прежде чем запрыгнуть в седло. Но радость была недолгой: обернувшись, он увидел, что один из неприятелей пытается настигнуть их на его же собственном пони!

На мгновение Гордона обуял безумный страх. Раз они нашли его лошадку, что им стоит отыскать и уничтожить сумки с почтой? Усилием воли заставив себя не думать о сумках, он пустил коня галопом. К черту письма! В конце концов,

это всего лишь его сценический реквизит. Сейчас важнее другое: у него остался всего один преследователь. Это уравнивало шансы.

Во всяком случае, почти...

Он подхлестнул коня уздечкой и посильнее лягнул каблуками, уносясь все дальше по пустой улице бывшего центра Юджина. Цокот преследуемых копыт раздавался все ближе. Так и не обернувшись, Гордон свернул в проулок. Конь пронесся по россыпи битого стекла и вынес седоков на следующую улицу, потом — на параллельную.

Гордон свернул к зарослям, зеленевшим по другую сторону площади, и остановил запыхавшегося коня в небольшом парке, посреди дубовой рощицы.

Непонятный шум мешал ему слышать. Гордону потребовалось время, чтобы сообразить, что это его собственное дыхание, собственная кровь стучит в висках.

— С тобой все в порядке? — задыхаясь, спросил он мальчишку, вцепившегося в луку седла.

Тот только молча проглотил слюну и обессиленно кивнул. Он был перепуган до смерти, насмотревшись ужасов за сегодняшний день, однако у него хватило ума не паниковать, а просто

настороженно ждать, что предпримет дальше его спаситель.

Гордон привстал в седле и попытался что-нибудь разглядеть сквозь семнадцатилетние заросли. Кажется, они улизнули от преследователя — по крайней мере, на какое-то время. Разумеется, нельзя исключать возможность, что тот тоже затаился поблизости и обратился в слух.

У Гордона дрожали от волнения пальцы, однако он ухитрился извлечь из кобуры револьвер и перезарядить его. Одновременно он пытался собраться с мыслями.

Если их преследовал всего один всадник, то наилучшим выходом было не высовываться и ждать, что тот предпримет. Пустившись на поиски, бандит неминуемо потеряет их. Плохо то, что скоро к нему могут присоединиться остальные холнисты. Из этого следовало, что лучше немного пошуметь, чем позволить опытным следопытам с Рог-Ривер устроить настоящую облаву.

Он поглаживал коня по шее, давая ему время отдышаться.

— Как тебя зовут? — спросил он мальчика.

— М...Марк, — пискнул тот.

— А меня Гордон. Девушка, спасшая нас обоих

там, у камина, это твоя сестра?

Марк отрицательно покачал головой. Дитя каменного века, он был способен сдержать слезы.

— Нет, сэр, это моя мама.

Гордон удивленно разинул рот. Женщины, успевшие произвести на свет ребенка, теперь редко выглядели столь молодо. По всей видимости, мать Марка жила в необычных условиях — вот еще одно подтверждение загадочных событий, происходящих в северном Орегоне.

Дневной свет быстро сменили сумерки. По-прежнему не улавливая ни малейшего шума, Гордон тихонько тронулся с места, сдерживая коня коленями и следя, чтобы тот ступал только по мягким участкам. Не теряя бдительности, он то и дело останавливался и прислушивался.

Вскоре до них донесся крик. Мальчик окаменел. Однако кричали на удалении нескольких кварталов. Гордон пустил коня в противоположном направлении, собираясь добраться до одного из мостов через Уилламетт в северной части города.

Когда они подъехали к мосту на дороге номер 105, сумерки уже сменились темнотой. Тучи успели за день вылить на землю всю накопившуюся в них влагу, однако никак не рассеивались,

из-за чего руины по обеим сторонам улицы были погружены в полный мрак, даже звезды не светили. Гордон напрягал зрение, пытаясь хоть что-то разглядеть. Накануне он слышал, что этот мост, вроде, остался нетронутым, к тому же как будто ничто не свидетельствовало о наличии здесь засады.

Впрочем, среди высоких ферм на мосту вполне мог притаиться опытный боец с винтовкой...

Гордон покачал головой, укоряя самого себя. Не для того он протянул столько лет, чтобы сейчас идти на глупый риск. Тем более что это не единственный возможный вариант движения. Было бы, конечно, очень неплохо выехать на старое шоссе, связывавшее штаты, и направиться прямиком к Корваллису и загадочному царству Циклопа, однако существовали и другие пути. Он развернул коня и поскакал на запад, прочь от подозрительных очертаний моста.

По извилистым боковым улочкам Гордон двигался быстро, к тому же все время петляя. Несколько раз он воображал, что заблудился, и скакал наугад. В конце концов по звуку бегущей воды он нашел шоссе номер 99.

Здешний мост представлял собой просто отрезок шоссе, лишенный вселяющих опасения ферм.

К тому же никакого другого пути не оставалось. Низко наклонившись над мальчиком, Гордон галопом преодолел мост и еще какое-то время не переходил на шаг, чтобы окончательно оторваться от возможной погони.

Наконец он слез со взмыленного коня и повел его под уздцы, дав отдышаться. Когда он снова сел в седло, то обнаружил, что юный Марк забылся сном. Гордон укутал накидкой его и себя и затрусил на север, вглядываясь в темноту в поисках огонька.

Примерно за час до рассвета они добрались до обнесенной стеной деревни под названием Гаррисберг.

Рассказы о процветании в северной части Орегона не передавали действительности во всей ее полноте. Судя по всему, это поселение давным-давно, даже слишком долго, не ведало беспокойства. Простреливаемая зона под стеной заросла густой растительностью, на сторожевых башнях не было видно часовых. Гордону пришлось драть глотку минут пять, прежде чем перед ним соизволили открыть ворота.

— Мне необходимо переговорить с вашими старшими, — сказал он впустившим его людям, останавливаясь под разбитым козырьком мага-

зина. — Вам грозит такая опасность, о какой вы не вспоминали уже много лет.

Он подробно рассказал о попавших в засаду сборщиках довоенного добра, о безжалостных мерзавцах и о том, что они намерены приступить к прочесыванию северного берега Уилламетта. Времени на раздумья не оставалось. Требовалось нанести стремительный удар по холнистам, прежде чем они приведут свой план в действие.

Однако он с брезгливым удивлением констатировал, что заспанная деревенщина не склонна верить ему на слово и тем более — мчаться куда глаза глядят в темень и дождь. Они подозрительно рассматривали Гордона и упрямо качали головами в ответ на его настойчивые призывы выслать разъезд.

Юный Марк так вымотался, что не мог разлепить глаза, поэтому был не в состоянии подтвердить его рассказ. Местный же люд предпочитал относиться к неприятному известию как к явному преувеличению. Их больше устраивало предположение, что Гордон напоролся на местных бандитов, рыскающих к югу от Юджина, куда еще не добралось влияние Циклопа. Ведь уже много лет никто не видел холнистов в этих краях! Судя по всему, они давным-давно поуби-

вали друг друга, после того как вздернули самого Натана Холна.

Люди ободряюще похлопали Гордона по спине, а потом стали расходиться по домам. Владелец магазина предложил ему расположиться у него на складе.

Гордон не верил собственным ушам и глазам. Как эти идиоты не понимают, что их жизни угрожает опасность? Если сейчас разведывательный отряд холнистов ускользнет невредимым, то нечисть нагрянет снова, навалившись всеми своими силами...

— Послушайте же меня! — взывал он к собравшимся, но их деревенское упрямство оказалось непробиваемым — логика на них не действовала. Они расходились, не желая пошевелить и пальцем для собственного спасения.

Отчаявшись и исчерпав все аргументы, Гордон со злостью сдернул с плеч накидку, демонстрируя упрямцам форму почтового инспектора. Теперь его натиск был неудержим.

— Вы, кажется, никак не возьмете в толк, что я *не прошу* у вас помощи. Неужели вы полагаете, что для меня так важна ваша дурацкая деревушка? Нет, мне дорого другое: у этих негодяев остались две сумки с почтой, которую они украли

у граждан Соединенных Штатов, и я *приказываю* вам, пользуясь своими полномочиями чиновника федеральной администрации, собрать отряд вооруженных людей и отыскать бандитов!

За последние месяцы Гордон неплохо попрактиковался, оттачивая свою роль, однако так сильно его еще ни разу не заносило. Стоило кому-то из вылупивших глаза деревенских обитателей попытаться промямлить что-то ему в ответ, как он властно заткнул ослушнику рот. Голос его дрожал от негодования, когда он внушал им, какие лютые козни обрушатся на их головы, стоит возрожденной нации узнать об их постыдном поведении. Надо же, безмозглая деревушка попряталась за стенами и позволила себе упустить заклятых врагов нации!

Сузив глаза, он медленно повторил:

— Невежественные увальни, у вас в запасе всего десять минут, чтобы собрать отряд и подняться в седла. Предупреждаю вас, в случае неповиновения последствия окажутся куда более неприятными, чем конная прогулка под дождем!

Увальни недоуменно моргали. Большая их часть так и осталась стоять столбами, пялясь на его форму и сияющую на фуражке кокарду. Пусть им не дано понять, какая опасность угрожает

деревушке, но эту фантастическую историю им придется проглотить целиком — либо так же целиком отвергнуть.

Ситуация какое-то время оставалась критической. Гордон был близок к отчаянию, когда, наконец, все вдруг пришло в движение. Мужчины принялись покрикивать друг на друга и бегать в поисках оружия, женщины начали седлать лошадей. Гордон остался стоять в одиночестве в хлопающей на ветру накидке, ругаясь про себя последними словами. В конце концов гаррисбергский отряд был собран и готов к решительным действиям.

«Господи, что это на меня нашло?» — успокаиваясь, спохватился вдруг Гордон. Наверное, он начинает по-настоящему входить в роль. В решающий момент, отчитывая местных жителей, он и сам поверил в то, что говорил. Он ощутил власть, эманацию власти, исходящую от театрального персонажа, в которого он перевоплотился: этот слуга Народа имеет право на гнев, когда глупые и ленивые людишки препятствуют ему в осуществлении своего высокого предназначения...

Сей эпизод стал для него потрясением; какие-то минуты он не на шутку сомневался в собственном душевном здоровье. Одно сделалось ясно: он наде-

ялся расстаться с выдумкой о почте, добравшись до северного Орегона, теперь же приходилось отказаться от этого намерения. Роль прилипла к нему намертво, и одному провидению известно, принесет это в конечном счете пользу или вред.

Спустя четверть часа гаррисбергские увальни уже гарцевали вокруг, горя нетерпением. Доверив мальчика местной семье, Гордон вместе с отрядом скрылся за стеной дождя.

Сейчас, при свете дня и при наличии сменных лошадей, двигаться пришлось не так долго. Гордон позаботился, чтобы был выслан авангард и выставлен арьергард на случай засад, а основной отряд разделил на три части. Достигнув кампуса Орегонского университета, всадники спешились, окружая Центр студенческого досуга.

Хотя количество бойцов отряда превосходило банду примерно в восемь раз, Гордон полагал, что силы их примерно равны. По мере приближения к месту расправы он морщился при каждом звуке, издаваемом неуклюжими фермерами, и нервно следил за окнами и крышами.

Ему приходилось слышать, что дальше к югу продвижение холнистов было остановлено благодаря бесстрашию и решительности выступивших против них жителей. Какой-то легендарный та-

мошний лидер преподал «мастерам выживания» неплохой урок. Наверное, именно потому они и пытаются просочиться вдоль побережья на север. Здесь все обстоит по-другому: если начнется настоящее вторжение, у местных вояк не будет ни малейшего шанса выстоять.

К тому моменту, когда отряд ворвался в Студенческий центр, бандитов и след простыл. Камин давно потух. Следы, отпечатавшиеся в уличной грязи, вели на запад, к морю.

Жертвы бойни валялись на полу в кафетерии; у трупов были отрезаны уши, а также некоторые другие части тела, прихваченные убийцами в качестве трофеев. Гаррисбергцы смотрели на страшные дыры, проделанные в телах автоматическим оружием, вспоминая столь же жуткие картины, оставшиеся, казалось бы, в прошлом.

Гордону пришлось напомнить им о необходимости предать тела земле.

События этого утра принесли Гордону одни разочарования. У него не было иного способа доказать, что бандиты на самом деле являлись разведывательным отрядом холнистов, кроме дальнейшего преследования, о котором с этими несмелыми фермерами не могло идти и речи. Им уже хотелось домой, под охрану высокой, на-

дежной стены. Гордон, вздыхая, настоял на еще одной остановке.

В пропитанном влагой, разваливающемся здании университетского гимнастического зала он нашел свои сумки с почтой. Одна лежала нетронутой там, где он ее оставил, другая была раскрыта, и письма из нее усеивали пол.

Гордон разыграл буйную ярость, и деревенские, приняв представление за чистую монету, бросились помогать ему собирать бумажки. У него отменно получился не помнящий себя от гнева почтовый инспектор, клянущийся отомстить отродью, осмелившемуся замахнуться на саму федеральную почту.

На самом деле за представлением не стояло даже подобия душевного порыва. Гордон сейчас не мог думать ни о чем другом, кроме своего пустого желудка и смертельной усталости.

Обратный путь сквозь ледяной туман оказался тяжелым. В Гаррисберге мучения Гордона продолжились. Ему пришлось опять разыгрывать старый сценарий: передавать адресатам письма, собранные к югу от Юджина, наблюдать слезливое ликование счастливчиков, узнавших о том, что их родственник или знакомый, которого они давно мысленно похоронили, здравствует,

назначать местного почтмейстера и участвовать в глупых празднествах.

На следующее утро он проснулся опухший, с болью во всем теле, дрожа от лихорадки. Его мучали ужасные сны: все они кончались вопросительным взглядом умирающей женщины, в котором была надежда.

Как ни уговаривали его жители Гаррисберга, он не согласился остаться еще даже на часок. Сразу после завтрака Гордон оседлал подаренного ему отдохнувшего коня, погрузил сумки с почтой и направился прямиком на север.

Пришло наконец время взглянуть на Циклопа.

5

"18 мая 2011 г.

Прохождение: Шедд, Гаррисберг, Кресвелл, Коттедж-Гроув, Калп-Крик, Окридж — в Пайн-Вью.

Дорогая миссис Томпсон,

первые Ваши три письма нашли меня в Шедде, к югу от Корваллиса. Трудно выразить, как я рад был их получить. Я счастлив за Эбби и Майкла; надеюсь, у них родится дочка.

Я обратил внимание на то, что вы продлили местную почтовую трассу, так что она включает теперь Джилкрист, Нью-Бонд и Редмонд. К письму прилагаются временные мандаты для лиц, рекомендуемых Вами на почтмейстерские должности, подлежащие последующему подтверждению. Ваша инициатива заслуживает всяческого одобрения.

Новость о смене режима в Окридже встречена благосклонно. Надеюсь, что перемены окажутся необратимыми".

В уютной комнате, предоставленной гостю, стояла тишина, нарушаемая только бегом серебряного пера автоматической ручки по желтоватому листу бумаги. В открытое окно заглядывала бледная луна, пробившаяся сквозь облака; до слуха Гордона долетали обрывки музыки и смех. Некоторое время назад он, сославшись на усталость, покинул своих гостеприимных хозяев, оставшихся отплясывать бойкий негритянский танец.

Он успел привыкнуть к празднествам, неизменно устраиваемым повсюду в честь прибытия «правительственного посланника». Однако здесь его ждало кое-что новенькое: еще ни разу со времени голодных бунтов, то есть за очень долгий период, он не видел такого скопления народу.

Звучали местные ритмы; как и прежде с наступлением осени, фермеры брали в руки скрипки, банджо и с легкостью пускались в пляс. Это тоже ему знакомо.

Однако нельзя было не заметить и различий.

Гордон повертел авторучку, разминая пальцы, и перебрал письма от друзей в Пайн-Вью. Они пришли как раз вовремя, чтобы подтвердить правдивость его легенды. Почтовый курьер с юга долины Уилламетт — Гордон сам назначил его на эту должность всего две недели тому назад —

прискакал на взмыленном коне и отказался даже от стакана воды, торопясь первым делом предстать перед местным «инспектором». Поведение славного юноши мигом развеяло последние сомнения, еще оставшиеся кое у кого. Сказка в очередной раз сработала.

Во всяком случае, пока...

Гордон снова склонился над письмом.

"Вы наверняка уже получили мое предупреждение о возможности вторжения «мастеров выживания», скопившихся у Рог-Ривер. Знаю, что Вы примете все необходимые меры для защиты Пайн-Вью. Однако здесь, в странных пока для меня владениях Циклопа, мне до сих пор не удалось внушить людям, что эта угроза серьезна. По сегодняшним стандартам, они слишком долго живут в мирной обстановке. Они прекрасно ко мне относятся, но явно считают, что я преувеличиваю опасность.

На завтра мне наконец-то назначена аудиенция. Возможно, удастся убедить в реальности опасности самого Циклопа.

Было бы печально, если бы эта неви-

данная община, руководимая машиной, пала под ударами варваров. С тех пор как я покинул цивилизованное восточное побережье, Корваллис — самое сильное мое впечатление".

Мысленно Гордон тут же внес поправку в написанное. Низовья реки Уилламетт были без всяких скидок наиболее цивилизованным районом, увиденным им за последние пятнадцать лет, и точка. Здесь каким-то чудом сохранились мир и благоденствие; наверное, всему причиной умница-компьютер и преданные ему слуги.

Гордон поднял глаза на лампу, которая пару раз мигнула. Еще раз мигнув, сорокаваттная лампочка под ситцевым абажуром снова загорелась ровным светом. Спасибо ветрогенераторам! Несмотря на мягкий свет, глаза Гордона начинали слезиться всякий раз, когда он смотрел на лампу.

К этой благодати он еще не успел привыкнуть. Прибыв в Корваллис, он впервые за последний десяток лет увидел электрический свет — и тут же позорно ретировался, едва успев извиниться перед местным руководством, собравшимся его приветствовать. Укрывшись в ванной, он не сразу пришел в себя. Куда это годится — чтобы

так называемый представитель «правительства из Сент-Пола» прилюдно разразился рыданиями при виде слабых электрических лампочек?

"Корваллис и его окрестности разделены на самоуправляемые районы, в каждом из которых проживает человек по двести-триста. Все окрестные земли засеяны или используются под выпасы с применением современных методов возделывания и гибридных семян, производимых здесь же. Местным жителям удалось сохранить с довоенных времен несколько штаммов дрожжей, получаемых методом биоинженерии, на основе которых они теперь изготовляют медикаменты и удобрения.

Естественно, в полях приходится использовать конную тягу, зато здешние кузнецы изготовляют инвентарь из весьма высококачественной стали. Здесь даже взялись собирать вручную турбины, приводимые в движение силой воды и ветра, — конструкция принадлежит, разумеется, Циклопу.

Местные умельцы высказывают ин-

терес к развитию торговли с теми, кто проживает на юге и востоке. К письму я приложу перечень предметов, которые они желали бы получить в порядке обмена. Предлагаю снять с него копии и передать по нашей трассе".

Гордон с самых довоенных времен не видывал такого скопления упитанных, довольных жизнью людей, не слыхивал такого искреннего смеха, раздающегося без всякой видимой причины. Здесь издавалась газета, действовала библиотека, каждый ребенок старше четырех лет посещал школу. Наконец-то он нашел то, что искал с тех самых пор, как полтора десятка лет назад неразбериха и отчаяние войны разбили все его надежды, — сообщество благонамеренных людей, усиленно возрождающих нормальную жизнь.

Как бы ему хотелось стать в их ряды, покончить с жизнью клоуна, довольствующегося угощением и местом для ночлега!.. Ирония ситуации заключалась в том, что эти люди с радостью пустили бы Гордона Кранца к себе, однако у него уже не было возможности сбросить форму. То, что он натворил в Гаррисберге, связало его по рукам и ногам. Если бы он открыл теперь всю правду, ему

не было бы прощения.

Гордону оставалось слыть в их глазах полубогом — или превратиться в полное ничто. Вряд ли кто-нибудь до него становился столь же беспомощным пленником собственной лжи...

Он покачал головой. Придется принимать протянутую ему руку. Вдруг почтальон и вправду окажется им кстати?

> "До сих пор мне не удалось много выведать насчет самого Циклопа. Говорят, что этот суперкомпьютер управляет не напрямую, а лишь ставит условие, чтобы все деревни и города, пользующиеся его услугами, жили в мире и соблюдали демократические принципы. В результате он сделался судьей и арбитром на всей территории низовий реки Уилламетт, вплоть до ее впадения в Колумбию к северу отсюда.
>
> В Совете мне сказали, что Циклоп проявляет большую заинтересованность в создании постоянно действующей почтовой магистрали и предлагает для этой цели свое содействие. Он стремится сотрудничать с Возрожденными Соеди-

ненными Штатами.

Все, разумеется, рады вести, что скоро восстановится их связь с остальной страной..."

Гордон уставился на последнюю строчку своего письма. Похоже, он не мог еще раз прикоснуться пером к бумаге, ибо больше не находил в себе в этот вечер сил, чтобы изощряться во вранье. Веселого в этом было маловато, тем более что миссис Томпсон обладала способностью читать между строк.

Он совсем сник.

«Ладно, — попытался он подбодрить себя, — завтра у меня насыщенный день». Закрыв ручку, Гордон принялся стелить постель.

Умываясь на сон грядущий, он вспоминал, как в последний раз сталкивался с легендарными суперкомпьютерами. Это произошло всего за несколько месяцев до войны, когда ему было восемнадцать лет и он учился на втором курсе колледжа. Тогда только и говорили, что о новых «разумных» машинах, с которых сразу в нескольких местах сняли вуаль секретности. Событие вызвало всеобщий восторг. Пресса трубила о новом достижении как о конце тысячелетнего

одиночества человеческой расы. Вместо того чтобы нагрянуть из других миров, «иной разум», с которым человек может разделить ответственность за Вселенную, стал созданием его собственных рук.

Неохиппи и редакторы журнала «Новый ренессанс», выходившего в кампусе, устроили пышный праздник в день, когда университет Миннесоты демонстрировал свой последний суперкомпьютер. В небо взмывали воздушные шары, над головой вереницей плыли аэростаты с артистами в люльках, в ушах звенела музыка, лужайки усеивали студенты, пришедшие на пикник.

В самой гуще толпы, в гигантской защитной проволочной клетке, поднятой на воздушной подушке, был запечатан постоянно охлаждаемый гелием цилиндр с машиной «Миллихром» внутри. При таких мерах предосторожности механические мозги, питаемые изнутри, никак не могли получать поддержку или подсказку извне, — это убеждало даже последних скептиков.

В тот день Гордон несколько часов протомился в очереди. Когда, наконец, настал его черед заглянуть в узкие линзы камеры, он предложил

компьютеру ответить на несколько специально подобранных вопросов, решить две загадки и разобраться в головоломной шараде.

С той поры минула вечность, полный надежд весенний день остался в невообразимо далеком прошлом, однако Гордон помнил все, словно это случилось только вчера: низкий, вкрадчивый голос, дружеский, откровенный смех машины. В тот день «Миллихром» не оставил камня на камне от его наивных хитростей, да еще, отвечая, огорошил собственным остроумным каламбуром. Кроме того, компьютер легонько пожурил его за не совсем удачное выступление на экзамене по истории.

Наобщавшись с компьютером, Гордон зашагал прочь, чувствуя невероятную радость от того, что существа его племени создали такую необыкновенно умную вещь.

Вскоре разразилось Светопреставление. На протяжении семнадцати лет он мирился с мыслью, что все замечательные суперкомпьютеры попросту разрушены, заодно с разбитыми надеждами его страны и всего мира. И вот здесь каким-то чудом сохранился один из них! Специалисты штата Орегон умудрились не дать машине умереть, несмотря на невзгоды прошедших лет. Он казался

самому себе никчемным позером, мелким обманщиком в окружении столь достойных людей.

Гордон с благоговейным трепетом выключил электрическое освещение и улегся в постель, прислушиваясь к ночным звукам. Танцевальная музыка наконец-то смолкла. Ее проводили рукоплесканиями и криками. Потом толпа стала разбредаться по домам.

Праздничный вечер подошел к концу. За окном шумел в ветвях деревьев ветер, но этот звук не в силах был заглушить гул работающих неподалеку компрессоров, нагнетавших холод — необходимую здоровую среду для уязвимого мозга Циклопа.

Потом до слуха Гордона донесся новый звук: в ночи зазвенела сочная и одновременно сладостная нота, которую он никак не мог опознать, хотя память как будто с готовностью отозвалась на нее...

Наконец все стало на свои места: кто-то, возможно, один из техников, поставил на проигрыватель стереосистемы пластинку с классической музыкой.

Стерео... Гордон чувствовал вкус этого слова во рту. Он не имел ничего против скрипачек и банджо, и все же услышать Бетховена после

пятнадцатилетнего перерыва...

Наконец Гордона сморил сон, но симфония плавно перетекла в его спящий мозг. Он наслаждался вздымающимися и опадающими пассажами, которые незаметно сменились проникновенным, мягким голосом, доносившимся до него сквозь десятилетия. Стальная рука, пронзив слой многолетнего тумана, указывала прямиком ему в грудь.

«Лжец! — печально молвил проникновенный голос. — Я так разочарован! Как я могу помочь вам, моим создателям, когда от вас исходит только ложь?»

6

— Здесь, на бывшем заводе, мы восстанавливаем оборудование для проекта «Тысячелетие». Как видите, эта работа только началась. Мы не можем приступить к сборке настоящих роботов, как того требует разработанный Циклопом перспективный план, пока не запустим ранее существовавшие производственные мощности.

Проводник вел Гордона среди полок, на которых громоздились приборы, оставшиеся от прошлой эры.

— Первым шагом было, разумеется, спасти как можно больше техники от ржавчины и гибели. Здесь хранится только часть того, что уже удалось получить. То, что мы сможем использовать лишь в будущем, собрано в других местах.

Питер Эйг, долговязый блондин примерно одного с Гордоном возраста, разве что на пару лет постарше, видимо, учился в университете в Корваллисе, когда разразилась война. Он был моложе большинства других служащих Циклопа, однако, как и они, носил белый халат с черной оторочкой; впрочем, и его виски уже тронула седина.

Помимо прочего, Эйг приходился дядей и вообще единственным близким родственником мальчугану, спасенному Гордоном в Юджине. Он не рассыпался в благодарностях, однако Гордон чувствовал, что ученый считает себя в долгу перед ним. Никто из служителей Циклопа, невзирая на ранги, не вмешался, когда Эйг настоял на том, что именно он будет знакомить гостя с предложенной Циклопом программой борьбы с надвигающимся на Орегон каменным веком.

— Вот тут мы взялись за ремонт компьютеров помельче и прочих нехитрых устройств, — втолковывал Эйг Гордону, увлекая его за собой в электронный лес. — Самое сложное — замена схем, сгоревших в момент начала войны из-за высокочастотных электромагнитных импульсов вследствие атомной бомбардировки. Помните первые взрывы?

Гордон снисходительно улыбнулся, чем вогнал Эйга в краску. Провожатый всплеснул руками, признавая возникшую неловкость.

— Простите меня! Просто я уже привык, что объяснения должны быть как можно проще... Разумеется, вы там, на востоке, познакомились с электромагнитным импульсом накоротке, не то что мы.

— Я в технике профан, — ответил Гордон и тут же пожалел, что его актерское искусство достигло таких высот: он был бы не прочь пополнить свои знания.

Однако Эйг вернулся к прерванной теме.

— Вот я и говорю: здесь выполняется вся подготовительная работа. Весьма трудоемкое дело, однако когда мы сможем потреблять электроэнергию в большем количестве, то есть когда ее будет хватать одновременно и на самое насущное, и на нас, ученых, мы приведем в исполнение наши планы и оснастим микрокомпьютерами близлежащие поселки, школы, мастерские. Цель, конечно, амбициозная, однако Циклоп уверен, что мы еще успеем стать свидетелями компьютерного возрождения.

Миновав ряды полок, они оказались в просторном цеху. Потолки здесь были стеклянные, так что днем нужды в люминесцентном освещении не возникало. Тем не менее гудение тока в проводах доносилось со всех сторон; взад-вперед сновали с нагруженными электроникой тележками фигуры в белых халатах. Вдоль стен было свалено то, чем расплачивались соседние города и поселения поменьше за благосклонность Циклопа.

Не проходило дня, чтобы сюда не поступали со всех сторон новые партии техники, а также кое-что из еды и одежды для самих помощников Циклопа. Однако, насколько удалось понять Гордону, население долины легко расставалось со своими электронными находками. На что им, в самом деле, сдалась эта старая рухлядь?

Не приходилось удивляться и тому, что жалоб на «тиранию машины» тоже не поступало. Цена, требуемая суперкомпьютером, уплачивалась безропотно. Взамен долина обрела собственного Соломона — а также, возможно, и Моисея, готового вывести людей к свету. Вспоминая слышанный им когда-то проникновенный, мудрый голос довоенного суперкомпьютера, Гордон признал справедливость сделки.

— Циклоп тщательно спланировал эту начальную стадию развития, — объяснял Эйг. — Вы уже видели нашу весьма скромную линию по сборке водных и ветряных турбин. Помимо этого, мы помогаем местным кузнецам совершенствовать производство, а местным фермерам — планировать севооборот. Раздавая старые ручные видеоигры детям долины, мы надеемся, что тем самым подготавливаем их к приходу настоящих компьютеров, когда для этого наступит срок.

Они подошли к участку, где седовласые люди сидели перед мерцающим огоньками пультом с эк ранами. От всего этого Гордон испытал легкое головокружение; ему казалось, он забрел в мастерскую, где добродушные гномы собирают погибшую вроде бы раз и навсегда мечту.

Работающие здесь были в большинстве своем далеко не молоды. Гордону подумалось, что они торопятся сделать как можно больше, прежде чем их образованное поколение вынуждено будет уступить место неучам.

— Разумеется, теперь, когда налажен контакт с Возрожденными Соединенными Штатами, — продолжал Питер Эйг, — у нас появилась надежда на ускорение работ. К примеру, я могу передать вам длинный перечень чипов, изготовить которые мы никогда не сможем. То ли дело — получить их готовыми! Надо-то всего лишь восемь жалких унций — зато программа Циклопа прыгнет вперед на целых четыре года. Очень надеемся, что Сент-Пол снабдит нас необходимым.

Гордону отчаянно не хотелось встречаться с ним взглядом. Он поспешно нагнулся к разобранной плате, делая вид, что заинтересовался внутренностями компьютера.

— Я плохо разбираюсь в подобных тонкостях, —

ответил он, судорожно сглотнув. — Да и вообще, на востоке есть дела поважнее, чем раздача видеоигр.

Он допустил некоторую резкость в тоне специально, чтобы не пришлось больше врать. Однако служитель Циклопа побледнел, словно получил пощечину.

— О, как же я несообразителен! Конечно, ведь им пришлось бороться с радиацией, эпидемиями, голодом, холнистами... Наверное, нам здесь, в Орегоне, попросту повезло. Видимо, придется выкручиваться самим, пока остальная часть страны не оправится достаточно, чтобы оказать нам помощь.

Гордон кивнул. Оба говорили правду, однако лишь один знал, до какой степени печальна действительность, стоящая за правдивыми словами.

В наступившей неловкой тишине Гордон задал первый пришедший ему на ум вопрос:

— Значит, раздача игрушек на батарейках — это для вас нечто вроде миссионерского служения?

Эйг улыбнулся.

— Да, ведь именно так до вас впервые дошел слух о нас? Знаю, звучит слишком примитивно. Но это дает какой-то эффект. Пойдемте, я познакомлю вас с главой этого проекта. Если

кто-то разбирается по-настоящему в специфике двадцатого века, то это Дэна Спорджен. Познакомившись с ней, вы поймете, что я имею в виду.

С этими словам он провел Гордона в боковую дверь и дальше по коридору, заставленному всякой всячиной в комнату, наполненную электрическим гудением. Вся она была обвита проводами, напоминающими плющ, карабкающийся по стенам. Сквозь безжизненные ветви этого искусственного вьюна проглядывали какие-то кубики и цилиндры, в которых Гордон быстро узнал перезаряжающиеся батарейки, питаемые сейчас током от генераторов.

У противоположной стены комнаты стояли трое в обычной одежде, внимательно слушавшие длинноволосое белокурое создание в белом халате с черной полосой, выдававшем служительницу Циклопа. Приглядевшись, Гордон с удивлением отметил, что и эта троица — женщины.

Возле его уха раздался шепот Эйга:

— Забыл вас предупредить: пусть Дэна и самая молодая из всех служителей Циклопа, зато в некотором смысле она — музейный экспонат. Настоящая феминистка, из буйных.

Эйг довольно ухмыльнулся. После гибели цивилизации многое исчезло безвозвратно. В прежние

времена бытовали словечки, совершенно выпавшие теперь из обихода. Гордон удивленно вскинул голову.

Феминистка была высокой, во всяком случае для женщины, выросшей в столь тяжелые времена. Поскольку она стояла к ним спиной, он ничего не мог сказать о ее внешности, зато говорила она, обращаясь к внимавшим ей молодым женщинам, негромко и уверенно.

— В общем, чтобы в твое следующее дежурство ты больше не рисковала, Трейси! Ты меня слышишь? Мне потребовалось целый год лезть из кожи вон, чтобы нам доверили этот участок. Даже при том, что это самое логичное: деревенские жители не так боятся, когда к ним присылают женщину. Но вся логика пойдет насмарку, если с кем-нибудь из вас что-то случится.

— Но Дэна! — запротестовала насупленная брюнетка. — В Тилламоке уже наслышаны о Циклопе! Я всего лишь заскочила туда по пути из своей деревни! Когда со мной тащатся Сэм и Гомер, приходится забывать про скорость...

— Ну и пусть! — оборвала ее наставница. — Чтобы в следующий раз они были при тебе. Я не шучу! Иначе, можешь мне поверить, ты мигом окажешься в своем медвежьем углу и будешь

опять учительствовать и рожать детей!

Она осеклась, заметив, что помощницы больше не слушают ее, все трое с любопытством рассматривали Гордона.

— Дэна, познакомьтесь с инспектором, — громко сказал Питер Эйг. — Уверен, он с удовольствием изучит работу вашей зарядной мастерской и услышит о ваших... миссионерских поползновениях.

Снова обращаясь к Гордону, Эйг, криво улыбнувшись, прошептал:

— Если бы я попробовал не представить вас ей, то, боюсь, она бы мне руки повыдергивала. Будьте осмотрительны и вы, Гордон! — Женщина направилась к ним, и он уже громче добавил: — У меня есть кое-какие дела. Вернусь через несколько минут и поведу вас на интервью.

Гордон кивком отпустил своего провожатого и тут же почувствовал себя под взглядами четырех женщин как на горячей сковородке.

— На сегодня достаточно, девочки. Увидимся завтра днем, тогда и поговорим о плане следующего выезда.

«Девочкам» не хотелось расходиться, о чем говорили их выразительные взгляды. Однако Дэна движением подбородка выгнала их вон.

Их застенчивые улыбки и смешки, которыми они встретили попытку Гордона козырнуть им в знак приветствия, плохо сочетались с длинными ножами, свисавшими у них с пояса либо торчавшими из-за отворота сапог.

Только когда Дэна Спорджен улыбнулась Гордону, протягивая руку, он понял, насколько она молода.

«В момент взрыва водородных бомб ей вряд ли было больше шести лет от роду!»

Рукопожатие девушки не уступало по твердости ее поведению, однако гладкая, почти лишенная мозолей кожа на ладони свидетельствовала о том, что ей ближе книги, нежели плуги с молотилками. Зеленые глаза беззастенчиво изучали Гордона. Он уже забыл, когда последний раз встречался с подобной женщиной.

«В Миннеаполисе, на безумном втором курсе колледжа, — подоспел ответ. — Только та была со старшего курса. Поразительно, что я ее до сих пор помню...»

Дэна засмеялась.

— Позвольте предугадать ваш вопрос. Да, я молода, принадлежу к женскому полу и не обладаю еще достаточной квалификацией, чтобы претендовать на высокий пост при Циклопе, тем более

руководить ответственным проектом.

— Вынужден просить у вас извинения, — промямлил Гордон, — потому что вы в точности угадали мои мысли.

— О, никаких проблем! Меня все равно дразнят ходячим анахронизмом. Но дело в том... после того как во время уничтоживших всю технику бунтов погибли мои родители, меня взяли на воспитание доктора Лазаренски, Тайфер и другие. Меня страшно избаловали и научили вести себя властно. Вы, несомненно, получили об этом некоторое представление, став свидетелем моего разговора с девочками.

Гордон тем временем пришел к заключению, что более всего для описания ее внешности подходит словечко «изящная». На его вкус, правда, лицо девушки было чуть-чуть длинновато, а нижняя челюсть, пожалуй, слишком тяжелой. Однако стоило Дэне Спорджен начать подшучивать над собой, как сейчас, она тут же становилась попросту хорошенькой.

— В общем, — заключила она, указывая на провода и цилиндрики вдоль стен, — нам, возможно, и не удастся подготовить инженерную смену, однако для подзарядки батареек не требуется избытка мозгов.

— Вы несправедливы к себе, — с улыбкой возразил Гордон. — Я, к примеру, дважды покушался на вводный курс физики. Словом, Циклоп знает, что делает, раз поручил вам этот участок.

Дэна покраснела от удовольствия и опустила глаза.

— Полагаю, что так.

«Застенчивость? — удивился Гордон. — Эта девушка преподносит один сюрприз за другим. Не ожидал!»

— Ну вот, опять его несет нелегкая! — проговорила она вполголоса.

В проходе появился Питер Эйг. Сейчас он наводил порядок на одной из полок. Гордон взглянул на свои старомодные механические часы. Один из местных умельцев подрегулировал их, так что теперь они убегали за час не больше чем на полминуты.

— Дело в том, что через десять минут состоится мое свидание с Циклопом, — объяснил он, пожимая девушке руку на прощание. — Надеюсь, Дэна, у нас еще появится возможность поболтать.

Она улыбнулась в ответ.

— Не сомневаюсь. Мне хочется расспросить вас о том, что представляла собой жизнь до войны.

«Не о Возрожденных Соединенных Штатах, а о

добрых старых временах. Невероятно! И почему меня? Что такого смогу я ей рассказать о минувшем, чего она не может узнать от любого другого, кому перевалило за тридцать пять?»

Все еще не оправившись от удивления, он зашагал вместе с Питером Эйгом по сумрачному складу к выходу.

— Простите, что пришлось прервать ваш разговор, — сказал Эйг, — но нам нельзя опаздывать. Не хватало только, чтобы Циклоп нас отчитывал! — Он ухмыльнулся, но у Гордона создалось впечатление, что в этой шутке есть доля правды. При выходе из помещения их приветствовали охранники с винтовками и белыми повязками на рукавах.

— Очень надеюсь, Гордон, что ваша беседа с Циклопом пройдет успешно, — сказал провожатый напоследок. — Мы очень рады восстановлению связи с остальными регионами страны. Не сомневаюсь, что Циклоп сочтет необходимым всесторонне сотрудничать с вами.

Циклоп! Гордон встряхнулся. Теперь никуда не денешься. Он пока не мог разобраться в своих чувствах и не знал, напуган или ободрен предстоящей встречей. Гордон постарался взять себя в руки, преисполненный решимости сыграть свою

роль до конца. Иного выбора у него не было.

— Я придерживаюсь совершенно того же мнения, — отозвался он. — Мне хочется оказать вам максимальную поддержку. — Говоря так, он нисколько не кривил душой.

Питер Эйг свернул, указывая на дорогу поперек аккуратно подстриженной лужайки к Дому Циклопа. На какое-то мгновение Гордона охватило смятение. То ли это было игрой воображения, то ли он и впрямь заметил в глазах Эйга странное выражение — словно тот чувствует себя очень виноватым...

7

Холл в Доме Циклопа, бывшем прежде Лабораторией искусственного интеллекта Университета штата Орегон, послужил Гордону болезненным напоминанием о несколько более элегантной эпохе. Золотистый ковер, носивший следы недавней обработки пылесосом, оказался почти невытертым. В начищенной до блеска мебели и блестящих панелях, закрывающих стены, отражались яркие светильники и фигуры крестьян и выборных деятелей, преодолевших добрые сорок миль и теперь комкавших в руках петиции в ожидании своей очереди для короткой встречи с мудрой машиной.

При виде Гордона все посетители дружно встали. Несколько наиболее смелых подошли пожать ему руку, и он почувствовал, какие натруженные у них ладони. В их глазах светились надежда и изумление, голоса звучали негромко и почтительно. Гордон, с застывшей на лице радушной улыбкой, кивал как китайский болванчик, стараясь не думать о постыдности происходящего и только жалел, что они с Эйгом не могли дождаться аудиенции в каком-нибудь укромном уголке.

Наконец симпатичная секретарша с улыбкой пригласила их войти. Гордон и его провожатый оказались в длинном коридоре, с противоположного конца которого навстречу им шла пара: один в знакомом белом халате с черной полосой — служитель Циклопа, другой в обычном довоенном костюме, ношеном, но хорошо выглаженном. Последний хмурился, изучая длинную компьютерную распечатку.

— Что-то никак не возьму в толк, доктор Гробер... Циклоп предлагает бурить колодец вблизи северной скважины или нет? На мой взгляд, ответ не больно ясен.

— Скажите вашим землякам, Герб, что Циклоп не должен продумывать все до мельчайших деталей. Он сужает для вас поле выбора, но никак не может принять вместо вас окончательное решение.

Фермер расстегнул тесный воротничок.

— Конечно, кто ж этого не знает... Но раньше он давал более четкие ответы. Почему на этот раз он высказывается так туманно?

— Ну, во-первых, Герб, со времени внесения последних уточнений в содержащиеся в памяти Циклопа геологические карты прошло более двадцати лет. Во-вторых, как вы наверняка знаете.

Циклоп создан для работы с экспертами высочайшего уровня. Поэтому естественно, что многие его пояснения остаются для нас недоступными — даже для тех немногих ученых умников, которые дожили до теперешних времен.

— Да, но... — Тут проситель поднял глаза и увидел перед собой Гордона. Рука его потянулась к голове, словно он намеревался снять несуществующую шляпу; потом он поспешно вытер ладонь о штаны и протянул ее Гордону.

— Герб Кейло из Сиотауна, господин инспектор. Для меня это большая честь, сэр.

Тот пробормотал дежурную любезность, пожимая предложенную руку. Сейчас он больше чем когда-либо чувствовал себя не заслуживающим уважения политиканом.

— Да, сэр, огромная честь! Очень надеюсь, что в ваши планы входит добраться и до нас, чтобы открыть в нашем поселке почтовое отделение. Обещаю вам такой сердечный прием, какого вы еще никогда...

— Эй, Герб, — вмешался его спутник. — Мистер Кранц торопится на встречу с Циклопом. — Он выразительно посмотрел на свои электронные часы.

Кейло покраснел и закивал головой.

— Не забудьте о моем приглашении, мистер Кранц. Уж мы о вас позаботимся... — Еще немного, и он поклонился бы, пятясь по проходу. Остальные не обратили на это внимания, Гордон же не знал, куда деваться от стыда.

— Вас ожидают, сэр, — поторопил пожилой специалист, приглашая его следовать дальше по коридору.

* * *

Долгая жизнь наедине с дикой природой сделала слух Гордона весьма острым, на диво городским жителям. Заслышав впереди отголоски спора — он как раз шагал, окруженный двумя провожатыми, к открытой двери конференц-зала, — Гордон намеренно замедлил шаг, якобы смахнуть соринку с формы.

— Откуда нам знать, подлинны ли представленные им документы? — вопрошал кто-то. — Ну да, на них нет живого места от печатей, но все равно вид они имеют грубоватый. А уж басня насчет лазерных спутников и вовсе шита белыми нитками!

— Возможно. Зато она отлично объясняет пятнадцатилетнее безмолвие! — возразил другой голос. — Если он самозванец, то как вы объясни-

те появление курьера с почтой? Илайес Мэрфи получил у себя в Олбани весточку от давно потерявшейся сестры, а Джордж Сиверс оставил свою ферму в Гринбери, чтобы съездить в Кертин и встретиться с женой, которую он уже столько лет считал погибшей!

— Не возьму в толк, почему все это столь для вас важно, — раздался тихий третий голос. — Главное — люди поверили...

Питер Эйг заторопился вперед и нарочито кашлянул. При виде Гордона из-за полированного дубового стола поднялись четверо мужчин и две женщины, все в белых халатах. Небольшой зал был приятно освещен. Собравшиеся, кроме Питера, оказались достаточно немолодые.

Гордон поздоровался с каждым за руку, чувствуя немалое облегчение: со всеми этими людьми он уже встречался раньше, иначе ни за что бы не запомнил, как кого зовут. Он старался вести себя подчеркнуто деликатно, но взгляд его помимо воли то и дело упирался в толстый стеклянный экран, перегораживавший помещение посередине.

Дубовый стол тянулся до самого экрана, а дальше царил полумрак. Единственным пятном света за стеклом было мерцающее, переливчатое подо-

бие лица, напоминающее крупную жемчужину или луну в ночном небе.

Гордон пригляделся и различил объектив камеры и темный цилиндр с мигающими на нем огоньками, образующими сложный рисунок. Огоньки мигали волнами, снова и снова пробегавшими по цилиндру. Эти бесконечно повторяющиеся волны, притягивавшие взгляд, поразили Гордона, но он пока не понимал, почему...

Машина была погружена в мягкое облако ледяного тумана. Несмотря на толстую стеклянную преграду, Гордон чувствовал, как оттуда тянет холодом.

Главный служащий, по имени Эдвард Тайфер, взял Гордона за руку и сказал, глядя прямо в стеклянный глаз объектива:

— Циклоп, я рад познакомить тебя с мистером Гордоном Кранцем. Мистер Гордон представил документы, свидетельствующие, что он является почтовым инспектором правительства Возрожденных Соединенных Штатов. Мистер Кранц, перед вами Циклоп.

Глядя в жемчужно-серый объектив, на мигающие огоньки и колышущийся туман, Гордон не мог отделаться от чувства, будто он — неразумное

дитя, завравшееся и перехитрившее самого себя.

— Очень приятно с вами познакомиться, Гордон. Сядьте, прошу вас.

Мягкий дружелюбный голос почти не отличался от человеческого. Он доносился из динамика, установленного на краю дубового стола. Гордон опустился в подставленное Питером Эйгом мягкое кресло. После недолгой паузы Циклоп заговорил снова:

— Вы принесли нам добрые вести, Гордон. После стольких лет, проведенных в заботах о населении долины реки Уилламетт, в них нелегко поверить, настолько они хороши. — Молчание. — Мне доставляет огромное удовольствие работа с друзьями, настаивавшими, чтобы их называли моими «служащими». Однако трудно избавиться от чувства одиночества, когда представляешь себе, что весь прочий мир лежит в руинах. Очень прошу, скажите, Гордон, выжил ли на востоке кто-нибудь из моих собратьев?

Гордону пришлось отвести глаза. Опомнившись, он покачал головой.

— Нет, Циклоп, к моему величайшему сожалению, нет. Ни одна супермашина не избежала общей участи. Боюсь, ты — последний в своем роде.

Он сожалел, что вынужден огорчить собеседника печальной новостью, но одновременно полагал, что возможность начать разговор с правды — неплохое предзнаменование.

Циклоп долго молчал. Воображение Гордона разыгралось, и ему показалось, что он услышал негромкий вздох, почти что всхлип. Во время паузы лампочки под объективом продолжали однообразно мигать, словно посылая кому-то сигнал на неведомом ему языке. Гордон знал, что нельзя сидеть молча, иначе это перемигивание вконец его загипнотизирует.

— Дело в том, Циклоп, что почти все большие компьютеры погибли в первые же секунды войны — от известных тебе электромагнитных импульсов. Поэтому меня разбирает любопытство, как умудрился выжить ты.

Казалось, машине, как и Гордону, потребовалось стряхнуть с себя горестное оцепенение, чтобы ответить на вопрос.

— Вопрос хорош. То, что я выжил, — счастливая случайность. Война началась как раз в День посещений, устроенный у нас в университете. Импульсы застали меня в клетке Фарадея, в которой я собирался предстать перед публикой. Так что, сами понимаете...

Гордон, как ни заинтриговал его рассказ Циклопа, торжествовал. Он перехватил инициативу и сам задавал вопросы, как и подобает «федеральному инспектору». Покосившись на серьезные лица служащих, он понял, что одержал маленькую победу. Теперь они принимали его всерьез.

Что если он действительно выпутается?

Однако Гордон по-прежнему избегал смотреть на перемигивающиеся лампочки. Скоро он почувствовал, что весь вспотел, несмотря на холод, которым веяло от ледяного стеклянного щита.

8

Спустя четыре дня все встречи и переговоры остались позади. Неожиданно для себя, еще не будучи вполне подготовленным, он сообразил, что наступило время отъезда. Питер Эйг пошел проводить Гордона к конюшне, где для него были готовы свежие лошади, неся две полупустые сумки.

— Жаль, что все это так затянулось, Гордон. Я знаю, вам не терпится возобновить свои труды по созданию почтовой трассы. Просто Циклопу хотелось разработать для вас оптимальный маршрут, чтобы вы охватили север Орегона с наибольшей эффективностью.

— Все в порядке, Питер. — Гордон притворно пожал плечами. — В задержке нет ничего страшного, а за помощь я очень благодарен.

Несколько секунд они брели молча. Мысли, быстро сменяя друг друга, путались в голове Гордона. Если бы Питер только знал, как ему хочется остаться... Если бы только существовал способ...

Гордон успел полюбить нехитрый комфорт своей комнаты напротив Дома Циклопа, обильную и вкусную еду, какой его потчевали как прави-

тельственного эмиссара, отличную библиотеку почти новых книг. Больше всего остального ему будет не хватать электрической лампочки над кроватью. Последние четыре вечера он засыпал с книгой в руках, как когда-то в молодости; привычка возродилась с легкостью, несмотря на прошедшие годы.

Двое охранников в кожаных куртках прикоснулись к своим шляпам, когда Гордон и Эйг, завернув за угол Дома Циклопа, зашагали по широкой поляне к конюшне.

Дожидаясь, пока Циклоп разработает для него маршрут, Гордон изучал окрестности Корвалиса, вел с десятками людей умные разговоры о научных методах земледелия, несложных ремеслах и социальной теории, сделавшейся основой достаточно свободной конфедерации, мирно существовавшей под дланью Циклопа. Секрет Долины оказался прост: никто не проявлял воинственности, поскольку забияка должен был бы напрочь забыть о чудесах, которые супермашина обещала сделать когда-нибудь явью.

Один разговор особенно запомнился Гордону. Он состоялся прошлым вечером. Собеседницей его была самая младшая из служащих Циклопа Дэна Спорджен. Она допоздна держала его у ка-

мина, пользуясь помощью двух девушек из числа своих подчиненных. Они все подливали ему чаю, пока он не запротестовал, и терзали вопросами о том, что представляла собой его жизнь до Светопреставления.

Гордон уже владел несколькими уловками, позволявшими ему не вдаваться в подробности, касающиеся Возрожденных Соединенных Штатов, однако от подобного направления разговора он еще не изобрел защиты. Дэна, судя по всему, гораздо меньше интересовалась темой, бывшей сейчас у каждого на устах, — «наведением мостов с остальной частью страны». В ее подходе к проблеме был свой резон: процесс этот неминуемо растянется не на один десяток лет.

Зато ей очень хотелось знать, на что был похож мир непосредственно перед началом войны и сразу после. Особенное восхищение у нее вызывал его рассказ о страшном, трагическом годе, который он провел в составе взвода ополчения под командованием лейтенанта Вана. Ей хотелось знать подробности о каждом бойце взвода, его недостатках и причудах, отваге — или упрямстве, заставлявших человека не складывать оружие еще долгое время после того, как игра проиграна.

Нет, не проиграна! Гордон спохватился как раз вовремя, чтобы выдумать хэппи-энд, описывая битву в округе Микер. Благодаря подоспевшей кавалерии элеваторы были в последнюю минуту спасены. Славные ребята все же погибли — он не жалел подробностей, повествуя о смерти Тайни Кайлра и стойкости Дрю Симмса, однако у него выходило, что жертвы оказались не напрасны.

Он излагал историю так, как она должна была бы закончиться, сам удивляясь своему рвению. Женщины, разинув рты, внимали ему словно сказочнику, рассказывавшему лучшую из своих сказок на сон грядущий, или как если бы все, что они выслушивали, подлежало проверке следующим же утром, причем при их непосредственном участии.

Вот бы понять, что они нашли в его рассказе, что пытались извлечь из этой горькой исповеди...

Возможно, дело было в том, что низовья реки Уилламетт слишком долго не ведали войны; однако Дэне хотелось послушать и о самых худших людях, с которыми он сталкивался. Она вытягивала из него все, что он знал о мародерах, «мастерах выживания» и холнистах.

«Рак, погубивший Возрождение, которое наметилось было на рубеже веков... Да поразят тебя

муки ада. Натан Холя!»

Дэна задавала вопрос за вопросом, даже когда Трейси и Марианну сморил сон. В других обстоятельствах его бы вдохновили близость и восторженное внимание привлекательной женщины. Однако здесь все получалось совсем не так, как с Эбби в Пайн-Вью. Он начти не сомневался, что приятен Дэне и как мужчина, однако она явно куда больше ценила его как источник драгоценной информации. Раз им было отведено на общение каких-то несколько дней, она не испытывала ни малейших сомнений насчет максимально эффективного способа их проведения.

Дэна подавляла его своей настойчивостью и казалась почти одержимой. При этом он знал, что его отъезд будет для нее печальным событием.

В этом смысле у нее не было сторонников. Чутье подсказывало Гордону, что остальные служащие Циклопа вздохнут с облегчением, избавившись от него. Не являлся исключением и Питер Эйг.

«Все дело в том, что я играю роль, — думал Гордон. — Наверное, в глубине души они ощущают какую-то фальшь, и я не имею права осуждать их за это».

Даже если большинство электронщиков поверили его россказням, у них не было особых

оснований испытывать привязанность к представителю далекого «правительства», которое наверняка — дело только во времени — вмешается в их жизнь и посягнет на дело их рук. Они уверяли его, что спят и видят те дни, когда будут восстановлены их связи с внешним миром, однако Гордон чувствовал, что это просто поза.

С другой стороны, им совершенно нечего бояться!

Что до реакции самого Циклопа, то Гордон все еще не до конца определился, как именно оценить ее. Супермашина, взвалившая на себя ответственность за жизнь целой долины, во время их последующих встреч вела себя осторожно и несколько отстраненно. Шутки и остроумные реплики остались в прошлом, их сменила гибкая, но непроницаемая серьезность. Его, помнившего тот предвоенный день в Миннеаполисе, теперешняя холодность машины особенно расстраивала.

Наверное, время приукрасило его воспоминания о том, другом суперкомпьютере. Циклоп и его приближенные наворочали здесь немало дел. Не ему судить их!

Гордон и его провожатый шли мимо старых пожарищ.

— Похоже, здесь кипели нешуточные бои, —

заметил он.

Воспоминания заставили Питера нахмуриться.

— Там, у навеса для старого оборудования, мы отбили наступление банды противников техники. Видите расплавленные трансформаторы и старый запасной генератор? После того как нападающие вывели их из строя, нам пришлось перейти на энергию воды и ветра.

Почерневшие груды металла все еще загромождали поле боя, где техники и ученые отчаянно отстаивали дело всей своей жизни. Это зрелище напомнило Гордону о не покидающей его тревоге.

— Я по-прежнему думаю, Питер, что следует гораздо серьезнее относиться к возможности вторжения «мастеров выживания». Если я правильно понял разведчиков, то ждать набега осталось недолго.

— Но, согласитесь, до вас долетели только обрывки разговора, которые вы могли неверно истолковать. — Эйг дернул плечом. — Мы, конечно, усилим свои патрули, но лишь когда сумеем все заново спланировать и еще раз обдумать степень угрозы. Однако поймите: Циклоп вынужден заботиться о своей репутации. У нас уже десять лет не объявлялось всеобщей мобилизации. Если

Циклоп ее объявит, а потом выяснится, что это ложная тревога... — Он не договорил: все было ясно и так.

Гордон и сам знал, что старшины окрестных деревень относятся к его предупреждениям с подозрением. Им не хотелось отвлекать мужчин от сева озимых. Кроме того, сам Циклоп усомнился, смогут ли банды холнистов организоваться в достаточной степени, чтобы нанести решающий удар в нескольких сотнях километров к северу от своего логова. Суперкомпьютер объяснял, что «мастера выживания» мыслят совсем по-другому.

Гордону ничего не оставалось, кроме как смириться с приговором Циклопа. В конце концов, в банке данных, хранившихся в его бездонной памяти, фигурировали все когда-либо существовавшие психологические тесты, а также все писания самого Холка. Не исключено, что разведчики с Рог-Ривер были посланы в рейд ограниченной глубины и болтали невесть что, желая казаться значительнее самим себе. Не исключено...

Вот и пришли.

Конюхи приняли поклажу Гордона, состоявшую из скромных пожитков и трех книг, взятых

на время в местной библиотеке. Его новый конь — стройный, сильный мерин — уже стоял под седлом. Вьючная лошадь была нагружена припасами и двумя битком набитыми мешками с письмами, полными надежд. Если хотя бы один из пятидесяти адресатов окажется жив-здоров, это уже можно будет считать чудом. Зато для немногих выживших письма станут драгоценными дарами, с которых начнется медленный процесс повторного узнавания мира и самих себя.

Вдруг выдуманная им роль и впрямь принесет пользу — которая по крайней мере сможет уравновесить его ложь...

Гордон уселся на нетерпеливого мерина и стал ласково похлопывать его по спине, приговаривая разные приятные для лошадиного уха словечки, пока тот не успокоился. Питер протянул на прощание руку.

— Увидимся через три месяца, когда вы заедете к нам на обратном пути на восток.

Почти те же слова он слышал вчера от Дэны Спорджен. Как знать, может, он появится здесь гораздо раньше, если наберется храбрости выложить им всю правду.

— К тому времени Циклоп обещает приготовить

для вас, Гордон, подробный отчет о положении у нас в северном Орегоне, чтобы вы передали его своему начальству.

Эйг на некоторое время задержал его руку, и Гордон был в который раз озадачен. Славный малый выглядел так, словно существовало какое-то обстоятельство, причинявшее ему острое неудобство, о котором он, впрочем, не может обмолвиться ни словечком.

— Бог в помощь вам в ваших бесценных трудах, Гордон, — искренне молвил он. — Если я хоть чем-то могу вам помочь, даже самую малость, обязательно дайте мне знать.

Гордон согласно кивнул. Хвала Создателю, более не требовалось никаких слов. Он пустил мерина рысью в северном направлении. Вьючная лошадь послушно устремилась следом.

9

По словам служащих Циклопа, соединявшее когда-то штаты шоссе к северу от Корваллиса было непроезжим и вдобавок небезопасным, поэтому Гордон воспользовался проселком, тянувшимся параллельно шоссе, но несколько западнее. Рытвины и разный хлам на дороге не позволяли торопиться, поэтому он был вынужден устроить привал и перекусить среди развалин городка Буэна-Виста.

Несмотря на утренний час, в небе уже сгущались тучи; по захламленным улицам ползли клочья тумана. По счастливому совпадению именно в этот день окрестные фермеры собрались в бывшем парке этого обезлюдевшего городка для торговли. Жуя хлеб с сыром, извлеченные из вещевого мешка, Гордон вел с ними неторопливый разговор.

— Да шоссе здесь вполне приличное, — втолковывал ему один из местных, удивленно качая головой. — Эти профессора, небось, сюда и носа не кажут. Какие из них путешественники! Не то что вы, мистер Кранц! Не иначе, у них там переплелись не только провода, но и последние

извилины в башках! — Фермер ухмыльнулся, довольный собственным остроумием.

Гордон не стал распространяться о том, что маршрут предложен ему самим Циклопом. Поблагодарив собеседника, он заторопился к коню, чтобы еще раз взглянуть на подаренную ему карту.

Она была испещрена густой сетью компьютерной графики: рациональный маршрут, каким ему лучше всего следовать, протягивая почтовую трассу в северном Орегоне. Его уверяли, что этот маршрут должен помочь ему избежать любых затруднений, существующих на пути, — в частности, районов, где бесчинствуют банды, а также пояса радиоактивности вблизи Портленда.

Гордон в замешательстве почесал бороду. Чем больше он изучал карту, тем больше отказывался что-либо понимать. Знает ли Циклоп, что творит? Ведь эта извилистая трасса могла претендовать на любое название, кроме одного: ее никак нельзя было назвать рациональной.

Гордон стал помимо своей воли подозревать, что цель карты, скорее, заключается в том, чтобы усложнить его маршрут, увести в сторону, заставить потерять, а вовсе не сэкономить время.

Но зачем это нужно Циклопу?

Вряд ли супермашина опасается его вмешательства. Гордон успел освоить ход рассуждений, способных погасить любые страхи такого рода: он без устали подчеркивал, что Возрожденные Соединенные Штаты никоим образом не намерены покушаться на право местных жителей самим решать свои проблемы. Циклоп как будто поверил в его клятвы.

Гордон поднял глаза от карты. Погода портилась: тучи висели теперь совсем низко, окутывая остовы разрушенных домов. По пыльным улицам тянулся туман; он уже заполз между Гордоном и сохранившейся стеклянной витриной магазина. Это живо напомнило ему другой туман, еще холоднее теперешнего, и другую прозрачную преграду.

«Мертвая голова... Ухмылка мертвого почтальона... Его облик тогда совместился с моим...»

Он поежился. За одним воспоминанием потянулось следующее: завитки тумана напомнили ему холодный пар и его собственное отражение в стеклянном экране во время первой встречи с Циклопом в Корваллисе. Каким странным показалось тогда волнообразное мигание лампочек! Уж больно оно было монотонным...

Внезапно по спине Гордона пробежал холодок.

— Нет! — прошептал он. — Господи, только не это!

Он поспешил зажмуриться, отчаянно желая отвлечься, подумать о чем-нибудь другом — о погоде, о докучливой Дэне, о славной маленькой Эбби, вспоминающей его в Пайн-Вью, о чем угодно, только не о...

— Кому это понадобилось? — громко спросил он у пустоты. — И зачем?

Гордон вынужден был нехотя признаться самому себе, что догадывается о причинах. Уж он-то специалист по части побуждений, подталкивающих людей к тому, чтобы накручивать одну ложь за другой. Вовремя припомнились и почерневшие обломки на заднем дворе Дома Циклопа. Интересный вопрос: как они добились таких высот? Прошло уже почти двадцать лет с тех пор, как Гордону приходилось отвечать на вопросы из области физики и несложной технологии. Эти годы были наполнены борьбой за выживание, а также навязчивыми мечтами о сказочном возрождении. Не ему утверждать, что осуществимо для горстки служителей Циклопа, а что нет.

Но он чувствовал теперь настоятельную потребность проверить правильность своих подозрений. Он не сможет сомкнуть глаз, пока не

разберется во всем этом раз и навсегда.

— Простите! — окликнул он одного из фермеров. Тот широко улыбнулся ему беззубым ртом и вскочил, сдергивая с головы шляпу.

— Чем я могу вам помочь, господин инспектор?

Гордон ткнул пальцем в точку на карте не более чем в десяти милях от Буэна-Виста по прямой.

— Знаете, как проехать сюда, в Сиотаун?

— А-то нет, босс! Если поторопитесь, успеете туда еще засветло.

— Уж я потороплюсь! — заверил фермера Гордон. — Голову даю на отсечение, что медлить не стану!

10

— Сейчас, черт возьми! — крикнул мэр Сиотауна. Однако стук в дверь сделался еще громче прежнего.

Герб Кейло любовно зажег свой новый масляный фонарь, изготовленный мастерами городка в пяти милях к западу от Корваллиса. Он недавно обменял двести фунтов лучшей сиотаунской глиняной посуды на двадцать таких вот чудесных ламп и три тысячи спичек из Олбани. Мэр не сомневался, что столь удачная сделка обеспечит ему этой осенью переизбрание.

Стук превратился в грохот.

— Ну, держитесь там! Если дело окажется ерундовым...

Он отодвинул задвижку и распахнул дверь. В проеме стоял Дуглас Ки, дежуривший этим вечером у ворот. Кейло насупился.

— В чем дело, Дуг? Что за нелегкая...

— Тут к тебе посетитель, Герб, — не дал договорить дежурный. — Я бы не впустил его после наступления комендантского часа, но ты рассказывал нам о нем, когда вернулся из Корваллиса, вот я и постеснялся держать его под дождем.

Из сырой тьмы выступила рослая фигура в накидке. В свете лампы блеснула кокарда на фуражке. Гость протянул руку.

— Рад снова встретиться с вами, господин мэр. Могли бы мы поговорить?

11

Прежде Гордон и вообразить не мог, что ему придется пренебречь предложенной постелью и горячим ужином ради того, чтобы мчаться во весь опор на коне — на ночь глядя, под проливным дождем, — однако на сей раз у него не было иного выбора. Ему подвели лучшую лошадь, какая только сыскалась в сиотаунских конюшнях, но не будь ее, он бы не отказался преодолеть расстояние бегом.

Кобылка легко мчалась по старой проселочной дороге к Корваллису. Она была способна и на большую скорость, но Гордону приходилось сдерживать ее прыть, чтобы она не споткнулась в темноте. К счастью, вскоре набухшие от влаги тучи раздвинулось, выпустив из плена полную луну, которая залила безрадостный пейзаж призрачным светом.

Гордон не исключал, что поверг мэра Сиотауна в полнейшее замешательство с первой же минуты, как переступил порог его дома. Не тратя времени на формальные любезности, он сразу перешел к делу; послал Герба Кейло в кабинет за аккуратно сложенной компьютерной распе-

чаткой.

Поднеся распечатку к свету, он стал, пожирать взглядом строчки текста, ничего не объясняя ошарашенному Кейло.

— Во сколько вам обошлись эти рекомендации, господин мэр? — поинтересовался он, не прерывая чтения.

— Сущая мелочь, инспектор, — нервно отозвался мэр. — Чем больше деревень присоединяется к торговому пакту, тем больше Циклоп снижает цены. Я к тому же получил скидку: уж больно туманен совет.

— Сколько? — поднажал Гордон.

— В общем, так... Мы нашли десяток старых ручных видеоигр и штук пятьдесят старых батареек, которые можно перезарядить, из них десяток оказались работающими. Да, еще домашний компьютер, почти не тронутый ржавчиной.

Гордон не сомневался, что этим находки сиотаунцев не ограничивались, так что впереди их ждали столь же выгодные сделки. Сам он поступал бы на их месте точно так же.

— Еще?

— Прошу прощения?

— Вопрос поставлен предельно ясно! — свирепо прорычал он. — Что еще вы заплатили?

— Больше ничего. — Кейло растерялся. — Разве что фургон еды и посуды для этих служащих. Но по сравнению с остальным это ерунда! Так, наш подарок, чтобы ученые не померли с голоду, помогая Циклопу.

Гордон тяжело дышал. Сердце колотилось как бешеное, не желая униматься. Все сходится! Как тут не схлопотать инфаркт? Он стал зачитывать взятые наугад отрывки:

— «...Начальная инфильтрация из участка соприкосновения тектонических пластов... Вариации в удержании грунтовых вод...» — Слова, которые семнадцать лет не попадались ему на глаза и не посещали его мозг, сейчас приобретали вкус стародавних деликатесов, и он вспоминал их с любовью. — «Различия в соотношении наполненности водоносных слоев... Относительность анализа, обусловленная телеологическими колебаниями...»

— Кажется, мы улавливаем, что подразумевает Циклоп, — неуверенно пробормотал Кейло. — Как только начнется сухой сезон, мы примемся рыть на двух лучших участках. Естественно, если мы не сумеем правильно истолковать его рекомендацию, то винить, кроме самих себя, будет некого. Попробуем в других местах, на которые

он тут намекает...

Мэр перешел на шепот, видя, что инспектор стоит неподвижно, уставясь в пространство.

— Прямо дельфийский оракул, — выдохнул Гордон еле слышно. — Гадание на кофейной гуще.

И вот после этого последовала ночная гонка.

* * *

Годы, проведенные в скитаниях, закалили Гордона; все это время жители Корваллиса, напротив, относительно процветали и отнюдь не набирались ловкости. Проскочить мимо постов, выставленных для порядка при въезде в город, не составило ни малейшего труда. Он помчался по пустым боковым улочкам к университетскому кампусу, а оттуда — к давно заброшенному Морленд-Холлу. Там он потратил десять минут на то, чтобы обтереть лошадь и набить для нее травой мешок. Он хотел, чтобы лошадь была готова снова выдержать скачку, если в этом возникнет острая необходимость.

Добраться бегом до Дома Циклопа Гордон сумел, несмотря на морось, за пару минут. Когда цель была уже совсем близка, он принудил себя перейти на шаг, как ни хотелось ему разобраться со всем одним махом.

Он спрятался за развалинами здания, где раньше помещались генераторы, пропуская двоих охранников в накидках, с накрытыми от дождя ружьями. Присев на корточки под обугленной доской, Гордон умудрился учуять — через столько лет! — запах гари, исходящий от бревен и спутанного кабеля.

Что там плел Питер Эйг насчет сумасшедших дней в самом начале, когда исчезло последнее подобие власти и вспыхнули бунты? Им якобы пришлось тогда для спасения суперкомпьютера довольствоваться энергией воды и ветра, поскольку бунтующие спалили генераторы, питавшие установки охлаждения.

Гордон не сомневался, что могло получиться именно так, будь все сделано вовремя. Однако в последнем он испытывал нешуточные сомнения.

Дождавшись ухода охраны, он поспешил к боковой двери Дома Циклопа и с одного маху сорвал замок прихваченной специально для этой цели монтировкой. Прислушавшись и убедившись, что вокруг пусто, Гордон проскользнул внутрь здания.

В задних помещениях Лаборатории искусственного интеллекта Орегонского университета было

еще мрачнее, чем там, куда допускалась публика. Повсюду валялись магнитные пленки, книги, бумага, присыпанные густым слоем пыли. Он добрался до главного служебного коридора, дважды споткнувшись о какой-то хлам и чудом не расквасив в падении нос. Заслышав чьи-то шаги и негромкое посвистывание, Гордон спрятался за дверной створкой и пропустил свистуна. Едва тот прошел мимо, он приник к щели.

Человек в толстых перчатках и белом с черным халате служащего остановился у дальней двери и грохнул об пол запотевшим коробом, точь-в-точь как коробка для пикника.

— Эй, Элмер! — позвал человек и постучал в дверь. — Пошевеливайся, там! Я притащил для нашего повелителя сухого льда! Должен же Циклоп кушать!

«Сухой лед...» — отметил про себя Гордон. Из-под крышки короба выбивался белый туман.

Искаженный дверью голос ответил:

— Ладно, придержи лошадей! Ничего не случится, если Циклоп потерпит минуту-другую.

Затем из открывшейся двери хлынул поток света и низкое уханье старого рок-н-ролла.

— Чего это ты задержался?

— Играл! Набрал в «Управляемых ракетах» сто

тысяч очков и никак не хотел...

Дверь захлопнулась, заглушив конец объяснения. Гордон толкнул створки двойной двери и торопливо зашагал по коридору. Чуть дальше его внимание привлекла еще одна приоткрытая дверь. Из щели просачивался свет, слышались обрывки разговора. Он остановился, узнав голоса собеседников. Спор шел о нем, Гордоне.

— Я по-прежнему считаю, что его надо было убить, — ворчал кто-то — кажется, доктор Гробер. — Этот субъект загубит все, что мы тут успели создать.

— О, ты преувеличиваешь опасность, Ник. Я, наоборот, полагаю, что он почти безвреден. — Говорила самая пожилая среди женщин-служащих, имени которой Гордон так и не запомнил. — Честный и безобидный парень.

— Вот как? Разве ты не слышала, какие вопросы он задавал Циклопу? Не то что эта деревенщина — я имею в виду нашего среднего жителя, каким он стал после всех этих несчастий. Нет, этот человек проницателен! И к тому же отлично помнит былые времена.

— Ну и что же? Может, лучше попробовать привлечь его на нашу сторону?

— Бесполезно? Любой вам скажет: это идеалист.

Он на такое никогда не пойдет. Единственный выход — убить его! Немедленно! А потом уповать на то, что пройдут годы, прежде чем ему пришлют замену.

— А мне все-таки кажется, ты сходишь с ума! — не сдавалась женщина. — Если кто-нибудь когда-нибудь разнюхает, что в этом виновны мы, последствия будут катастрофическими!

— Я согласен с Марджори. — Голос принадлежал самому доктору Тайферу. — Дело не только в том, что против нас поднимется народ — наш, орегонский, но и в том, что нас захочет покарать вся страна, если это раскроется.

Последовала продолжительная пауза.

— А я все еще не до конца убежден, что он взаправду... — Гроберу не дали договорить. На сей раз инициативу перехватил мягкий голос Питера Эйга.

— Уж не забыли ли вы все основную причину, почему до него нельзя не только пальцем дотрагиваться, но и вообще как-либо препятствовать?

— Что вы имеете в виду?

Голос Питера сделался тише:

— Боже, как можно! Неужто вам так и не открылось, что это за человек и что он собой олицетворяет? Как же низко мы пали, раз способны

даже помыслить о том, чтобы причинить ему зло, тогда как на самом деле мы должны были бы наперегонки демонстрировать ему свою преданность и оказывать любую посильную помощь!

— Ты склоняешься на его сторону, Питер, потому что он спас твоего племянника. — Возражение прозвучало не слишком убежденно.

— Возможно. Плюс то, что считает по этому поводу Дэна.

— Дэна? — фыркнул Гробер. — Взбалмошный ребенок с завиральными идеями!

— Пусть так. Но вам все равно некуда деваться от флагов.

— Флаги? — Пришел черед удивиться доктору Тайферу. — Какие флаги?

Ему ответил задумчивый голос женщины:

— Питер говорит о флагах, которые вывесили жители всех районов и городков. Бывший государственный, звездно-полосатый! Тебе надо бы чаще появляться на людях, Эд, тогда бы ты лучше знал их настроения. Ни разу еще не видела, чтобы что-то могло так поднять дух сельских жителей, даже в довоенные годы.

Все какое-то время переваривали услышанное. Потом Гробер негромко произнес:

— Интересно, что думает обо всем этом Джо-

зеф?

Гордон насторожился. Он знал все голоса, доносящиеся из комнаты, — они принадлежали старшим служащим Циклопа, — однако его никогда не представляли человеку по имени Джозеф.

— Думаю, Джозеф сегодня рано лег спать, — ответил Тайфер. — Я собираюсь последовать его примеру. Обсудим все позже, когда поутихнут страсти.

Совещавшиеся направились к двери, спугнув Гордона. Он, впрочем, не сожалел, что вынужден покинуть удобное местечко для подслушивания. Мнения всех этих людей не имели для него ровно никакого значения. Сейчас ему хотелось услышать лишь один голос, и он устремился туда, где внимал ему в последний раз.

Обогнув угол, он очутился в элегантном холле, где впервые встретился с Гербом Кейло. Сейчас здесь было темно, однако это не помешало ему с легкостью взломать замок конференц-зала. Стоило Гордону переступить порог, как у него пересохло во рту. Он с трудом поборол желание ступать на цыпочках.

Серый цилиндр за стеклянным экраном, в который упирался длинный дубовый стол, все так же окутывал мягкий свет.

«Только бы я оказался не прав!» — мысленно взмолился Гордон.

Если его опасения не подтвердятся, то Циклоп посмеется над длинной цепочкой сделанных им ложных умозаключений. Как бы и ему хотелось посмеяться вместе с ним над своими дурацкими страхами!

Он приблизился к динамику у самого стекла.

— Циклоп! — шепотом позвал он, делая еще один шаг вперед и чувствуя, как сжимается у него горло. — Циклоп, это я, Гордон.

Объектив был погашен, но вереницы огоньков мигали как ни в чем не бывало, повторяя одну и ту же замысловатую последовательность, гипнотизирующую незваного гостя. Все это походило на сигнал бедствия, поданный на утраченном, закодированном языке, — сигнал, несущийся с гибнущего среди волн корабля.

Гордона охватил ни с чем не сравнимый ужас. Точно такой же страх он испытал однажды в детстве, когда обнаружил своего деда лежащим абсолютно неподвижно в кресле-качалке... Он тогда боялся дотронуться до него, боялся убедиться в смерти любимого человека.

Тем временем по рядам огоньков пробегала одна и та же световая волна.

Интересно, много нашлось бы людей, которые по прошествии семнадцати лет, проведенных в аду, смогли бы, как он, вспомнить, что световая индикация суперкомпьютера не способна к самовоспроизведению? Приятель-кибернетик говорил ему, что индикация в этом смысле сродни форме снежинки, ибо так же трудноповторима.

— Циклоп, — сдерживая волнение, произнес он, — ответь мне! Я требую ответа во имя порядочности! Именем Соединенных шт...

Гордон осекся. Он не мог заставить себя лгать, с тем чтобы вывести на чистую воду другого лжеца. Пусть по крайней мере здесь не останется обманутых, не считая его самого.

В помещении было сейчас теплее, чем во время его беседы с Циклопом. Он огляделся и заметил маленькие вентиляторы, которые днем гнали холодный воздух в сторону посетителя, чтобы у того создавалось впечатление, будто за стеклянной стеной царствует лютый мороз.

— Сухой лед, — пробормотал Гордон. — Бедные обманутые граждане страны Оз...

Дороги и в кошмарном сне не приснилось бы такое предательство, какое раскрыл он. Совсем недавно Гордон согласился бы пожертвовать жизнью ради того, чего здесь на самом деле не бы-

ло и в помине. Его, как и всех остальных, провели на мякине. Просто кучка избежавших смерти фальсификаторов изобрела способ собирать с соседей дань в виде еды и одежды, да так, чтобы те еще и испытывали к хитрецам искреннюю благодарность.

Выдумав миф о проекте «Тысячелетие» и создав рынок сбыта для электронной рухляди, они с успехом убедили местных жителей, что старая электроника — весьма ценный товар. На всей территории долины реки Уилламетт люди усердно добывали остатки домашних компьютеров, приборов, игрушек — еще бы, ведь Циклоп в обмен на них готов давать советы, как дальше жить! «Служащие Циклопа» обставили все таким образом, что даже весьма благоразумные мужи, вроде Герба Кейло, не обращали внимания, сколько еды и прочего добра идет самим служащим.

Ученые отлично питаются, но при этом фермеры и не думают жаловаться на судьбу!

— Ты ни в чем не виновата, — шепнул он безмолвной машине. — Ты бы обязательно сконструировала инструменты, восстановила утерянные премудрости, помогла нам выйти на верный путь. Ты и тебе подобные были нашими наивысшими достижениями...

Гордон прерывисто вздохнул, вспомнив теплый, мудрый голос, обращавшийся к нему в Миннеаполисе в незапамятные времена. Взгляд его затуманился, он повесил голову.

— Вы правы, Гордон. Никто ни в чем не виноват.

Он встрепенулся. В нем на мгновение возродилась сгоревшая было дотла надежда — ведь голос принадлежал самому Циклопу!

Однако донесся он не из динамика. Гордон резко обернулся и увидел... худого старика, наблюдавшего за ним из кресла в темном дальнем углу комнаты.

— Я, знаете ли, частенько сюда наведываюсь. — Старик говорил голосом Циклопа — печальным, полным сожаления. — Просто чтобы посидеть рядом с моим другом, умершим давным-давно в этой самой комнате.

Старик слегка подался вперед, и на его лицо упал отблеск бледно-жемчужного света.

— Моя имя — Джозеф Лазаренски. Это я создал Циклопа. Много лет тому назад... — Он посмотрел на свои руки. — Я руководил программированием и всем его обучением. Я любил его, как собственного сына. И, подобно любому добросовестному родителю, гордился тем, что он будет

лучше, добрее, *человечнее*, чем я. — Лазаренски вздохнул. — Он действительно не погиб, когда разразилась война. В этой части все верно. Циклоп отдыхал тогда в клетке Фарадея, и его не затронули электромагнитные импульсы, порожденные взрывом водородных бомб. В ней он и оставался все время, пока мы бились над тем, чтобы не дать ему умереть. В первый — и единственный — раз, я убил человека во время бунта ненавистников техники. Я участвовал в обороне электроподстанции и стрелял как одержимый. Однако все оказалось бесполезно. Генераторы были повреждены, хотя городскому ополчению удалось в конце концов оттеснить безумные орды. Но оно подоспело слишком поздно... Опоздание измерялось минутами — а выходит, что годами.

Он развел руками.

— Вы, очевидно, догадываетесь, Гордон, что после этого мне не оставалось ничего другого, как сидеть рядом с Циклопом и наблюдать за его угасанием.

Гордон не шевелился. Лазаренски продолжил:

— Мы надеялись своротить горы. Проект «Тысячелетие» появился у нас еще до бунтов. Вернее, его создателем был Циклоп. Он уже составил

вчерне программу, как заново отстроить мир. Говорил, что ему остается месяца два, чтобы покончить с деталями.

Гордон сидел с каменным лицом и молча ждал.

— Известно ли вам о квантовых пузырьках памяти, Гордон? В сравнении с ними сочленения Джозефсона не стоят выеденного яйца. Эти пузырьки легки и хрупки, как сама мысль. Благодаря им умственный процесс движется в миллионы раз стремительнее, чем с помощью обычных нейронов. Однако для их существования и работы необходимы низкие температуры. Отключи холод — и они погибнут раз и навсегда. Мы пробовали спасти их, но потерпели неудачу. — Старик снова потупился. — Лучше бы я сам умер той ночью...

— И тогда вы решили претворить план Циклопа в жизнь самостоятельно, — сухо продолжил за него Гордон.

Лазаренски покачал головой.

— Куда там! Без Циклопа об этом нельзя было и мечтать. В наших силах оставалось лишь предложить людям его скорлупу. Иллюзию. Это по крайней мере давало шанс выжить в наступающем каменном веке. Вокруг воцарился

хаос, никто ни во что не верил. Единственный инструмент, остававшийся у нас, хилых интеллектуалов, именовался надеждой.

— Надежда!.. — горько усмехнулся Гордон.

Лазаренски пожал плечами.

— Просители приходят переговорить с Циклопом и говорят — со мной. Дать добрый совет не так уж трудно. Технические решения можно найти в книгах, остальное подсказывает здравый смысл. Они верят в беспристрастность компьютера, тогда как к живому человеку испытывают недоверие.

— В случаях же, когда здравый смысл не подсказывает вам ответа, вы выступаете в роли гадалки...

Еще одно движение худых плеч.

— В Дельфах и Эфесе это срабатывало. Если начистоту, то какой от этого вред? Люди из долины Уилламетт перевидали за последние двадцать лет слишком много чудовищ, охочих до власти, чтобы соглашаться на объединение под предводительством человека или группы людей. Зато о машинах у них сохранились теплые воспоминания! Как и об этой старой форме, которую вы нацепили, хотя в лучшие времена они зачастую вытирали об нее ноги.

Неподалеку раздались голоса, но вскоре стихли.

— Мне пора, — спохватился Гордон.

Лазаренски усмехнулся.

— Не бойтесь вы их! Сплошная болтовня и полная неспособность к действию. Не то что вы!

— Вы меня совсем не знаете, — проворчал Гордон.

— Отчего же? Исполняя роль Циклопа, я проговорил с вами не один час. Кроме того, о вас с жаром распространялась моя приемная дочь, да и Питер Эйг... Я знаю о вас куда больше, чем вы догадываетесь. Вы — редкий экземпляр, Гордон. Каким-то неведомым образом вам удалось, беспрестанно балансируя на грани жизни и смерти, сохранить вполне ясное сознание, а значит, и обрести силу, отвечающую требованиям нашего нелегкого времени. Даже если бы эта шайка попробовала на вас покуситься, вы бы их перехитрили.

Гордон шагнул было к двери, но остановился. Обернувшись, он посмотрел напоследок на мягкое свечение, испускаемое мертвой машиной, на беспомощно перемигивающиеся огоньки.

— Не так уж я хитер. — Ему было трудно дышать. — Я поверил вам!

Он встретился с Лазаренски взглядом, и старик опустил голову, не зная, что ответить. Гордон вышел вон, навсегда покинув холодный склеп и населяющие его живые трупы.

12

Он вернулся к тому месту, где привязал лошадь, в час, когда на востоке обозначились первые проблески зари. Забравшись в седло, Гордон двинулся в северном направлении по старой проселочной дороге. Он ощущал в душе горечь и пустоту, словно могильный холод склепа, где существовал призрак Циклопа, добрался до самого его сердца. Все внутри замерло: хватило бы малейшего движения, чтобы спугнуть что-то бесценное, что там еще теплилось. Единственное, чего он хотел сейчас — оказаться подальше от этого места. Пусть дураки продолжают тешиться мифами, а с него довольно!

Гордон решил не возвращаться в Сиотаун, где его ждали мешки с почтой. Этот груз он навсегда стряхнул со своих плеч. Он уже начал было расстегивать форменную рубашку, собираясь бросить ее в дорожную пыль, и расстаться таким образом с тяготившей его ложью, однако в голове заметалась непрошенная мысль: «Кто же теперь возьмет на себя ответственность?»

Что такое?.. Он помотал головой, желая избавиться от этого наваждения, однако слова не

уходили.

«Кто теперь возьмет на себя ответственность за детей неразумных сих?»

Гордон выругался и наподдал кобыле в бока каблуками. Она играючи несла его на север, все дальше от того, что представляло для него ценность еще вчера утром и что теперь обернулось столь жалким обманом. Картонные манекены из грошовой лавки. Страна Оз.

«Кто возьмет на себя ответственность...»

Эти слова повторялись вновь и вновь, словно навязчивая мелодия. Он понял, наконец, что они звучат в том же ритме, в котором перемигивались огоньки индикации на старой, давно усопшей машине.

«...за детей неразумных сих?»

Кобыла бодро трусила в предрассветной мгле мимо превратившихся в лес садов, вдоль которых нескончаемой вереницей тянулись остовы автомобилей. Гордона внезапно посетила странная мысль: что, если в завершающее мгновение жизни, когда улетучивались жалкие остатки жидкого гелия и надвигалось смертоносное тепло, последняя мысль бесхитростной, но мудрой машины каким-то образом перетекла в периферийную цепь и теперь отчаянно мигает, никем

не понятая?

Тянет ли это на галлюцинацию?

Занятно, какими были последние мысли Циклопа, его последние слова...

Может ли человек сделаться жертвой призрака машины?

Гордон встряхнулся. Он просто переутомился, иначе в голову не лезла бы разная ерунда. Никому он ничего не должен! Ни символу на дрянной кокарде, ни истлевшей мумии, застрявшей в ржавом джипе...

Призраки!

Он сплюнул в пыль и попробовал улыбнуться.

Но нет, упрямые слова никак не шли у него из головы. «Кто теперь возьмет на себя ответственность?»

Он настолько запутался в терзающих его противоречиях, что не сразу расслышал крики позади. Натянув поводья, Гордон оглянулся, положив руку на револьвер. Кто бы ни гнался за ним, он не даст преследователям спуску. Хотя бы в одном старик Лазаренски не ошибся: для этой шайки служителей Циклопа он — добыча не по зубам.

Вдали, перед Домом Циклопа, царила суета. Впрочем, какое это имеет к нему отношение?

Заслонив ладонью глаза от только что выкатив-

шегося из-за горизонта солнца, Гордон разглядел вдалеке пар, поднимающийся от двух взмыленных лошадей. По ступенькам дома взбежал измученный всадник, встретивший бросившихся к нему людей нетерпеливыми криками. Его спутнику, судя по всему, раненому, оказывали первую помощь прямо на земле.

До Гордона донеслось всего одно слово, но оно все разъяснило:

— ...выживания!

Ответ его был еще более кратким:

— Черт!

Он повернулся к крикам спиной и хлестнул кобылу поводьями, заставив возобновить прерванный бег в прежнем — северном направлении.

Еще вчера он поспешил бы на помощь и с готовностью отдал собственную жизнь, лишь бы спасти мечту Циклопа. Выходит, что он сложил бы голову ради пустого фарса, выдумки, бессовестного обмана, игры, в конце каинов!

Если вторжение холнистов и впрямь началось, деревни, расположенные к югу от Юджина, дадут им слаженный отпор, и бандиты повернут на север, туда, где сопротивление слабее. Отвыкшим от войны жителям северной части долины Уилламетт не выстоять против головорезов с

Рог-Ривер.

Однако холнистов могло оказаться недостаточно, чтобы захватить всю долину. Корваллис, без сомнения, падет, но Гордону все равно есть куда податься. Возможно, он свернет на восток и доберется по шоссе номер 22 до Пайн-Вью. Будет неплохо снова повидаться с миссис Томпсон. Он еще поспеет к рождению у Эбби первенца!

Кобыла бежала по-прежнему резво. Крики за спиной стихли, подобно улетучившимся из головы дурным воспоминаниям. День обещал быть ясным — впервые после нескольких недель сплошной облачности. Лучшей погоды для путешествия не придумаешь.

Но тут за расстегнутый ворот Гордона начал заползать холод. Еще через сотню ярдов его пальцы потянулись к пуговицам воротника.

Лошадь перешла на медленный шаг, а потом и вовсе остановилась. Гордон, сгорбившись, сидел в седле.

«Кто возьмет на себя ответственность...»

Проклятая фраза и подмигивающие огоньки все так же мучили его. Лошадь вскинула голову и заржала, перебирая копытами.

«Кто?..»

— Дьявольщина! — не выдержал Гордон и, раз-

вернувшись, поскакал назад, на юг.

Беспомощная, перепуганная толпа мужчин и женщин расступилась в почтительном молчании, когда он осадил лошадь у крыльца Дома Циклопа. Гордон долго рассматривал людей, не произнося ни слова.

Наконец он сбросил накидку, застегнул рубаху и нахлобучил на голову фуражку с лучезарной кокардой, поймавшей луч разгорающегося солнца. Потом набрал в легкие побольше воздуха и принялся выкрикивать отрывистые команды, тыкая пальцем в первых подвернувшихся под руку.

Во имя собственного выживания и во имя Возрожденных Соединенных Штатов все — жители Корваллиса и служащие Циклопа — бросились выполнять его приказания.

Интерлюдия

В вышине стоял надсадный вой ветра. Снова наступала зима, и над северной акваторией Тихого океана проносились ледяные вихры, напоминая о скорых холодах. Более двадцати лет тому назад тысячелетние маршруты ветров были спутаны гигантскими черными смерчами, словно армада рассерженных вулканов в один и тот же момент произвела залп раскаленной породой в небеса.

Если бы смерчи не рассосались столь стремительно, то исчезли бы все признаки жизни на планете и навечно воцарился бы ледниковый период. Ведь и так тучи пепла на долгие недели окутали Землю, прежде чем частицы покрупнее начали выпадать на поверхность грязевыми дождями. Но все равно огромное количество пыли и сажи было развеяно воздушными потоками высоко в атмосфере, и еще долго не пропускало солнечный свет.

Минули годы, прежде чем наконец снова пришла весна.

Но весна пришла. Океан — живущий своей, неторопливой жизнью и не ведающий уныния,

послал в самый раз тепла, чтобы не дать спирали перемен раскрутиться и не сделать зиму необратимой. В должный срок теплые облака, набухшие поднявшейся из морей влагой, снова поплыли над континентами. Ветви деревьев опять потянулись к небу, повсюду, из всех трещин в асфальте, поползла трава.

И все же высоко в небе оставалось еще достаточно пыли. Холодный воздух то и дело прорывался на юг, напоминая о Нескончаемой Зиме. Туман кристаллизовался вокруг частиц пыли и выпадал на землю снежинками невиданной величины.

Ненавистная Зима упрямо возвращалась, пытаясь погрузить континенты в вечную тьму.

Часть третья. Цинциннат

1

Снегопад сопровождался ветром, круговерть метели порождала зловещие белые фигуры-призраки, которые исчезали поя кладбищенской сенью застывших на морозе деревьев, но тут же на смену им являлись новые, еще страшнее прежних.

Облепленная снегом ветка треснула, не выдержав веса еще одной огромной снежинки. Эхо хруста разнеслось далеко вокруг, как от ружейного выстрела.

Снег милостиво припорошил мертвые глаза издохшего от голода оленя и уже начал сглаживать неровности между его выпирающими ребрами. Совсем скоро не осталось и следа от углублений в промерзающей земле, проделанных животным всего час назад в бесплодных поисках корма.

Танцующие снежные вихри, не ведающие пристрастий, укутывали белым саваном все, к чему подступали; они быстро накрыли свежей чистой пеленой багровые пятна на старом, слежавшемся снегу.

Белых одеял хватило на все трупы; мертвые тела выглядели теперь мирно и напоминали

спящих.

* * *

К тому времени, когда Гордон отыскал тело Трейси под засыпанным снегом кедром, пурга подчистила все следы недавней схватки. Кровь давно перестала сочиться, превратившись в ледяную корку. Перерезанное горло несчастной девушки было холодным и сухим.

Гордон заставил себя отбросить воспоминания о Трейси, какой он знал ее при жизни, хотя их знакомство продолжалось недолго: неизменно жизнерадостной, отважной, исполненной энтузиазма по поводу безнадежного дела, которое она на себя взвалила. Скорбно опустив уголки рта, он разорвал ее шерстяную фуфайку и потрогал подмышку.

Тело было еще теплым. Беда стряслась совсем недавно.

Гордон бросил взгляд в юго-западном направлении, куда тянулись быстро исчезающие в метели следы, и зажмурился от яркой белизны снега. Рядом с ним неслышно возникла фигура в белом балахоне.

— Жаль! — услыхал он шепот Филиппа Бокуто. — Славная была девушка! А я-то готов был

поклясться, что эти гады не сумеют...

— Как видишь, сумели, — оборвал его Гордон. — И всего-то минут десять назад.

Он приподнял труп за ремень. Глаза на темно-коричневом лице под белым капюшоном понимающе сощурились. Тело Трейси осталось нетронутым и даже не было изуродовано холнистской символикой. Небольшая банда «мастеров выживания», видно, слишком торопилась, чтобы прихватить свои традиционные жуткие трофеи в виде частей тела.

— Мы могли бы их поймать, — шепнул Бокуто. Его глаза пылали гневом. — Через три минуты я буду здесь с остальным отрядом.

Гордон покачал головой.

— Нет, Фил. Мы и так увлеклись преследованием и вышли далеко за пределы нашего периметра обороны. Пока мы их настигнем, они успеют устроить засаду. Лучше заберем тело Трейси и вернемся.

Бокуто сжал челюсти. Он уже не шептал, а говорил полным голосом:

— Мы сумеем их поймать!

Гордон не мог справиться с раздражением. Зачем Филипп говорит это? Бокуто был сержантом морской пехоты — до того, как около двух

десятков лет тому назад от былого мира осталось мокрое место. Ему, а не Гордону, следовало бы принимать подобные малоприятные, но необходимые решения, взваливать на себя ответственность...

Он снова покачал головой.

— А я говорю, нет! И оставим это.

Он взглянул на девушку, бывшую до сегодняшнего дня лучшей разведчицей в армии Уилламетта. Видимо, она все же где-то дала маху...

— Нам нужны живые бойцы, Фил. Свирепые и готовые к схватке, а не мертвые.

Они избегали смотреть друг на друга. Немного погодя Бокуто оттеснил Гордона в сторону и склонился над неподвижным телом.

— Дай мне пять минут, прежде чем поднимешь отряд. — Оттащив тело Трейси за ствол кедра, на подветренную сторону, он вытащил нож. — Вы правы, сэр, нам нужны злые бойцы. Вот мы с Трейси и позаботимся об этом.

Гордон поморщился.

— Фил, — запротестовал он, вытягивая руку, — не надо!

Не обращая внимания на Гордона, Бокуто с перекошенным лицом разорвал на Трейси рубашку. Не поднимая глаз, выдавил:

— Согласен с тобой: мы должны привести наших трусливых фермеров в бешенство, чтобы они рвались в бой! Именно так и советовали нам поступить Дэна и Трейси в случае необходимости.

Гордон все еще не верил своим глазам.

— Дэна не в своем уме, Фил! Разве ты до сих пор не понял? Пожалуйста, не делай этого! — Он схватил друга за руку и попробовал оттащить от трупа, однако был вынужден отступить перед нацеленным на него острием ножа. Глаза Бокуто метали молнии.

— Не усугубляй моего горя, Гордон! Ты — мой командир, и я буду подчиняться тебе, пока это остается наилучшим способом убивать как можно больше холнистов. Но ты, Гордон, слишком цивилизован, хотя жизнь требует совсем другого! Надо же знать меру! Ты меня слышишь? Я не позволю тебе предать Трейси, Дэну, меня ради твоего глупого упрямства, место которому в двадцатом веке! Вот так! А теперь вали отсюда, мистер инспектор... сэр. — Бокуто задыхался от негодования. — И не забудь дать мне пять минут, прежде чем приведешь остальных.

Он озверело сверкал глазами. Гордон попятился. Фил сплюнул на снег, смахнул иней с мокрых бровей и ресниц и занялся своим страшным

делом...

Возвращаясь к отряду, Гордон продолжал недоумевать. Фил Бокуто ни разу еще не набрасывался на него вот так, размахивая ножом, с диким взглядом, не желая подчиниться приказу... Но потом он вспомнил, что никогда не приказывал ему не делать того, что Бокуто собирался сделать сейчас, он всегда просил, уговаривал. Уверен ли он, что сержант на самом деле не прав? Не разделяет ли он сам в глубине души кое-какие идеи из тех, что проповедует Дэна и ее свихнувшаяся женская банда?

Гордон покачал головой. Фил прав по крайней мере в одном: философствовать на поле боя просто глупо. Здесь главная проблема — как выжить. Другой войне — той, что разворачивается еженощно в его снах, — придется дожидаться лучших времен.

Он осторожно спустился вниз по склону, сжимая в кулаке штык — наилучшее оружие при подобной погоде. Половина людей в его отряде отложила до поры ружья и луки и вооружилась длинными ножами — еще один урок, с трудом перенятый у безжалостного, неистощимого на пакости врага.

Они с Бокуто оторвались от остального отряда

всего метров на пятьдесят, однако ему казалось, что на целые мили вокруг нет дружеской души — одни расставленные врагом ловушки. Людей заменяли призрачные тени снежных вихрей — словно не умеющих решить, к какому лагерю примкнуть. Эфемерные нейтралы в безмолвной, безжалостной войне...

«Кто возьмет на себя ответственность?..» Гордону отовсюду слышался этот свистящий шепот. Роковая фраза прочно засела в его мозгу с тех самых пор, как он сделал выбор между разумной трусостью и бессмысленной надеждой сохранить здесь островок цивилизации...

Очередная диверсионная группа холнистов свирепствовала с размахом; впрочем, местные фермеры проявили себя более отчаянными вояками, чем можно было от них ожидать. К тому же Гордон и его отряд всегда находились неподалеку, готовые ввязаться в бой.

Совсем недавно его Армия долины Уилламетт одержала небольшую, но важную победу: двадцать человек расстались с жизнью, но забрали с собой и пятерых врагов. От банды холнистов уцелело всего трое или четверо — теперь они пытались уйти на запад.

Однако даже четверо этих двуногих чудовищ,

пусть измотанные и почти лишившиеся боеприпасов, представляли собой страшную угрозу. В его отряде оставалось всего семь человек, а подкрепления ждать не приходилось.

Пусть уходят. Все равно они вернутся.

Впереди раздалось совиное уханье. Гордон узнал условный сигнал, подаваемый Лейфом Моррисоном. Лейф делает успехи. Если война подарит нам еще годик жизни, он кого-нибудь да сумеет одурачить.

Гордон отозвался похожим уханьем — два крика в ответ на три. Потом он стремительно пересек небольшую поляну и съехал в овраг, где его уже ждали.

Моррисон и еще двое поспешили к нему. Их бороды и козлиные бурки были запорошены снегом, они взволнованно сжимали в руках оружие.

— Где Джо и Энди? — спросил Гордон.

Лейф, верзила-швед, ткнул пальцем влево и вправо.

— Посты, — пояснил он.

Гордон кивнул и, развязав под большой елью рюкзак, вытащил оттуда термос. Начальственное положение давало ему привилегии, в частности, возможность налить себе горячего сидра когда вздумается, не спрашивая ничьего разрешения.

Бойцы отряда снова заняли свои позиции, но то и дело оглядывались на «инспектора», ломая головы, что он выдумает на этот раз. Моррисон — фермер, едва унесший ноги во время сентябрьского налета холнистов на Гринлиф, — имел вид человека, лишившегося всего, что он любил, и уже не принадлежащего к этому миру.

Гордон взглянул на свои часы — отличные, довоенные, преподнесенные ему умельцами в Корваллисе. Бокуто давно управился. Сейчас он, наверное, возвращается, петляя, чтобы запутать следы.

— Трейси мертва, — сообщил Гордон, следя за реакцией разом побледневших лиц подчиненных. — Наверное, пыталась зайти в тыл этим сволочам и задержать их до нашего подхода. Она не спросила у меня разрешения. — Он пожал плечами. — Вот и поплатилась.

Испуганное молчание сменилось отменной бранью. «Так-то лучше, — подумал Гордон. — Только в следующий раз холнисты не будут дожидаться, пока вы, ребята, рассвирепеете. Они прикончат вас, когда вы еще будете соображать, стоит ли пугаться».

Имея богатый опыт по части вранья, Гордон произнес ровным, без всякого выражения го-

лосом:

— Мы опоздали на каких-то пять минут, а то успели бы ее спасти. Но у бандитов время нашлось: они прихватили с собой кое-какие сувениры.

На лицах слушателей появилось выражение омерзения, быстро сменившееся гневом.

— Поспешим за ними! — предложил Морриссон. — Они не могли уйти далеко.

Остальные закивали в знак согласия.

«Недостаточно энергично», — определил Гордон.

— Нет, — отрезал он. — Если вы и сюда добирались с ленцой, то теперь и подавно угодите в ловушку. Мы рассыпемся цепью, заберем тело Трейси и возвратимся домой.

Лишь один из фермеров — кстати, только что громче остальных высказывавшийся за погоню, — не скрыл облегчения. Остальные смотрели на Гордона с неприязнью.

«Держитесь же настороже, ребята, — с горечью подумал Гордон. — Будь я прирожденным начальником, я бы нашел лучший способ вселить в вас боевой задор».

Он убрал термос, так и не предложив никому сидра. Смысл такого поведения был ясен: они не

заслужили угощения.

— Вперед! — приказал он, закидывая на спину свой легкий рюкзак.

Отряд быстро подчинился: бойцы в спешке похватали оружие и затопали по снегу. Слева и справа появились из укрытий Джо и Энди и заняли свои места на флангах. Холнисты прятались бы гораздо искуснее: у них имелось куда больше возможностей попрактиковаться, чем у этих новоиспеченных вояк.

Люди, вооруженные штыками, ушли вперед, обогнав тех, кто шел с ружьями наперевес. Спустя минуту Гордон, кравшийся позади цепочки, почувствовал, что рядом с ним идет Бокуто, как ни в чем не бывало появившийся из-за ствола дерева. Никто из фермеров, при всей их вновь обретенной воинственности, не заметил его.

Лицо разведчика оставалось бесстрастным, однако Гордон знал, какие чувства обуревают его сейчас, и постарался не встречаться с ним взглядом.

Впереди раздался взволнованный крик: изуродованное тело Трейси было обнаружено.

— Представь себе их реакцию, если бы они узнали правду, — тихонько сказал Гордону Филипп. — Или если бы до них дошло, почему

большинство твоих разведчиков — девушки...

Гордон пожал плечами. Идея принадлежала женщинам, но он ответил согласием. Вся вина лежала на нем. Вся вина, при том что дело их почти безнадежно...

И все же он не мог допустить, чтобы даже цинику Бокуто открылась вся правда. Ради его же блага Гордон привычно солгал:

— Тебе известна главная причина. Помимо теорий Дэны и обещаний Циклопа.

Бокуто кивнул, голос его стал хриплым от волнения:

— Во имя Возрожденных Соединенных Штатов, — мечтательно, с несвойственным ему трепетом прошептал он.

«Сплошное вранье, — подумал Гордон. — Если ты, друг мой, когда-нибудь узнаешь правду, то...»

— Во имя Возрожденных Соединенных Штатов, — вслух согласился он. — Да.

Они дружно ускорили шаг, чтобы возглавить свою перепуганную, но теперь в должной степени обозленную армию.

2

«Ничего не выходит, Циклоп».

Из-за толстого стекла на него смотрел жемчужный глаз, мерцающий на высоком цилиндре, тонущем в клубах холодного тумана. По двойному ряду лампочек пробегала одна и та же замысловатая световая волна. Призрак Циклопа преследовал Гордона уже много месяцев, ибо был воплощением единственной лжи, не уступавшей в дерзости его собственной, давно опостылевшей самому автору.

В этой мрачной комнате ему лучше думалось. Там, среди снегов, на частоколах, огораживающих деревни, в одиночестве сумрачного леса мужчины и женщины принимали смерть за них двоих — за химеру, олицетворением которой им казался Гордон, и за машину, хоронящуюся за этим стеклом.

«За Циклопа и за Возрожденные Соединенные Штаты».

Не будь этих могучих оплотов надежды, жители долины Уилламетт давно уже были бы повержены. Корваллис лежал бы в руинах, а его собранные по томику библиотеки, хлип-

кая промышленность, ветряки и мигающее электричество — все бы рухнуло, покорившись надвигающейся дикости. Захватчики с Рог-Ривер ввели бы здесь феодальные порядки, уже свирепствовавшие к западу от Юджина.

Фермеры да электронщики преклонного возраста сражались против в десятки раз более опытного и хитроумного противника. И все же битва продолжалась, битва, в которой они отстаивали не столько собственную жизнь, сколько эти два символа: ласковую, мудрую машину, на самом деле давно уже мертвую, и канувшее в небытие государство, сохранившееся только в их воображении.

Бедные простаки...

«Ничего не выходит», — говорил Гордон своей ровне, товарищу по лицедейству. Ответом ему была все та же пляска лампочек у него перед глазами и одновременно в мозгу.

«Суровая зима на время остановила холнистов. Они пока свирепствуют в городах, захваченных еще осенью. Но по весне они снова вернутся, вцепятся в нас, примутся жечь и убивать, пока деревни одна за другой не взмолятся, чтобы бандиты приняли их под свою „защиту“. Мы пытаемся огрызаться. Однако любой из этих

дьяволов стоит дюжины наших робких горожан и фермеров».

Гордон опустился в мягкое кресло перед толстым стеклянным экраном, вдыхая запах пыли и затхлости, от которого некуда было деться даже здесь, в Доме Циклопа.

Если бы у них было время на военную подготовку... Если бы мир не царил здесь столь долго...

Если бы у них появился подлинный лидер... Такой, как Джордж Паухатан.

Из-за притворенной двери доносилась негромкая музыка. Кто-то поставил пластинку двадцатилетней давности с записью «Канона» Пахельбеля.

Он вспомнил, как не сдержал слез, когда после огромного перерыва снова услышал подобную музыку. Ему в ту минуту отчаянно хотелось верить, что где-то на свете еще сохранились отвага и благородство, что здесь, в Корваллисе, он нашел то, что искал. Однако «Циклоп» оказался надувательством, ничем не лучше его собственного мифа о Возрожденных Соединенных Штатах.

Для него оставалось загадкой, почему наступление «мастеров выживания» вдохнуло в обе выдумки новую жизнь. Среди крови и ужаса обе легенды обрели особо возвышенное звучание, и

люди ежедневно отдавали ради них свои жизни.

«Не выходит, и все. — Он не ждал ответа от навеки умолкнувшей машины. — Наши люди сражаются и умирают. Однако зверье в камуфляже доберется к лету и сюда, как бы мы этому ни противились».

Он прислушался к печальной, волшебной музыке, задаваясь вопросом, станет ли кто-нибудь слушать Пахельбеля после падения Корваллиса.

В дверь тихонько постучали. Гордон выпрямился в кресле. Кроме него, в этот час в здании могли находиться только служащие Циклопа.

— Да? — отозвался он.

Пол прочертил узкий луч света. Потом луч расширился, и в нем выросла длинная тень женщины с распущенными волосами.

Дэна... Именно ее ему сейчас меньше всего хотелось видеть.

Она заговорила тихо, но торопливо:

— Прости за беспокойство, Гордон, но я подумала, что тебе надо узнать новость немедленно. Только что прискакал Джонни Стивенс.

Гордон вскочил с бешено бьющимся сердцем.

— Боже, так он прорвался!

Дэна кивнула.

— Джонни добрался до Розберга и вернулся,

хотя и не без труда.

— Люди! Привел ли он... — Гордон поперхнулся, видя, что она покачала головой. Ее взгляд не оставлял никакой надежды.

— Десять человек. Он доставил южанам твое послание, и они прислали десяток добровольцев.

Голос Дэны звучал странно, словно ей было стыдно за остальной мир, который так их подвел. Дальнейшее стало для него откровением: он еще ни разу не слышал, чтобы у нее дрожал голос.

— О, Гордон, они даже не мужчины. Это мальчишки, просто мальчишки!

3

Дэну ребенком взял на воспитание Джозеф Лазаренски и другие ученые Корваллиса, оставшиеся в живых, вскоре после Светопреставления. Она выросла среди служащих Циклопа и поэтому оказалась достаточно рослой для нового времени девушкой и получила неплохое образование. Неудивительно, что Гордона поначалу влекло к ней.

Однако потом он испытал сожаление, видя, что она так начитанна. Лучше бы она читала гораздо меньше... или неизмеримо больше. Дэна даже придумала собственную теорию! Хуже того, она фанатично верила в эту теорию и без устали пропагандировала ее в кругу впечатлительных подруг и даже за его пределами.

Теперь Гордон боялся, что, сам того не ведая, способствовал всему этому. Ему трудно было объяснить себе самому, как это он дал Дэне уговорить себя и принял в армию девушек разведчицами.

«Тело юной Трейси Смит, распростертое среди сугробов... Следы на ослепительно-белом снегу...»

Накинув белые халаты, они с Дэной прошли мимо охранников, караулящих вход в Дом Цик-

лопа, и ступили на снег, превращающий своим свечением ночь в сумерки. Дэна негромко произнесла:

— Если Джонни действительно постигла неудача, то это означает, что у нас остается всего одна надежна.

— Не хочу говорить об этом. — Он опустил голову. — Сейчас не хочу.

Снаружи стоял пронизывающий холод, и он торопился в столовую, чтобы выслушать доклад юного Стивенса.

Дэна взяла его за руку, и он был вынужден взглянуть на нее.

— Поверь, Гордон, никто не огорчен случившимся больше меня. Неужели ты считаешь, мы с девочками мечтали, чтобы у Джонни ничего не вышло? По-твоему, мы сумасшедшие?

Гордон воздержался от наиболее очевидного ответа. Минувшим днем ему выпало счастье полюбоваться на пополнение, собранное Дэной, — молодых женщин из деревень на севере долины Уилламетт: восторженные голоса, пылающие взоры новообращенных. Выглядели они забавно: скаутские куртки из оленьей кожи, по ножу на бедре, на запястье и на голени: все сидели кружком, положив на колени открытые книжки.

СЬЮЗЕН: Нет-нет, Мария! Ты все перепутала! «Лисистрата» [комедия Аристофана: по инициативе ее главной героини женщины устраивают специфическую «забастовку», отказывая мужчинам в близости, и тем добиваются прекращения войны] не имеет никакого отношения к Данаидам! [пятьдесят дочерей египтянина Даная, убившие в брачную ночь нелюбимых мужей] Все они поступали неверно, но по разным причинам.

МАРИЯ: Не понимаю! Только потому, что одни использовали секс, а другие взялись за мечи?

ГРЕЙС: Дело не в этом. Просто им не хватало системы взглядов, идеологии...

Спор резко оборвался, стоило женщинам завидеть Гордона. Они вскочили и отдали ему честь: он в замешательстве ускорил шаг. У всех женщин радостно сияли глаза, и ему почему-то показалось, что он служит для них каким-то образцом, символом неизвестно чего.

Совсем недавно Трейси смотрела на него такими же глазами. Как бы то ни было, Гордону это совершенно ни к чему: он и так не знал, куда деваться от стыда, когда из-за его лжи гибли мужчины. А тут еще женщины...

— Нет, — ответил он на вопрос Дэны, качая

головой. — Сумасшедшие, но не настолько...

Она, засмеявшись, стиснула его руку.

— Спасибо и на этом.

Но он отлично знал, что словами дело не кончится.

В столовой охранник принял у них халаты. Дэне хватило ума поотстать, и Гордон получил возможность выслушать дурные новости один на один.

* * *

Отличная штука — молодость. Гордон вспомнил себя подростком, каким он был еще незадолго до Светопреставления. В те времена его тоже ничто не могло остановить, разве только автомобильная авария.

С некоторыми из ребят, ушедших с юга Орегона вместе с Джонни Стивенсом две недели назад, произошло кое-что похуже. Сам Джонни побывал в форменном аду.

И все же он по-прежнему выглядел беззаботным семнадцатилетним гонцом, когда сидел у огня, грея руки о миску с бульоном. Ему не помешает горячая ванна и часов сорок беспробудного сна. Лицо, там, где его не закрывали свесившиеся соломенные волосы и проклевывающаяся

бородка, было нещадно исцарапано, а на форме сохранилось всего одно нетронутое место — аккуратная нашивка с простой надписью:

ПОЧТОВАЯ СЛУЖБА ВОЗРОЖДЕННЫХ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ

— Гордон! — Он широко улыбнулся и с трудом поднялся.

— Я молился за твое благополучное возвращение, — сказал Гордон, обнимая Джонни и откладывая пачку депеш, за которые паренек не пожалел бы жизни. — На это я взгляну чуть погодя. Сядь и выпей свой бульон.

Гордон мельком посмотрел на новобранцев, которых кормили и обихаживали у большого камина работники столовой. У одного была подвязана рука, другой вообще лежал на столе, в то время как армейский врач по фамилии Пилч хлопотал над его раной в голове. Остальные хлебали из мисок дымящийся суп и с откровенным любопытством разглядывали Гордона. Видимо, Джонни прожужжал им уши героическими историями, и они выглядели готовыми броситься в схватку.

Ни одному из них нельзя было дать больше шестнадцати лет.

«И это — наша последняя надежда?» — подума-

лось Гордону.

Население южной части Орегона противостояло «мастерам выживания» с Рог-Ривер уже без малого двадцать лет, причем за последние десять лет им удалось принудить варваров к обороне. В отличие от северян, которыми приходилось командовать Гордону, скотоводы и фермеры из-под Розберга не расслабились за последние годы, ибо так и не вкусили мирной жизни. Они отличались стойкостью и хорошо понимали, что представляет собой противник.

Кроме того, у них были настоящие вожди. До Гордона доходили рассказы о человеке, который топил в крови одно наступление холнистов за другим. Именно поэтому врагу потребовался новый план действий. Совершив дерзкий бросок, холнисты вышли к морю в районе Флоренса, далеко к северу от тех мест, где их по старинке поджидали.

Маневр был безупречен. Остановить бандитов теперь невозможно. Фермеры с юга прислали на подмогу всего десять мальчишек. Десять мальчишек!

Когда Гордон приблизился, новобранцы встали. Он прошелся вдоль шеренги и у каждого спросил, как его зовут и откуда он родом. Они с жаром

трясли ему руку и величали «мистером инспектором». Несомненно, все надеялись заслужить высшую награду — стать почтальонами, служить государству, которого они по молодости лет знать не знали.

Ни это, ни то, что государства больше не существует, не помешает им умереть, думал Гордон.

Потом он заметил в углу Фила Бокуто, строгающего палочку. Чернокожий морской пехотинец ничего не сказал, но Гордон видел, что он уже посматривает на новобранцев оценивающим взглядом и ничего не имеет против. Любой из них, хоть что-то умеющий, станет разведчиком, что бы ни говорила по этому поводу Дэна со своими женщинами.

Гордон почувствовал ее взгляд, хотя она осталась в дальнем конце помещения. Придется ей смириться с тем, что он никогда не согласится с ее новым планом. Пока он остается командующим армией Нижнего Уилламетта, этому не бывать. Он будет сопротивляться безумию до последнего вздоха.

Гордон потратил еще несколько минут на разговор с новобранцами. Когда он снова попытался отыскать взглядом Дэну, ее и след простыл. Не иначе, поспешила с новостью к кучке своих

новоиспеченных амазонок. Столкновение становилось неминуемым.

Гордон возвратился к столу. Джонни Стивенс теребил сумку из блестящей кожи. На сей раз от него не отвяжешься. Он протянул пакет, проделавший вместе с ним столь длинный путь.

— Мне очень жаль, Гордон, — молвил он. — Я лез из кожи вон, но они отказывались меня слушать. Я передал ваши письма, но... — Он понурил голову.

Гордон пролистал ответы на просьбы о помощи, которые он сочинял больше двух-месяцев тому назад.

— Зато все они хотят быть охваченными почтовым сообщением, — с иронией в голосе сообщил Джонни. — Даже если мы не удержимся, в Орегоне останется хотя бы полоска земли, готовая влиться в состав государства.

Гордон узнал по конвертам названия городков вокруг Розберга, ставших легендарными. Ответы оказались вежливыми, в них сквозило любопытство и даже энтузиазм по поводу возрождения Соединенных Штатов. Однако никто ничего не обещал. И не слал войск.

— А что Джордж Паухатан?

Джонни пожал плечами.

— Все тамошние мэры, шерифы, вообще боссы заглядывают ему в рот. Они и пальцем не пошевелят, пока он не сделает первый шаг.

— Что-то не нахожу ответа Паухатана.

— Он заявил, что не доверяет бумаге. Да и ответ его состоял всего из трех словечек. Он попросил меня передать его устно. — Голос Джонни сделался тише: — Он велел сказать: «Мне очень жаль».

4

Подойдя к двери своей комнаты, Гордон увидел, что внутри горит свет. Его рука замерла на дверной ручке. Он отлично помнил, что, отправляясь пообщаться с Циклопом, задул все свечи.

На-прежде чем отворить дверь, он услышал ласковый женский голос, и загадка объяснилась. В его кровати, накрыв одеялом ноги, лежала Дэна. На ней была просторная домотканая ночная сорочка; под самой свечой она держала раскрытую книгу.

— Ты портишь глаза, — сказал Гордон, бросая на стол сумку с депешами, полученную от Джонни.

— Согласна, — отозвалась Дэна, не поднимая глаз от книги. — Но смею тебе напомнить, что ты сам вернул свою комнату в каменный век, тогда как остальная часть здания электрифицирована. Полагаю, что все вы — люди, сформировавшиеся Во войны, — воображаете, что в пламени свечи есть что-то романтическое. Ведь так?

Гордон сам не мог бы точно объяснить, зачем повывертывал у себя в комнате все лампочки и спрятал их подальше. В первые недели, проведенные в Корваллисе, он едва не подпрыгивал

от радости всякий раз, когда появлялась возможность щелкнуть выключателем и залить помещение электрическим светом, как в дни его молодости. Зато теперь он не переносил этого света — во всяком случае, у себя.

Он налил в стакан воды и взял зубную щетку.

— У тебя в комнате есть отличная сорокаваттная лампочка. Могла бы почитать и там.

Дэна, словно не расслышав намека, шлепнула ладонью по странице.

— Ничего не понимаю! — возмущенно бросила она. — Если верить этой книге, Америка перед самым Светопреставлением переживала культурное возрождение. Конечно, не обошлось без Натана Холна, проповедовавшего свою безумную доктрину супермужественности, и без проблем со славянским мистицизмом за океаном, но в основных проявлениях это было замечательное время! В искусстве, музыке, науке все шло как нельзя лучше. Но, с другой стороны, опросы, проведенные в конце века, свидетельствуют, что большая часть американок не испытывала доверия к технике. Вот во что мне трудно поверить! Неужели это правда? Они что, сплошь были идиотками?

Гордон ополоснул рот над тазиком и посмотрел на обложку книги. На ней красовалась яркая

голограмма:

КАКИЕ МЫ: ПОРТРЕТ АМЕРИКИ 90-х

Он стряхнул с зубной щетки воду.

— Все не так просто, Дэна. Техника тысячелетиями считалась мужским занятием. Даже в девяностых годах лишь небольшой процент инженеров и ученых были женщинами, хотя появлялось все больше и больше отличнейших...

— Не о том речь! — оборвала его Дэна, захлопывая книгу и выразительно встряхивая светлыми кудрями. — Суть в ином: кому это выгодно? Даже если главную роль в этом деле играли мужчины, технология помогала женщинам куда больше, чем им! Сравни Америку своего времени с миром в его теперешнем состоянии и попробуй доказать, что я ошибаюсь.

— Сейчас женщины живут в форменном аду, — согласился Гордон, смачивая полотенце водой из кувшина. Он падал с ног от усталости. — Жизнь сейчас гораздо труднее для них, чем для мужчин. Она безжалостна к ним, доставляет одну лишь боль и к тому же коротка. И я, к своему стыду, позволил тебе уговорить себя поручить девушкам наихудшее, самое опасное...

Дэна не дала ему закончить мысль. Возможно, смерть молоденькой Трейси Смит оказалась для

нее слишком болезненным ударом, и она торопилась переменить тему.

— Прекрасно! — бросила она. — В таком случае мне хотелось бы знать, почему до войны женщины боялись техники — если эта дурацкая книга не врет, — хотя наука так много сделала для них. Ведь альтернатива была ужасна!

Гордон повесил на крючок влажное полотенце и пожал плечами. С тех пор минуло слишком много времени. В своих скитаниях он навидался такого, что Дэна навечно утратила бы дар речи, опиши он ей все это. Она застала крушение цивилизации, будучи неразумным маленьким ребенком. Если не считать страшных дней, предшествовавших ее удочерению сердобольными служащими Циклопа, — а те испытания к тому же давно изгладились из ее памяти, — она выросла в единственном в целом мире месте, где сохранялось подобие былого комфорта. Ничего удивительного, что у нее до сих пор не появилась седина — это в двадцать два-то года!

— Некоторые утверждают, что именно технология и погубила цивилизацию. — Он присел на стул рядом с кроватью и закрыл глаза, надеясь, что она поймет намек и оставит его в покое. — Возможно, они не так уж не правы.

Бомбы, вирусы. Трехлетняя зима, уничтожение коммуникаций, от которых так зависело общество... — На сей раз она не прерывала его, но он все равно запнулся, не найдя сил, чтобы читать поминальную молитву вслух. — ...Больницы... университеты... рестораны... блестящие на солнце авиалайнеры, переносившие свободных граждан куда им только захочется... веселые, ясноглазые ребятишки, прыгающие на газоне под струей крутящейся поливалки... фотографии с поверхностей спутников Юпитера и Нептуна... мечты о звездах... замечательные, мудрые машины, вынашивавшие головокружительные планы и наполнявшие нас гордостью... знания...

— Антитехнологическая болтовня, — вынесла Дэна приговор обозначенной тенденции. — Мир погубили люди, а не наука. И ты это знаешь, Гордон. Люди определенного сорта.

У Гордона не хватило даже сил пожать плечами. Какое это имеет теперь значение?

До него донесся ее смягчившийся голосок:

— Иди сюда. Давай снимем эти потные тряпки.

Гордон попробовал возмутиться. Единственное, чего ему сейчас хотелось, — это свернуться калачиком, отгородиться от остального мира и, оставив страшные решения на завтра, поскорее

забыться. Однако Дэна была сильна и непоколебима. Ее пальцы бегали по его пуговицам, тянули к подушкам, пропитавшимся ее запахом.

— Я знаю, почему все пошло прахом, — приговаривала Дэна, не оставляя своего занятия. — Книга не врет. Просто женщины утратили бдительность. Они погрузились в периферийные заботы, забросив наиболее насущную проблему — мужчин. Вы прилично справлялись со своим делом — рассчитывали, конструировали, изготовляли разные предметы. Тут мужчинам нет равных. Однако любой, в ком есть хоть крупица здравого смысла, согласится, что от четверти до половины из вас — безумцы, насильники и убийцы. *Нам* надо было не спускать с вас глаз, пестовать лучших и отбраковывать выродков. — Она довольно кивнула, не усматривая в своей логике изъяна. — Это мы, женщины, оказались не на высоте и позволили произойти тому, что произошло.

— Да ты на сто процентов лишилась рассудка, Дэна! — буркнул Гордон. Он уже смекнул, куда она клонит: она предприняла очередную попытку обвести его вокруг пальца и заставить согласиться с новым сумасшедшим планом постижения победы в войне. Только на этот раз у нее ничего не выйдет.

Одной части его естества сейчас хотелось, чтобы доморощенная амазонка ушла восвояси и оставила его в покое. Однако ее запах сделал свое дело. И несмотря на то что глаза его были закрыты, Гордон знал, что ее домотканая сорочка беззвучно упала на пол и она задула свечу.

— Возможно, я и ненормальная, — сказала Дэна, — но я знаю, о чем говорю. — Она прижалась к нему. — Знаю! Это наша вина.

Прикосновение ее гладкой кожи подействовало на него как удар током. Его тело помимо воли откликнулось на близость женщины, как ни пытался он сохранить хотя бы крупицу гордости и забыться сном.

— Но мы, женщины, больше такого не допустим, — шептала Дэна. Она скользила кончиком носа по его шее и водила пальцами по плечам и груди. — Теперь мы разбираемся в мужчинах: кто из них герои, а кто ублюдки, и как разглядеть разницу. В себе мы тоже стали разбираться гораздо лучше.

Ее кожа горела огнем. Руки Гордона уже обнимали ее и принуждали растянуться рядом.

— В этот раз, — выдохнула Дэна, — все будет по-другому.

Гордон решительно закрыл ей рот поцелуем:

надо же было хоть как-то прервать поток ее красноречия.

5

— Сейчас маленький Марк продемонстрирует, что нашим новым инфракрасным прибором ночного видения может пользоваться даже ребенок. Он снабжен лазерным обнаружителем и может выхватить цель даже из кромешной тьмы.

Совет обороны долины Уилламетт восседал за длинным столом в самой большой аудитории, какая только была в университете штата Орегон, и взирал на Питера Эйга, демонстрировавшего последнее «секретное оружие», созданное в лабораториях служащими Циклопа.

Свет погас, двери затворились, и Гордон едва мог различить теперь долговязого конструктора. Зато его голос сделался подобен грому.

— В глубине зала мы посадили в клетку мышь, олицетворяющую вражеского лазутчика. Марк включает снайперский прицел... — В темноте раздался негромкий щелчок. — Он ищет мышь по тепловому излучению.

— Вижу! — раздался чистый детский голосок.

— Умница! Теперь Марк ловит зверька лазерным лучом...

— Поймал!

— ...и фиксирует луч. Наш прибор преобразует лазерные частоты, и мы все видим мышь!

Гордон впился взглядом в темноту, но так ничего и не увидел. Кто-то из зрителей хихикнул.

— Ее, видать, уже слопали, — предположил чей-то голос.

— Ага. Лучше настройтесь на кошку. — Кто-то весело мяукнул.

Как ни стучал председатель Совета своим молотком, Гордон присоединился к хохоту остальных остряков. Он бы с радостью добавил что-нибудь от себя им в тон, но его голос все хорошо знали. Он исполнял здесь слишком серьезную роль, и его шутка прозвучала бы обидно.

Внизу слева конструкторы затеяли какую-то возню, сопровождаемую перешептыванием. Потом кто-то попросил зажечь свет. Замигали лампы дневного света, и члены Совета принялись протирать глаза.

Десятилетний Марк Эйг — тот самый мальчик, которого Гордон спас от холнистов среди руин Юджина несколько месяцев тому назад, — снял с головы шлем с прибором ночного видения и сказал:

— А я видел мышь! Отлично видел. И поймал ее лазерным лучом. Только никак не переклю-

чались цвета.

Питер Эйг был смущен. Его коллеги возились с громоздким устройством.

— Вчера прибор выдержал пятьдесят испытательных включений, — объяснил он. — Наверное, забарахлил конвертор параметров. Бывает. Разумеется, это всего лишь прототип. Никто в Орегоне не пытался сделать чего-либо подобного уже лет двадцать. Прежде чем запустить его в производство, мы должны будем устранить неполадки.

Совет обороны состоял из трех групп людей. Двое мужчин и женщина, одетые так же, как Питер, в белые с черным халаты служащих Циклопа, закивали, подтверждая его слова. Остальные члены Совета не проявили такой же понятливости.

Справа от Гордона сидели двое в таких же синих форменных рубахах и кожаных куртках, как и у него. На рукавах курток красовались нашивки с орлами, взмывающими в небо с погребального костра, и надпись:

ПОЧТОВАЯ СЛУЖБА ВОЗРОЖДЕННЫХ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ

Коллеги Гордона по «почте» переглянулись; один театрально закатил глаза.

В центре стола расположились две женщины и трое мужчин, включая председателя Совета,

представлявшие территории, образовавшие союз. Это были округа, когда-то объединившиеся благодаря вере в Циклопа, затем сплоченные растущей почтовой сетью, а в последнее время сбившиеся в кучу из-за страха перед общим врагом. Одеты они были кто во что горазд, но каждый носил на рукаве повязку с яркими буквами "W" и "V", обозначавшими «Willamette Valley» ["Долина Уилламетт" (англ)]. Хромированные символы — единственное, чего в армии имелось в достатке: брошенные автомобили оказались неисчерпаемым источником.

Первым заговорил один из этих невоенных членов Совета:

— Сколько таких игрушек вы сможете поставить армии к весне?

— Ну... — Питер задумался. — Если очень постараемся, то примерно дюжину к концу марта.

— И, насколько я понимаю, для всех потребуется электричество.

— Мы сумеем изготовить переносные аккумуляторы. Комплект будет весить не больше пятидесяти фунтов.

Фермеры переглянулись. Женщина, представлявшая индейские общины Каскадных гор, выразила общую точку зрения:

— Не сомневаюсь, что эти ночные прицелы помогут отразить внезапное нападение на крупный населенный пункт. Но хотелось бы знать, на что они будут годны после того, как растает снег и эти любители отрезать части тела станут накатываться на нас волнами, сжигая наши, деревушки одну за другой? Не можем же мы загнать все население в Корваллис: спустя неделю-другую начнется повальный голод.

— Точно, — поддакнул один из фермеров. — Где же все сверхоружие, которое вы, умники, собирались сварганить? Не иначе как вы выключили Циклопа, а?

Настал черед переглядываться служащим Циклопа. Главный среди них, доктор Тайфер, протестующе повысил голос:

— Это несправедливо! У нас совершенно не было времени! Циклоп создавался для мирных целей и должен перепрограммировать сам себя с мира на войну. Даже если он разработает величественные планы, претворять их в жизнь придется обычным людям со всеми их недостатками.

Гордон не верил своим ушам: Тайфер казался не на шутку уязвленным, он защищал от нападок своего механического оракула, которого в долине по-прежнему почитали, как великого волшебни-

ка страны Оз.

Представитель северных территорий с должным уважением, но с не меньшим упорством покачал головой.

— Я вовсе не намерен критиковать Циклопа. Уверен, он выпекает идеи с максимально возможной скоростью. Просто не возьму в толк, чем ночной прицел лучше аэростата, о котором вы все время твердите, или газовых бомб и хитроумных мин-ловушек. Всего этого не хватит, чтобы переломить ход событий! Ну, наделаете вы их сотни, тысячи — от этого был бы толк, если бы вы сражались с настоящей армией, как во Вьетнаме или в Кении перед самым Светопреставлением. Но против этих бестий они бессильны!

Гордон хранил молчание, но мысленно соглашался с выступающим. Доктор Тайфер опустил глаза. После шестнадцати лет мирного, добродушного умничанья и снабжения местных фермеров некоторым количеством отремонтированных диковин из XX века, отчего те пребывали в состоянии завороженности, от него и его специалистов требовали теперь настоящих чудес. Ремонта игрушек и ветряков будет отныне недостаточно, чтобы производить впечатление на требовательную публику.

Мужчина, сидевший справа от Гордона, — Эрик Стивенс, дед юного Джонни Стивенса, — заерзал на месте. На старике была та же форма, что и на Гордоне; он представлял верховья реки Уилламетт, где несколько городков к югу от Юджина недавно присоединились к союзу.

— Давайте смотреть правде в глаза, — призвал Стивенс. — Штучки Циклопа иногда приносят пользу. И без того укрепленные позиции станут благодаря им еще надежнее. Однако все мы, кажется, согласны с тем, что для противника они будут всего лишь досадной помехой. Гордон предупреждает, что нам нечего в ближайшее время надеяться на помощь цивилизованного востока. Пройдет лет десять, а то и больше, прежде чем Возрожденные Соединенные Штаты сумеют продемонстрировать здесь свою мощь. Нам придется держаться все это время, дожидаясь восстановления контакта с остальной страной.

Старик оглядел слушателей.

— И выход у нас один: драться! — Он ударил кулаком по столу. — Все возвращается на круги своя: исход будет зависеть от настоящих мужчин.

За столом согласно закивали головами. Однако Гордон не забывал про Дэну: сидя в одном из

передних рядов, она ждала своей очереди обратиться к Совету. Дэна возмущенно покачала головой, и ее мысли не представляли для Гордона тайны.

«Не только от мужчин...» — думала она. На высокой девушке была форма служащей Циклопа, однако Гордон знал, чему она предана на самом деле. Рядом с ней сидели ее ученицы: женщины-скауты в куртках из оленьей кожи, такие же эксцентричные особы, как и их предводительница.

До сих пор Совет отвергал их предложения. Девушкам еле-еле позволили вступать в армию. На и то благодаря остаточному уважению к старомодному феминизму, не покинувшему цивилизованную долину.

Но сегодня над столом витало отчаяние. Новости, доставленные Джонни Стивенсом с юга, оказались ударом под дых. Совсем скоро, когда окончатся снегопады и снова зарядят теплые дожди, члены Совета дозреют до того, чтобы ухватиться за любой план, пусть и совершенно безумный.

Гордон решился выступить, пока дело не приняло совсем уж скверный оборот. Стоило ему поднять руку, как председатель поспешил предо-

ставить ему слово.

— Убежден, что Совет благодарен Циклопу и обслуживающим его ученым за их неустанный труд. — Присутствующие согласно закивали, Тайфер и Питер Эйг опустили глаза. — Впереди еще шесть-восемь недель благоприятствующей нам холодной погоды, после чего противник возобновит активные действия. Судя по докладам комитетов по военной подготовке и по организации, нас ждет немало дел.

Действительно, утренний перечень невзгод начался с доклада Филиппа Бокуто. Гордон вздохнул и продолжил:

— Когда прошлым летом холнисты пошли в наступление, я предупреждал, что на помощь остальной страны надеяться нечего. Создание почтовой связи, которым я занимаюсь при вашем содействии, — это только первый шаг в длительном процессе объединения континента. Еще много лет Орегон останется в одиночестве.

Он научился говорить неправду, произнося слова, каждое из которых являлось неопровержимой истиной. Он достиг в этом деле мастерства, однако гордиться этим было трудно.

— Не стану ходить вокруг да около. То, что из района Розберга нам прислали столь скудную

помощь, для нас чувствительный удар. У южан есть опыт, к тому же там появились подлинные лидеры, которых так недостает нам. Мое мнение: необходимо все же убедить их оказать нам помощь — вот самая главная наша задача. — Он перевел дух. — Я сам отправлюсь на юг и попытаюсь заставить их передумать.

Эти слова вызвали мгновенный и бурный отклик.

— Это сумасшествие, Гордон? Вы не можете!.. Вы нужны нам здесь!

Он закрыл глаза. За четыре месяца ему удалось сколотить союз, способный отразить натиск врага. Инструментом ему служил при этом талант рассказчика, лицедея, лжеца...

Однако он не питал иллюзий, будто стал настоящим лидером. Армию Уилламетта удерживал в боеспособном состоянии его образ, его легендарный авторитет «инспектора», олицетворяющего национальное возрождение.

«Страна, от которой осталась единственная трепещущая искорка... Скоро и она нарочно погаснет, если что-то не предпринять, и без промедлениям Не могу я вести за собой этих людей: им нужен полководец, воин!»

Им подавай человека под стать Джорджу Па-

ухатану.

Он поднял руку, призывая всех к тишине.

— И все-таки иного выхода у нас нет. Прошу вас пообещать мне, что в мое отсутствие вы не согласитесь ни на какие безумные авантюры.

Он в упор посмотрел на Дэну. Она не отвела взгляд, но губы ее были плотно сжаты. Мгновение спустя ее глаза затуманились, и она отвернулась.

Что ее беспокоит больше — его судьба или участь ее плана?

— Я вернусь до наступления весны, — пообещал он. — С подкреплением. — И добавил так, что его никто не расслышал: — Или умру.

6

На подготовку ушло три дня. Все это время Гордон нервничал и рвался в дорогу.

Однако назревала настоящая экспедиция: Совет настоял, чтобы Бокуто и еще четверо сопровождали Гордона по крайней мере до Коттедж-Гроув. Джонни Стивенс и один из добровольцев-южан поскакали вперед, чтобы разведать дорогу; кроме того, о приезде инспектора положено оповещать заблаговременно.

Гордон относился ко всей этой суете с нескрываемым презрением. Ему достаточно было бы провести с Джонни какой-то час над картой. Быстроногий конь и вьючная лошадь стали бы не меньшей гарантией его невредимости, чем целый эскадрон охраны.

Особенно ему было не по душе то, что с ним отправляется Бокуто, который так необходим здесь. Но переубедить Совет не удалось. Вопрос стоял однозначно: либо согласиться на условия Совета, либо вообще отменить поездку.

Отряд вышел из Корваллиса ранним утром. От лошадей валил пар, когда они скакали рысью мимо бывшего спортивного городка университе-

та. Там, несмотря на колючий холод, занимались шагистикой новобранцы. Хотя все они были закутаны с ног до головы, поющие голоса свидетельствовали: готовился свежий набор в гвардию Дэны.

Если мой жених рыгает,
Курит, пьет, хамит, икает,
Лучше замуж не ходить,
Лучше замуж не ходить.
Чем всю жизнь с невежей драться,
Лучше в девушках остаться.
Нет уж, замуж не пойду,
Нет уж, замуж не пойду.

Войско стояло по стойке «смирно», когда всадники проследовали мимо. Выражения лица Дэны Гордон не мог разглядеть на таком расстоянии, но все равно почувствовал ее пристальный взгляд.

Прощание их происходило бурно. Гордон не был уверен, что даже в довоенной Америке, с ее тогдашним бесконечным разнообразием в отношениях полов, смогли бы подобрать определение для их связи. Он испытывал облегчение, расставаясь с Дэной, однако знал, что ему будет ее недоставать.

Слушая распевающие бравурную песенку девичьи голоса, Гордон почувствовал, как у него сжимается горло. Он попытался прогнать это чувство, убеждая себя, что последовательницы Дэны все же беззаветно храбрые бойцы, однако страх за девушек так и остался при нем.

Отряд мчался мимо цепенеющих в снегу садов, чтобы до заката достичь Рауленда. Фронт проходил совсем рядом — всего в дне пути от хрупкого оплота псевдоцивилизации. Дальше раскинулась страна беззакония.

В Рауленде их попотчевали новыми слухами: группа холнистов якобы уже основала свое герцогство на руинах Юджина. Беженцы рассказывали о бандах варваров в белых маскировочных халатах, никому не дающих спуску, сжигающих жилища, уносящих еду, угоняющих в рабство и мужчин, и женщин.

Юджин действительно представлял собой проблему: ведь отряду предстояло проскочить мимо его развалин.

Осторожный Бокуто настоял на кружном пути. Гордон хмурился и не открывал рта, пока они три дня ковыляли по обледеневшему асфальту сперва на восток к Спрингфилду, потом снова на юг, чтобы в конце концов оказаться возле укреп-

ленного Коттедж-Гроув.

Несколько городков к югу от Юджина лишь недавно объединились с более зажиточными северными общинами. И вот теперь захватчики почти что отрезали их от севера.

Мысленно представляя себе весь Орегон, Гордон причислил две трети его территории, лежащие на востоке, к диким землям: здесь простирались бесплодные высокогорья, поля застывшей лавы, здесь тянулись к небу вершины Каскадных гор.

На западе пролегала омываемая серыми волнами Тихого океана и частыми дождями полоса побережья.

Северная и южная оконечности штата также были практически недосягаемы: на севере долина реки Колумбии так и не оправилась от взрывов бомб, которые смели с лица земли Портленд и прорвали дамбы на реке. На юге на сотню миль протянулось гористое ущелье, по дну которого протекала река Рог. Дальше лежала неведомая Калифорния.

Даже в более счастливые времена территория вокруг Мэдфорда считалась враждебной. Еще до Светопреставления поговаривали, что в долине Рог-Ривер наберется больше тайников с припрятанными пулеметами, чем где бы то ни было за

пределами флоридских болот.

Шестнадцать лет назад, когда власти еще пытались сохранить управление штатом, чума «мастеров выживания» нанесла решающий удар, сокрушив цивилизованный мир. В южном Орегоне последователи Натана Холка свирепствовали как нигде. Судьба, постигшая злополучных обитателей этих мест, так и осталась неизвестной.

Между пустыней и океаном, радиацией и безумными холнистами цеплялись за жизнь две горстки людей, не околевшие в Трехлетнюю зиму и пока еще не соскребающие с себя грязь, как дикие звери... Одна из них удерживалась на севере, в долине Уилламетт, другая — на юге, в районе Розберга. В самом начале казалось, что южане обречены на рабство или даже худшую участь, ибо их неминуемо поработят новые варвары.

Но потом где-то в междуречье Ампкуа и Рог случилось непредвиденное: заразе был поставлен заслон, враг остановлен. Гордону больше всего на свете хотелось разобраться, как это получилось, прежде чем смертельная болезнь поразит незащищенную долину Уилламетт.

На карте штата, существовавшей в голове у Гордона, отвратительный красный язык тянулся

от плацдарма врага в Юджине на запад. Поэтому Коттедж-Гроув и оказался почти отрезан от союзников.

Уже в миле от города стало ясно, как плохо обстоят там дела. Вдоль дороги висели шесть трупов, распятые на накренившихся телеграфных столбах. Варвары оставили на телах уродливые отметины.

— Снимите их, — приказал Гордон. Сердце его колотилось, во рту пересохло. Именно на такую реакцию и рассчитывал враг, преследовавший цель запугать путника. По всей видимости, жители Коттедж-Гроув даже не патрулировали ближайшие окрестности своего города. По углам новых укреплений вдоль восточной границы стояли сторожевые башни. Все постройки, остававшиеся за пределами укреплений, были снесены, благодаря чему образовалась широкая простреливаемая полоса.

Из-за беженцев население городка выросло втрое, причем большая их часть ютилась в переполненных хибарах сразу за главными воротами. Дети, уцепившись за юбки изможденных женщин, глазели на всадников, явившихся с севера. Мужчины держались кучками, грея руки над кострами. Дым смешивался с испарениями

немытых тел, и вокруг стоял весьма неприятный запах.

Некоторые мужчины выглядели подозрительно. Гордон не сомневался, что многие из них — холнистские лазутчики, только прикидывающиеся беженцами. Такое неоднократно случалось и прежде.

Приезжих ждали дурные вести. В городском совете им сообщили, что мэр Питер Ван Клик погиб, угодив всего несколько дней тому назад в засаду вместе с отрядом, который он повел на выручку осажденному союзному поселению. Утрата была невосполнимой, и Гордон совсем пал духом. Теперь он понимал, почему на промерзших улицах городка царит тревожное безмолвие.

Вечером в отблеске факелов на запруженной людьми площади он произнес вдохновенную речь. Впрочем, толпа аплодировала вяло. Его дважды сбивал с мысли треск ружейной перестрелки, доносившийся из-за стен, с лесистых холмов.

— После того как растает снег, они продержатся не больше двух месяцев, — шепотом поделился с ним своими опасениями Бокуто на следующий день, когда они покинули Коттедж-Гроув. — А то и двух недель, если проклятые холнисты под-

нажмут.

Ответа от Гордона не требовалось. Городок был как бы чекой гранаты для северного союза. Стоит сорвать эту чеку — и ничто не сможет предотвратить взрыва: враг повернет на север, проникнет в сердце долины, и тогда Корваллису не устоять.

Ответа от Гордона не требовалось. Городок был как бы чекой гранаты для северного союза. Стоит сорвать эту чеку — и ничто не сможет предотвратить взрыва: враг повернет на север, проникнет в сердце долины, и тогда Корваллису не устоять.

К югу от брошенного населением городка под названием Лондон они отклонились в сторону от сузившегося речного русла. Дальше шла необитаемая территория, где вехами были только развалины ферм и заправочных станций.

До сих пор путники хранили молчание. Однако теперь они могли перевести дух, ибо даже осмотрительный Филипп Бокуто не сомневался, что они оставили позади холнистские разъезды. Теперь можно разговаривать, а значит, и смеяться.

Всем им было за тридцать, поэтому они затеяли игру «Угадай-ка», а потом принялись травить старые анекдоты, в которых новое поколение не обнаружило бы ни малейшего смысла, и беззлобно препираться из-за полузабытых спортивных

интриг. Гордон едва не вывалился из седла от смеха, когда Аарон Шиммель забубнил в нос, подражая знаменитым телевизионным ведущим 90-х годов.

— Поразительно, как много подробностей из нашей юности держит про запас память, — поделился он с Бокуто. — А ведь всегда считалось, что это один из признаков старения — способность с большей легкостью припомнить события двадцатилетней давности, нежели совсем свежие.

— Вот-вот, — согласился Бокуто и старческим голосом сварливо осведомился: — Так о чем это мы сейчас говорили?

Гордон приложил ладонь к уху.

— Ась? Ни слова не разберу. А все былая привычка слушать рок-н-ролл.

Всадники уже привыкли к злым порывам утреннего ветра и негромкому топоту лошадиных копыт по поросшему травой шоссе. Земля вокруг успела покрыться растительностью, в леса вернулись олени, однако человек еще не скоро возвратится сюда и вдохнет жизнь в брошенные селения.

Оставив позади извилистые притоки Уилламетт, отряд преодолел гряду холмов и спустя день очутился на берегу новой реки.

— Ампкуа, — сказал проводник.

Северяне остановили коней. Этот ледяной поток несся не в мирную Уилламетт, которая в свою очередь впадала в великую Колумбию. Нет, эти бурные воды устремлялись прямиком на запад, к океану.

— Добро пожаловать в солнечный Южный Орегон, — провозгласил присмиревший Бокуто.

Небо здесь было почти безоблачным, даже деревья казались более раскидистыми и дикими, чем на севере.

Впечатление дикой суровости подтвердилось, когда им стали попадаться небольшие укрепленные селения. Молчаливые мужчины, сузив глаза, издали наблюдали за отрядом и пропускали его дальше, не окликая. Об экспедиции они знали заранее, и было ясно, что хотя здешний люд ничего не имеет против почтальонов, однако относится с подозрением к любым чувакам.

На ночлег остановились в деревушке Сатерлин, и Гордон поближе познакомился с местным образом жизни. Дома здесь были просторные и пустые, без удобств, еще сохранившихся на севере. Почти никто не избежал отметин, оставленных болезнями, недоеданием, непосильным трудом и войной.

Пусть местные жители и не позволяли себе непочтительных замечаний, все равно было нетрудно догадаться, что они думают о пришельцах с Уилламетта.

Маменькины сынки!

Вожаки держались предупредительно, однако не умели скрыть подлинного отношения: если холнисты уходят с юга, то зачем нам вмешиваться?

Спустя день Гордон встретился в торговом центре Розберга с комитетом лидеров окрестных селений. Из прошитых пулями окон открывался вид, напоминающий о наихудших моментах семнадцатилетней войны с варварами с Рог-Ривер. Полоса сплошных разрушений указывала на рубеж, где почти десятилетие назад был остановлен, а затем и отброшен враг, устремившийся было в глубокий прорыв. С тех пор дикие «мастера выживания» ни разу не забирались так далеко. Гордон чувствовал, что место встречи выбрано со значением.

Здесь царили совсем другие настроения, преобладал совсем другой тип людей. Никто не проявил любопытства к легендарному Циклопу и к неуверенному возрождению технологий. Даже весть о государстве, восстающем из пепла далеко

на востоке, почти не вызвала интереса. Не то чтобы эти рассказы встречались с недоверием — просто людей из Глайда, Уинстона и Лукингласса все это мало заботило.

— Мы напрасно теряем время, — вспылил Бокуто. — Эта деревенщина слишком давно воюет, поэтому думать забыла о чем-то, кроме каждодневного выживания.

Гордон же не исключал, что в этом как раз и заключается преимущество местных молчунов.

Впрочем, Филипп оказался прав: суждения всяческих боссов, мэров, шерифов и иже с ними мало что значили. Они кичились своей независимостью, однако было совершенно очевидно, что в этих местах имеет вес слово только одного человека.

Через два дня с запада прискакал на взмыленном коне Джонни Стивенс. Ни на кого не глядя, он спешился и, задыхаясь, бросился к Гордону. Сообщение, которое он принес на этот раз, уложилось в одно слово: «Приезжайте».

Джордж Паухатан дал согласие выслушать их просьбу.

7

Горы Каллахан, взметнувшиеся в семидесяти милях от океана, отделяли долину Камас от Розберга. У подножия их вился, устремляясь на запад, главный рукав речки Кокилл; пробежав под несколькими разрушенными мостами, он сливался с еще двумя рукавами близ горы, носящей название Сахарная Голова.

На севере долины выросли изгороди, разделяющие припорошенные сейчас снегом пастбища. Над укрепленными поселениями, вскарабкавшимися на холмы, тянулись к небу дымки. На южном берегу реки — лишь затянутые колючим кустарником развалины.

Броды через реку оказались неохраняемы. Это удивило путешественников, поскольку именно в этой долине армии холнистов было оказано самое ожесточенное сопротивление и нанесен сокрушительный удар.

Кэлвин Льюис — темноглазый молодой человек с растрепанными волосами — пустился в объяснения. Он служил проводником Джонни Стивенсу с тех пор, как тот впервые попал в Южный Орегон. Рассказывая, он указывал рукой то

влево, то вправо.

— Укрепления не могут служить охраной реки, — втолковывал он слушателям низким, неторопливым голосом. — Мы обороняем северный берег, то и дело переправляясь на противоположную сторону и отлично зная, что там творится.

Филипп Бокуто согласно кивал. Он поступил бы точно так же. Джонни Стивенс отмалчивался, поскольку слышал все это уже не в первый раз.

Гордон осматривал деревья, стараясь обнаружить среди ветвей наблюдателей. Он не сомневался, что наблюдательные посты есть у обеих сторон, и обе знают о продвижении экспедиции. Иногда он замечал какое-то движение или отблеск стекол бинокля, однако людей так и не увидел. Здешние вояки смогли бы дать фору любому в армии Уилламетта, исключая разве что самого Фила Бокуто.

На юге воевали не армии, здесь не практиковали кампаний, осад и стратегических бросков. Скорее эта война напоминала боевые действия индейских племен, когда победу приносит стремительный кровавый рейд, позволяющий добыть побольше скальпов.

«Мастера выживания» освоили эту тактику в совершенстве. Не привыкшие к подобным дей-

ствиям жители долины Уилламетт станут для них легкой добычей.

Однако здешние фермеры все же сумели остановить бандитов. Гордон не считал приличным для себя вслух оценивать способы защиты южан и предоставил Бокуто засыпать проводника вопросами. Гордон знал, что подобное умение приобретается в течение целой жизни. Он находился здесь с единственной целью: не приобретать опыт, а убеждать.

Со старой дороги, вьющейся по склону горы Сахарная Голова, открывался захватывающий вид на сливающиеся в единый поток рукава реки Кокилл. Засыпанные снегом сосновые леса выглядели так, словно там никогда не ступала нога человека; начинало казаться, что ужасы последних семнадцати зим имели значение лишь для каких-то мелких созданий, чья возня никак не влияет на участь планеты.

— Иногда эти мерзавцы пытаются просочиться к нам, используя большие каноэ, — продолжал Кэл Льюис. — Южный рукав тянется сюда от самой Рог-Ривер, и стремнина в месте слияния с остальными рукавами — будь здоров. — Молодой человек усмехнулся. — Впрочем, Джордж неизменно знает, что нам грозит, и встречает их

в полной боевой готовности.

Упоминание о вожде селений, разбросанных в долине Камас, как всегда, прозвучало восхищенно и одновременно трепетно. Уж не употребляет ли-он на завтрак устриц? Не поражает ли неприятеля ударами молний? Гордон такого наслушался про Джорджа Паухатана, что был готов поверить любым небылицам.

Бокуто, раздув ноздри, натянул поводья и остановил Гордона движением руки. Автомат бывшего морского пехотинца был нацелен в сторону предполагаемого врага.

— В чем дело, Фил? — Гордон взял наизготовку карабин, озирая лесистый склон. Кони храпели, топтались на месте, им передалось волнение седоков.

— Это... — Бокуто принюхался. Его глаза недоверчиво сузились. — Чую медвежье сало.

Кал Льюис посмотрел на верхушки деревьев за дорогой и улыбнулся. Из-за выступа скалы раздался низкий, хриплый смех.

— Отлично, дружище! У тебя острый нюх!

Перед изумленным Гордоном и его спутниками выросла на фоне елей сутулая фигура, озаряемая полуденным солнцем. Гордон похолодел, затрудняясь определить, обычный фермер перед ним

или знаменитый Саскуатч — Снежный Человек Северо-Запада.

Потом фигура сделала шаг вперед, и все увидели костлявое лицо мужчины средних лет с перехваченными расшитой лентой длинными волосами. Короткие рукава домотканой рубахи оставляли открытыми могучие бицепсы. Холод не был для этого силача помехой.

— Я — Джордж Паухатан, — с улыбкой сообщил он. — Добро пожаловать на гору Сахарная Голова, джентльмены.

Гордон судорожно сглотнул. Голос силача соответствовал его внешности: он звучал так властно, что ни о каком притворстве здесь не могло идти и речи. Паухатан раскинул в стороны ручищи.

— Сюда, востроносый! И вы, обладатели чудной формы! Что, попахивает медвежьим салом? Тогда прошу ко мне в гости! Сейчас увидите, какая это чудесная вещь!

Пришельцы успокоились и опустили стволы, обезоруженные его искренним смехом.

«Какой там Снежный Человек! — подумалось Гордону. — Радушный горец, и ничего больше». Похлопывая по шее своего всхрапывающего коня, он думал о том, что и сам, похоже, испугался медвежьего духа.

8

Владыка Сахарной Головы пользовался медвежьим салом в кувшинах для предсказания погоды, усовершенствовав народный метод с помощью собственных наблюдений. Он также разводил высокоудойных коров и овец, дающих большой настриг шерсти. Его теплицы, обогреваемые путем сжигания метана, получаемого методом разложения биомассы, круглый год, даже в суровую зиму, полнились свежими овощами.

С особой гордостью Джордж Паухатан демонстрировал свою пивоварню: его пиво считалось непревзойденным в четырех округах.

На стенах жилища, расположенного в центре поселения, висели тканые коврики и детские рисунки. Гордон ожидал увидеть здесь оружие и воинские трофеи, однако не обнаружил ничего похожего. Стоило гостю оказаться внутри высокой ограды, укрепленной земляной насыпью, как он получал редкую возможность напрочь забыть о нескончаемой войне.

В первый день Паухатан даже отказывался говорить о делах. Вместо этого он таскал гостей по

селению, а также лично наблюдал за приготовлениями к празднеству в их честь. Ближе к вечеру, когда прибывшие разошлись по своим комнатам отдыхать, хозяин куда-то пропал.

— Кажется, он удалился в западном направлении, — ответил Бокуто на недоуменный вопрос Гордона. — Туда, где у него ложный пост.

Поблагодарив друга, Гордон устремился туда же по усыпанной гравием дорожке, петляющей среди деревьев. Час за часом Паухатан виртуозно избегал любых серьезных разговоров, отвлекая внимание гостей разными диковинами и не уставая черпать из своего неистощимого запаса сельской премудрости все новые.

Гордон опасался, что и вечером, при большом стечении желающих поглазеть на «инспектора», разговора не получится. Он, разумеется, знал, что не стоит проявлять нетерпение. Однако ему осточертели толпы. Он хотел поговорить с Джорджем Паухатаном наедине.

Гордон выследил его на крутом утесе, под которым кипела вода сразу трех рукавов реки, сливающихся воедино. На западе золотился прибрежный хребет, приобретавший с закатом темно-оранжевый оттенок. Тучи над ним горели сейчас всеми цветами осенней листвы.

Джордж Паухатан сидел в позе лотоса на простой тростниковой циновке, положив руки на колени ладонями кверху. Выражение его лица напомнило Гордону сравнение, бытовавшее до войны, — «улыбка Будды».

«Ну и сюрприз! — мелькнуло у него в голове. — Последний неохиппи! Кто бы мог подумать?»

Из-под безрукавки горца виднелась побледневшая татуировка на мускулистом плече — могучий кулак с оттопыренным пальцем, на котором примостилась голубка. Ниже читалась надпись: «AIRBORNE» ["Воздушный десант" (англ.)].

Кажущееся противоречие внешности и татуировки не особенно удивило Гордона. Не стало для него неожиданностью и умиротворенное выражение лица Паухатана. Все почему-то казалось соответствующим одно другому.

Гордон знал, что кодекс вежливости не требует, чтобы он удалился; главное — не мешать медитации. Он не спеша расчистил для себя местечко в нескольких футах справа от Паухатана и тоже опустился на землю, повернувшись лицом в ту же сторону. Гордон даже не попытался принять позу лотоса — он не практиковался в этом искусстве с семнадцатилетнего возраста. Он лишь уселся с прямой спиной и попытался прогнать любые

мысли, чтобы наслаждаться сменой цветов заката, глядя в направлении невидимого океана.

Сперва он мог думать лишь об одном: до чего ему неудобно сидеть, а также о том, как болит его тело после беспрерывной тряски в седле и ночевок на жестких камнях. Стоило солнцу спрятаться за грядой гор на западе, как его принялся терзать колючий ледяной ветер. Мозг Гордона превратился в растревоженный муравейник звуков, забот, воспоминаний...

Однако совсем скоро без всяких усилий с его стороны веки налились свинцом, опустились и так застыли, более неспособные к движению — ни смежиться окончательно, ни подняться.

Если бы он не понимал, что с ним творится, впору было бы запаниковать. Однако он узнал это ощущение — легкий транс, сопровождающий медитацию. «Ну и черт с ним», — подумал он и не стал бороться с собой.

Уж не поступил ли он так, вознамерившись соперничать с Паухатаном? Как бы тот не вообразил, что остался единственным сыном Ренессанса, сохранившим сладостные воспоминания...

Или дело всего лишь в усталости и неописуемой красоте заката?

Гордон чувствовал внутри небывалую пустоту,

словно оба легких закупорились, причем уже давно. Он попытался вздохнуть поглубже, но ритм его дыхания ни на йоту не изменился, словно телу была ведома мудрость, недоступная рассудку. Покой, разлившийся по его лицу, застывшему на холодном ветру, заструился вниз, прикасаясь к горлу, словно нежные женские пальчики, пробежал по неподвижным плечам, массируя его мышцы — и так до тех пор, пока они сами собой не расслабились.

«Краски...» — думал он, не видя ничего, кроме неба. Удары сердца легонько сотрясали все тело.

С тех пор как он в последний раз сидел вот так, отрешившись от всего, минула целая вечность. Или просто у него в душе накопилось слишком много лишнего, такого, от чего необходимо избавиться?

«Они меняются...»

Наступил момент облегчения, какого он ни за что бы не достиг, если бы сознательно, усилием воли стремился к нему. Ощущение «закупорки» легких пропало, он снова мог дышать. Затхлый воздух вылетел вон, унесенный западным ветром. Дыхание сделалось необыкновенно сладким.

«Краски меняются...»

Слева от него послышался шорох. Спокойный

голос произнес:

— Раньше я спрашивал себя, уж не являются ли эти закаты последним даром Господним, подобно радуге, подаренной им Ною, только на сей раз с иным смыслом, как бы в знак прощания со всеми нами...

Он ничего не ответил Паухатану: в этом не было необходимости.

— Но после многолетних наблюдений за сменой красок я догадался, что атмосфера постепенно становится чище. Закаты теперь уже не те, какими они были сразу после войны.

Гордон кивнул. Почему прибрежные жители воображают, будто обладают монополией на закаты? Он вспомнил закаты в прериях, сразу после Трехлетней зимы, когда небеса впервые расчистились, выпустив на свободу солнце. Тогда ему показалось, будто небеса распахнули перед землянами всю свою убийственную по яркости палитру.

Даже не заботясь о том, чтобы проверить свое ощущение, Гордон знал, что Паухатан ни разу не пошевелился. Он сидел, не меняя позы, и блаженно улыбался.

— Однажды, — молвил седовласый мудрец, — лет, наверное, десять тому назад, я сидел здесь

же, в этой же позе, оправляясь от недавно полученной раны и любуясь закатом; внезапно я заметил что-то или кого-то, какое-то скольжение внизу на реке. Сперва я решил, что это люди. Я тотчас вышел из медитации и наклонился над пропастью, стараясь разглядеть получше. И тут, несмотря на высоту, что-то подсказало мне, что это не враги. Тогда я подобрался на несколько сот метров ближе и поднял маленький бинокль, который всегда при мне.

То были совсем даже не люди! Представьте себе мое удивление, когда я увидел их на берегу реки, держащихся за руки и помогающих друг дружке карабкаться на камни; самка что-то верещала, таща в руках какой-то сверток...

Господи, да это же пара шимпанзе! Или один шимпанзе, а с ним обезьяна помельче, может, даже не человекообразная. Они пропали в чаще, прежде чем я сумел как следует их разглядеть.

В первый раз за целых десять минут Гордон моргнул. Вся картина представилась ему так явственно, будто он наблюдал ее через плечо Паухатана.

«Зачем он рассказывает мне все это?»

Паухатан продолжал:

— ...их, наверное, выпустили из Портлендского

зоопарка вместе с леопардами, которые теперь совсем одичали в Каскадных горах. Простейшее объяснение состояло в том, что они год за годом продвигались на юг, отыскивая себе пропитание, скрываясь от любопытных глаз и помогая друг дружке, надеясь добраться до более теплых краев.

Потом я понял и другое: ведь они идут вдоль южного рукава Кокилла, прямиком на территорию холнистов!

Что я мог предпринять? Я подумывал, не пуститься ли за ними следом, чтобы поймать их или хотя бы заставить изменить маршрут. Однако потом усомнился, смогу ли я им действительно помочь. Скорее всего, я бы просто спугнул их. Кроме того, раз уж они сумели забраться так далеко, то нужен ли я им со своим участием? Прежде они сидели в клетке, теперь же оказались на воле. Разумеется, я не был настолько глуп, чтобы вообразить, будто они стали счастливее, но по крайней мере они не зависели больше от чужой воли.

Голос Паухатана зазвучал приглушенно.

— Это уже немало...

Последовала новая пауза.

— Словом, я дал им уйти, — закончил он. — С

тех пор я частенько, сидя здесь на закате, гадаю, какая судьба их постигла.

Веки Гордона уже давно смежились. Воцарилась тишина. Он глубоко дышал, стараясь избавиться от навалившейся тяжести. Паухатан хотел что-то донести до него своим необычным рассказом. Гордон, в свою очередь, тоже имел, что ответить...

— Долг человека — прийти на помощь другому, и это вовсе не то же самое, что зависеть от чужой воли...

Гордон осекся, почувствовав какую-то перемену. Его глаза открылись, и, повернувшись, он обнаружил, что Паухатана и след простыл.

* * *

В тот вечер для встречи с ним собралось больше людей, чем, казалось, вообще насчитывалось в этой малолюдной долине. Ради заезжего почтальона и его свиты жители устроили нечто вроде фольклорного фестиваля. Дети распевали песенки, команды взрослых соревновались в ловкости.

В отличие от севера Орегона, где в народные песни превратились бывшие шлягеры, звучавшие когда-то по телевизору и радио, здесь не

возобладала увлеченность рекламным мотивчикам, а немногие рок-н-ролльные мелодии исполнялись все больше на банджо и акустической гитаре. В музыке взяли верх прежние традиции.

Бородатые мужчины, женщины в длинных платьях, прислуживающие у стола, пение при свете костров и масляных ламп — все это вполне могло происходить две сотни лет назад, когда в долине впервые поселились бледнолицые, нуждавшиеся в обществе друг друга в зимнюю стужу.

В соревновании певцов честь северян защищал Джонни Стивенс. Он притащил свою драгоценную гитару и заворожил слушателей своим музыкальным дарованием, заставив их хлопать и топать ногами ему в такт.

Все это было прекрасным развлечением, и Гордон с радостью присоединился бы к остальным, предложив кое-что из своего прежнего репертуара, когда он еще не заделался «почтальоном», а был просто бродячим менестрелем, менявшим песни и байки на еду и преодолевшим таким способом половину континента.

Однако накануне отъезда из Корваллиса он ночь напролет слушал Дебюсси и джаз и сейчас не мог отделаться от беспокойства, что ему

никогда больше не доведется услышать этих волшебных звуков...

Гордон догадывался, чего пытается добиться Джордж Паухатан, устроив этот чудесный праздник. Он откладывал решающую беседу, преднамеренно томил, пришельцев из долины Уилламетт, а сам тем временем изучал их.

Впечатление о горце, сложившееся у Гордона на вершине утеса, не изменилось с тех пор. Длинные локоны и безграничное добродушие только укрепляли его мнение о Паухатане как о стареющем воплощении типичного неохиппи. Набравшее силу в 90-х годах и давно уже почившее движение вполне соответствовало стилю лидерства, который практиковал здешний предводитель.

К примеру, все в долине Камас были на первый взгляд равны и независимы. Однако стоило Джорджу засмеяться, как его смех мгновенно подхватывали остальные. Это получалось как бы само собой. Он не командовал, не отдавал распоряжений. Никому как будто и в голову не приходило, что может возникнуть необходимость в принуждении. Вокруг просто не происходило ничего такого, что вынудило бы его приподнять хотя бы бровь в знак недовольства.

В том, что именовалось бы прежде «пластическим» искусством и навыками, то есть не требовало работы по металлу и применения электричества, здешние умельцы нисколько не отстали от мастерок долины Уилламетт, а в чем-то даже превзошли их. Поэтому, несомненно, Паухатану и хотелось продемонстрировать гостям свою ферму: там было ясно видно, что об отсталости в его владениях не может идти и речи, просто люди восстанавливают цивилизацию ровно в той мере, в какой им хочется. Часть плана, вынашиваемого Гордоном, в том и заключалась, чтобы доказать Паухатану, насколько тот заблуждается.

Когда наступил момент извлечь из мешков «дары Циклопа», Гордон воодушевился. Люди с широко раскрытыми глазами наблюдали за компьютерной мультипликацией на цветных дисплеях, любовно восстановленных кудесниками Корваллиса. Гордон побаловал зрителей видео-шоу с участием динозавра и робота. Яркие персонажи и смешные звуки скоро вызвали у всех хохот, причем взрослые не отставали в веселье от детворы.

И все же Гордон подмечал в их настроении нечто, склонявшее его к унынию. Пусть зрители

аплодировали и смеялись, однако они делали это, всего лишь отдавая должное забавному трюку. Показ компьютерных игр должен был возбудить в них аппетит, желание опять сделаться хозяевами высокой технологии. Однако Гордон не замечал в их взорах алчного огня и с каждой минутой утрачивал надежду, что в них снова возродится тяга к чудесам техники.

Несколько мужчин, правда, встрепенулись, когда настала очередь Филиппа Бокуто. Чернокожий десантник извлек им на радость из кожаного чемодана образцы нового оружия. Он демонстрировал газовые гранаты и мины и объяснял, как применять их, защищая позиции от атакующих. Он расписывал прелести прицелов ночного видения, которые совсем скоро начнут выпускать в мастерских Циклопа. По рядам зрителей пробежала волна неуверенности — в основном это были украшенные шрамами ветераны многолетней войны со страшным врагом. Пока Бокуто разглагольствовал, все косились на мощную фигуру в углу.

Паухатан не сказал и не сделал ничего определенного. Оставаясь воплощением вежливости, он всего раз зевнул, предусмотрительно прикрыв рот. При появлении каждого нового образца он

снисходительно улыбался, и Гордон с ужасом наблюдал, как, пользуясь столь умеренными средствами, он вразумляет своих подопечных, намекая им, что все эти подарки оригинальны, даже занятны, но не имеют ни малейшего отношения к их подлинным заботам.

Вот негодяй! Гордон терялся в догадках, как его сломить. Совсем скоро улыбкой Паухатана улыбались все присутствующие, и Гордон понял, что настало время прибегнуть к последнему средству.

Дэна пристала к нему перед отъездом как репей, уговаривая захватить отобранные лично ею подарки: иглы, нитки, бесщелочное мыло, образцы нового, состоящего наполовину из хлопчатобумажной ткани нижнего белья, которое начали производить в Сейлеме как раз перед вторжением...

«Это покорит женщин, Гордон! От этого будет гораздо больше толку, чем от твоих побрякушек, поверь!»

Однако последняя его уступка Дэне привела к тому, что он вынужден был оплакивать под заснеженным кедром несчастную хрупкую девушку, остывающую у него на руках. Он успел досыта наесться псевдофеминизма в исполнении Дэны.

Правда, еще неизвестно, что хуже. Уж не поторопился ли он? Возможно, было бы полезно прихватить какие-нибудь банальные вещицы — зубной порошок, гигиенические салфетки, посуду, постельное белье...

Он покачал головой: плотина была слишком крепка, чтобы ее прорвал такой хилый ручеек. Жестом приказав Бокуто убрать бесполезные приманки, он решил воспользоваться третьим козырем в колоде и передал Джонни Стивенсу седельную сумку.

По толпе пробежал ропот. Гордон и Паухатан сверлили друг друга глазами, пока Джонни гордо шествовал в своей щегольской форме к камину. Пошелестев конвертами, он стал выкрикивать имена.

Призыв почтальонов прокатился по всей долине Уилламетт, где еще теплилась цивилизация. Всякого, кто хотя бы шапочно знал кого-то на юге, просили написать письмо. Разумеется, большинства адресатов не окажется в живых, однако часть писем обязательно попадет в нужные руки или хотя бы к родственникам. Теоретически это могло привести к восстановлению старых связей. Тогда мольба о помощи утратила бы абстрактность, приобрела личный характер.

Идея была недурна, однако реакция южан и здесь оказалась неожиданной. Гора невостребованной почты росла на глазах. Джонни все выкликал фамилии, не получая ответа, а Гордон наматывал на ус новый урок. Жители долины Камас получили свежее напоминание о том, скольких близких они лишились, сколь мало людей пережили худшие времена.

Сейчас, обретя хрупкий мир, они не собирались опять жертвовать собой, тем более ради чужаков, которые не знали таких утрат, как они. Даже те немногие, которые отозвались на призывы Джонни, принимали из его рук письма как бы с оглядкой, теребили и не торопились прочесть их.

Услыхав собственное имя, Джордж Паухатан разыграл удивление. Однако, пожав плечами и получив посылочку и тоненький конверт, он снова сделался бесстрастным.

Гордон понимал, что все идет насмарку. Отстояв свое у камина. Джонни устремил на него вопросительный взгляд.

У Гордона оставалась в запасе всего одна карта; он терпеть не мог использовать ее, однако знал, когда и как ее выбросить.

Черт возьми! Ничего другого ему теперь не

оставалось.

Он выступил вперед и, повернувшись к жаркому камину спиной, со вздохом оглядел притихшую толпу. Снова придется лгать!

— Я пришел кое-что рассказать вам о некогда существовавшей стране, — начал он. — Кое-что прозвучит для вас знакомо, ибо многие из вас в ней родились. И все же мой рассказ удивит вас. Он неизменно удивляет меня самого. Это будет необыкновенная история о государстве, населенном четвертью миллиарда людей, в былые времена заполнявших эфир и даже межпланетное пространство гулом своих голосов, подобно тому как вы, друзья, заполняли сегодня этот зал звуками своего чудесного пения.

Это был сильный народ, самый сильный, какой рождался когда-либо на свете. Однако для него самого это мало что значило. Когда у него появился шанс завоевать весь мир, он попросту проигнорировал такую возможность, словно имел куда более интересные занятия.

Эти люди были восхитительно безумны. Они смеялись, строили, спорили… Им нравилось обвинять себя как народ в ужасающих преступлениях; такое пристрастие может показаться странным, но достаточно немного пораскинуть

мозгами, чтобы понять, что это делалось с целью самосовершенствования: они хотели стать лучше по отношению друг к другу, к Земле, лучше, чем предыдущие поколения людей.

Все вы знаете, что, глядя в темноте на Луну или на Марс, вы смотрите на следы, оставленные там некоторыми из этих людей. Кое-кто из вас еще помнит, как, сидя у себя дома, наблюдал за этим процессом.

Впервые за весь вечер Гордон почувствовал, что завладел вниманием аудитории. Люди не сводили глаз с поблескивающих эмблем на его форме, и особенно с медного наездника на кокарде почтальонской фуражки.

— Народ страны был безумен, это так, — говорил он. — Однако то было великолепное безумие, какого не бывало никогда прежде.

Его взгляд остановился на лице мужчины, покрытом шрамами, которым никогда не суждено исчезнуть окончательно. Говоря, он смотрел теперь на это лицо.

— Сегодня мы живем убийствами. Однако в той сказочной стране люди старались разрешить свои разногласия мирно.

Гордон обернулся к изможденным женщинам, отдыхающим на скамьях после разделки

туш, уборки, приготовления и раздачи пищи такому большому количеству людей. Их морщинистые лица выступали в отблесках света, как древние утесы. Некоторые хранили следы сифилиса и свинки — болезней, с небывалой силой свирепствовавших в войну, а также некогда побежденных хворей, с новой силой принявшихся косить людей при несоблюдении необходимых правил гигиены и вакцинации.

— Для них была естественной чистая, здоровая жизнь, — напомнил Гордон. — Такая беспечная, сладенькая жизнь, какой не знали в былые времена. Или, — негромко поправился он, — какой уже никогда не будут знать.

Теперь люди смотрели на него, а не на Паухатана. Слезы заблестели не только в глазах стариков; парень вряд ли старше пятнадцати лет звучно всхлипнул.

Гордон раскинул руки.

— Какими же были эти американцы? Вы помните, как они критиковали сами себя, причем часто вполне справедливо. Да, они были высокомерны, задиристы, нередко близоруки... Но они не заслужили того, что с ними произошло! Эти люди уже начали приобретать почти божественное могущество: создавать думающие машины, на-

полнять свои тела новой силой, преобразовывать саму Жизнь — однако сокрушивший их удар не есть расплата за их гордыню. — Он покачал головой. — Не могу поверить, что мы понесли кару за мечты, за дерзновенный порыв.

Крепко сжав от волнения кулаки, Гордон продолжил:

— Нам вовсе не предначертано судьбой, чтобы наши мужчины и женщины вели жизнь диких зверей! Чтобы приобретенные ими знания забывались без всякой пользы...

Он не ожидал, что его голос прервется на середине фразы, именно тогда, когда он изготовился ко лжи, чтобы окончательно сразить Паухатана. Сердце бешено стучало, во рту пересохло, он не мог вымолвить ни слова. Гордон мигнул раз, другой... Что еще за новости! Говори, говори, немедленно!

— На востоке... — неуверенно продолжил он, чувствуя на себе напряженные взгляды Бокуто и Стивенса. — На восточном побережье, за горами и пустынями, из пепла, оставшегося от нации, бывшей когда-то великой, поднимается...

Он опять запнулся, слыша собственное тяжелое дыхание. У Гордона было такое чувство, словно чужая рука сжимает ему сердце, грозя раздавить

его, скажи он еще хоть словечко. Внутри возникло какое-то препятствие, не позволявшее ему ступить на избитую тропу лжи во спасение.

Слушатели затаили дыхание, ожидая продолжения. Он мог делать с ними все что угодно. Они созрели, чтобы упасть к его ногам.

И тут Гордон перевел взгляд на Джорджа Паухатана, на его суровое, непроницаемое лицо, напоминающее скалистый утес. Через секунду он уже знал, что мешает ему говорить.

Впервые ему предстояло распинаться насчет Возрожденных Соединенных Штатов в присутствии человека, определенно превосходившего его силой духа, причем многократно! Он знал, что дело не только в сомнительной достоверности мифа, но и в стоящей за ним личности. Он мог бы убедить этих людей в существовании возрождающегося государства где-то там, за громоздящимися на востоке горами, если бы не способность Джорджа Паухатана превратить его рассказ в ничто одной-единственной улыбочкой, презрительным жестом, зевком...

Все тут же превратится в отзвуки давно ушедших дней, анахронизм, не стоящий серьезного внимания.

Гордон закрыл рот, так и не сказав главного,

несмотря на то что на лицах слушателей сохранялось выжидательное выражение. Он покачал головой, расставаясь с надеждой выиграть схватку.

— Восток — это слишком далеко... — тихо промолвил он.

Потом вскинул голову и с новой силой выкрикнул:

— То, что там происходит, может приобрести для нас значение, если мы выживем. Пока же стоит проблема Орегона — одного Орегона, воплощающего собой всю Америку. Нация, о которой я говорил, тлеет под пеплом, готовая с вашей помощью обрести вторую жизнь. Тогда она вернет умолкнувшему миру надежду. Поверьте мне — сегодня здесь решается судьба будущего. Ведь самым главным в Америке всегда был ее народ, который оказывался на высоте в наиболее плачевные времена, проявляя чудеса взаимовыручки.

Он уставился на Джорджа Паухатана и закончил приглушенно, но все же достаточно веско:

— Если вы все позабыли, если все, о чем я говорю, не имеет для вас ни малейшего значения, то мне остается лишь пожалеть вас.

Наступившее молчание, казалось, никогда

не кончится; время сделалось вязким, стоячим болотом. Паухатан сидел неподвижно, как высеченная из камня фигура отягощенного раздумьями патриарха. Жилы на его шее напряглись подобно канатам.

Однако он быстро справился со своими противоречивыми чувствами и печально улыбнулся.

— Я вас понимаю, господин инспектор. Возможно, вы и правы, но я не знаю, что ответить. Ведь большинство из пас не жалели сил, и теперь нам просто нечего вам предложить. Вы, разумеется, можете снова попытаться найти добровольцев. Я никому этого не запрещаю, но сомневаюсь, что их будет много. — Он покачал головой. — Надеюсь, вы поверите: нам очень жаль, что дела обстоят именно так. Мы действительно глубоко сожалеем. Просто вы требуете слишком многого. Мы завоевали для себя мир. Теперь он значит больше, чем честь или даже жалость.

«Проделать такой путь, — подумал Гордон, — и ничего не добиться!..»

Паухатан взял с колен два листка бумаги.

— Вот письмо из Корваллиса, которое я получил сейчас... Оно пропутешествовало вместе с вами, и на конверте значится мое имя, однако предназначено письмо не мне. Просто я должен передать

его вам. Об этом сказано на первой странице. Так что вы уж простите меня, что я позволил себе пробежать глазами текст.

В голосе Паухатана звучала непритворная симпатия. Передавая желтые листки Гордону, он впервые повторился, — тихо, чтобы его не расслышали остальные:

— Глубоко сожалею. К тому же поражен...

9

"Дорогой Гордон!

Когда ты прочтешь мое письмо, будет уже поздно что-либо предпринимать, чтобы остановить нас, поэтому постарайся успокоиться и вникнуть в мои объяснения. Потом, если ты так и не сумеешь смириться с нашим решением, то хотя бы попробуй простить нас в душе.

Я много раз обговаривала все снова и снова со Сьюзен, Джо и другими женщинами из моего отряда. Мы прочли столько книг, сколько смогли, учитывая ограниченность нашего досуга после службы. Мы приставали к своим матерям и теткам, упрашивая их порыться в памяти, и в итоге пришли к следующим двум выводам.

Первый вполне однозначен. Совершенно ясно, что мужчинам никогда нельзя было доверять править миром. Многие из вас — славные малые, если не сказать больше, в то время как остальные — кровожадные психи. Таким уж создан ваш

пол. Лучшие его представители наделяют всех нас силой, светом, наукой, разумом, они преуспевают в медицине и философии. Однако худшая половина тратит все время на придумывание адских козней и претворение их в жизнь.

Кое-какие старые книги содержат намеки на причины столь странной двойственности. Возможно, наука наконец, дала бы желанный ответ, если бы не Светопреставление. Проблему как раз специально изучали социологи (главным образом женщины), задаваясь весьма неприятными вопросами. Однако, что бы они там ни успели выяснить, для нас потеряно все, кроме простейших истин.

Жаль, что я сейчас не слышу твоего голоса, Гордон. Ты бы сказал, что я снова преувеличиваю, упрощаю, обобщаю, располагая недостаточным количеством информации.

К примеру, в крупных «мужских» свершениях принимало участие немало женщин, и в дурных тоже. К тому же не приходится сомневаться, что большинство мужчин находятся где-то в

промежутке между полюсами «добра» и «зла», о которых я говорю.

Но, Гордон, те, что в середине, не располагают властью! Не они изменяют мир в лучшую или в худшую сторону. Ими можно пренебречь.

Видишь, я могу отвечать на твои возражения, как если бы ты находился рядом со мной. Не забывая подножек, на которые оказалась щедра жизнь даже для меня, я, конечно же, не отрицаю, что получила прекрасное образование для женщины в наше время. За последний год я узнала особенно много — от тебя. Познакомившись с тобой, я еще больше убедилась в справедливости своего отношения к мужчинам.

Посмотри правде в глаза, любовь моя! Вас, славных ребят, попросту недостаточно, чтобы выиграть этот бой! Ты и тебе подобные — наши герои, однако негодяи все равно в выигрыше! Скоро они потушат последний сумеречный свет, и ты не в силах в одиночку помешать им.

Но человечество сильно не только вами, Гордон. В той борьбе, которая кипела

в прошлом веке, до Светопреставления, эта вторая сила покусилась было на извечное распределение ролей, но то ли оказалась слишком ленива, то ли на что-то отвлеклась — не знаю... Так или иначе, она в нужный момент не вмешалась. Поэтому мы, женщины из армии долины Уилламетт, осознали: нам предоставляется последняя возможность исправить ошибку, допущенную женщинами в прошлом. Мы намерены остановить мерзавцев сами. Наконец-то мы исполним свой долг — выберем среди мужчин лучших и отбракуем бешеных псов.

Постарайся простить меня! Остальные просили передать, что мы всегда будем вспоминать тебя с любовью.

Навечно твоя, Дэна".

— Остановись! О боже! Не смей!..

Очнувшись, Гордон обнаружил, что стоит на земле и размахивает руками. Угли от прогоревшего походного костра жгли пальцы его босых ног. Видимо, он хотел кого-то поймать, что-то удержать...

Медленно покачиваясь, он ждал, пока обрыв-

ки сна рассеются в ночном лесу. Только что, во сне, призрак снова посетил его. Давно почившая машина обращалась к нему сквозь десятилетия, бросая нетерпеливое обвинение: «Кто же примет ответственность за детей неразумных сих?»

В глазах у Гордона рябило, в ушах звучал грустный голос криогенного мудреца, доведенного до отчаяния бесчисленными оплошностями живых людей...

— Гордон! Что случилось?

Джонни Стивенс рывком сел в спальном мешке, протирая глаза. Небо затянули облака, и единственными источниками света были догорающие угли да несколько звездочек в просветах между тучами и черными ветвями деревьев.

Гордон покачал головой, стараясь скрыть, что его бьет озноб.

— Просто решил проверить коней и часовых, — проворчал он. — А ты спи, Джонни.

Молодой почтальон кивнул.

— Ладно. Скажите Филу и Калу, чтобы разбудили меня, когда придет время сменяться. — Он снова лег на землю, устраиваясь в спальном мешке. — Будьте осторожны, Гордон.

Вскоре послышалось его мерное дыхание, а лицо разгладилось, обретя обычную беззабот-

ность. Неустроенная жизнь, казалось, вполне годится для Джонки. Гордон не переставал этому удивляться. Сам он, даже спустя семнадцать лет, никак не мог смириться с утратами. Ему, человеку уже среднего возраста, то и дело представлялось, как он просыпается в своей комнате в студенческом общежитии в Миннесоте, и вся эта грязь, смерть, сумасшествие оказываются всего лишь кошмаром, которого так никому и не довелось испытать.

Рядом с костром лежали тесной группой, делясь друг с другом теплом, еще несколько фигур в спальных мешках. Всего их было восемь, не считая Джонни: Аарон Шиммель и малочисленное подкрепление, которое им удалось набрать в долине Камас. Четверо добровольцев были мальчишками, едва знакомыми с бритвой, остальные — стариками.

Гордону не хотелось ни о чем думать, однако, пока он обувался и закутывался в пончо, воспоминания лезли в голову сами собой.

Даже одержав почти безоговорочную победу, Джордж Паухатан торопился отправить Гордона и его отряд восвояси. Присутствие гостей причиняло патриарху с горы Сахарная Голова одни неудобства. Его владения станут прежними толь-

ко после их ухода.

Оказалось, что вместе со своим сумасшедшим письмом Дэна ухитрилась переслать подарки женщинам из семейства Паухатана: жалкие свертки с мылом, иголками и нижним бельем с крохотными, оттиснутыми на мимеографе инструкциями. Кроме того, Гордон узнал таблетки и мази из центральной аптеки Корваллиса. В переданной женщинам посылочке обнаружилась также копия ее письма, адресованного ему.

Все это озадачило Паухатана. Письмо Дэны смутило его едва ли не больше, чем речь Гордона.

— Не понимаю, — говорил он, оседлав стул и наблюдая за спешными сборами Гордона. — Как это в головке неглупой, судя по всему, женщины могли завестись такие экстравагантные мысли? Неужели никто не позаботился ее образумить? Чего она собирается добиться, выступив со своей девчоночьей командой против холнистов?

Гордон не стал отвечать, не желая раздражать Паухатана. К тому же ему было не до разговоров: он торопился. Он еще надеялся успеть остановить девчонок-скаутов, прежде чем они совершат эту самоубийственную глупость.

Однако Паухатан не отставал. Все это не на шутку вывело его из равновесия. Кроме того, он

не привык, чтобы от него отмахивались. В конце концов Гордон помимо собственной воли принялся защищать Дэну:

— Какой такой «здравый смысл» надо было в нее вбить, а, Джордж? Логику бесцветных созданий, подающих еду самодовольным мужчинам у вас на Камасе? Или ей полагается открывать рот, только когда к ней обращаются, как тем несчастным, что влачат жалкое существование под властью холнистов на Рог-Ривер, а теперь и в Юджине? Вероятно, женщины из Корваллиса не правы, а еще вероятнее, совсем обезумели, но Дэна с подругами по крайней мере обеспокоена чем-то большим, нежели самой собой, и рвется ради этого большего в схватку. А вы, Джордж?

Паухатан уперся взглядом в пол. Гордон с трудом расслышал его ответ:

— Где это написано, что человек должен беспокоиться только о чем-то значительном? Когда-то я тоже бился за это: за идеи, принципы, страну. И где это все теперь?

Прищуренные глаза со стальным отливом были печальны, когда Гордон увидел их снова.

— Я кое-чему научился, представьте себе. Получается, что это ваше «большое» не способно отвечать взаимностью. Оно забирает, забирает

— и ничего не дает взамен. Оно пьет вашу кровь, вытягивает из вас душу, пока вы хлопаете глазами, и ни за что не ослабляет хватку. Сражаясь за «большие идеалы», я лишился жены и сына. Они так нуждались во мне, но где там: я был далеко, пытаясь спасти мир! — Паухатан фыркнул. — Нет, теперь я сражаюсь ради своих людей, ради фермы — то есть за то, что помельче, что я могу удержать.

Гордон наблюдал, как сжимаются и разжимаются широкие, мозолистые руки Паухатана, как бы хватаясь за саму жизнь. До последней минуты ему как-то не приходило в голову, что этот человек способен чего-то бояться; теперь же Паухатан предстал перед ним, пусть на краткий миг, совершенно беззащитным. В глазах его горел страх, с каким редко можно встретиться.

Уже от двери, обернувшись, горец сказал, демонстрируя свой точеный профиль в колеблющемся свете сальных свечей:

— Мне кажется, я знаю, с чего выкрутасничает эта ваша дурочка. Поверьте, это не имеет никакого отношения к ерунде насчет «героев и негодяев», сколько бы она ни изводила на нее чернил. Остальные бабенки просто тянутся за ней — прирожденным лидером, который необходим

в наше трудное время. Она так, походя, увлекла их, бедняжек, за собой. На самом деле она... — Паухатан покачал головой. — Она воображает, что действует из благородных, высоких побуждений, однако все сводится к простенькому объяснению... Ею движет любовь, господин инспектор! По-моему, она поступила так из-за вас.

Мужчины посмотрели напоследок друг на друга, и до Гордона дошло, что посещение Паухатаном отъезжающего почтальона вызвано чувством вины, которое теперь будет терзать его; владыке Сахарной Головы не хотелось оставаться единственным мучеником.

Гордон кивком простился с ним, принимая груз угрызений совести и связку писем.

* * *

Отойдя от теплого кострища, Гордон ощупью добрался до коновязи и тщательно проверил все постромки. Он остался доволен осмотром, хотя кони вели себя довольно беспокойно, еще не оправившись от дневной гонки. Позади остались руины города Ремоут и большого старого кемпинга Медвежий Ручей. Если они не сбавят скорость и завтра, то, согласно прикидкам Кэлвина Льюиса, вскоре после заката доберутся до Розберга.

Паухатан щедро-одарил отъезжающих провизией и не пожалел для них своих лучших скакунов. Северянам ни в чем не было отказа. Единственное, что оставалось для них недоступным, — сам несговорчивый Джордж Паухатан.

Ласково потрепав крайнего в ряду коня, Гордон побрел назад. Ему было по-прежнему трудно смириться с мыслью, что путешествие оказалось совершенно напрасным. Во рту еще чувствовался горький привкус поражения.

Мигающие ряды лампочек... Голос давно умершей машины...

Гордон невесело усмехнулся.

«Если б возможно было заразить его твоим оптимизмом, Циклоп, — неужели ты думаешь, я не сделал бы этого? Но такого, как он, голыми руками не возьмешь! Он сделан из материала покрепче моего».

«Кто возьмет на себя ответственность?»

— Не знаю! — в отчаянии прошептал он, обращаясь к обступившей его темноте. — И знать не хочу!

От лагеря его отделяло теперь футов сорок. А что если попросту уйти в лес? Затеряйся он сейчас в чаще — и его положение можно будет считать более предпочтительным, чем год и че-

тыре месяца тому назад, когда он, ограбленный и израненный, наткнулся в пыльном лесу на этот ржавый почтовый джип, будь он неладен!

Если он прихватил с собой сумку и форму, то только чтобы выжить. Однако уже тогда на него что-то накатило. Уже тогда он увидал первого призрака...

В Пайн-Вью было положено начало легенде — всей этой ерунде о почтальонишке Джонни Яблочное Семечко, которая вскоре совершенно отбилась от рук и сделала его ни больше ни меньше — ответственным за судьбы цивилизации! Он, между прочим, о таком и не помышлял... Но сейчас понял, что вполне может поставить на этом точку.

«Уйти, и дело с концом», — стучало у него в голове.

Гордон на ощупь пробирался в непроглядной тьме, пользуясь навыком лесного обитателя, который еще ни разу его не подводил, — безошибочным чувством направления. Он ступал уверенно, угадывая, где его поджидают особенно узловатые корни и ямы, как и подобает заправскому следопыту.

Для того чтобы перемещаться в кромешной тьме, требовалась особая сосредоточенность,

достигаемая разве что в позе лотоса и ничуть не менее возвышенная; при той же степени отрешенности здесь нужна куда большая активность подсознания, чем в предзакатной медитации два дня тому назад, над ревущим потоком, вбирающим в себя струи сразу нескольких речных рукавов. Продолжая идти так, он все больше уносился мыслями ввысь, пренебрегая обычными заботами и тревогами. Ни зрение, ни слух сейчас не были ему нужны. Он подчинялся одному едва ощутимому дуновению ветра. Да еще аромату красного кедра и привкусу соли на губах — дару далекого, но такого желанного океана.

«Уйти, и дело с концом...» Он с облегчением понял, что нащупал противоядие, способное подавить мельтешение компьютерных огоньков у него в мозгу. Призракам придется попятиться. Почти не чувствуя земли под ногами, он едва не летел, повторяя снова и снова наконец-то найденную фразу. «Уйти, и дело с концом!»

Восхитительная прогулка оборвалась совершенно неожиданно: он споткнулся о предмет, которого не должно было быть здесь, в лесу.

Гордон рухнул наземь вполне бесшумно, разве что затрещали сосновые иголочки, присыпанные снегом. Сколько он ни шарил руками вокруг, ему

не удавалось определить, что представляет собой остановившая его преграда. Она была мягкой и податливой; ладонь покрылась чем-то липким и теплым.

Зрачки Гордона донельзя расширились от леденящего ужаса и выхватили из темноты мертвое лицо.

Юный Кэл Льюис взирал на него с выражением застывшего изумления. Его горло было со знанием дела перерезано от уха до уха.

* * *

Гордона отбросило назад, шарахнуло спиной о ближайший ствол. На сей раз он не захватил с собой ни ножа, ни пояса с револьвером. Приходилось признать: атмосфера безопасности, царившая на горе у Джорджа Паухатана, породила в нем чувство губительной самонадеянности. Что ж, это, как видно, последняя его оплошность.

Из темноты до него доносился шум среднего рукава реки Кокилл. За ней лежала вражеская территория. Однако по эту сторону как будто нечего было опасаться!

«Холнисты не знают, что здесь есть еще я», — сообразил он. В это с трудом верилось — ведь он брел по лесу совершенно рассеянно, даже бормо-

ча что-то себе под нос; оставалось предположить, что они просто проворонили его.

Или были поглощены другими делами.

Гордон отлично понимал тактику противника: сперва убрать посты, потом неожиданно наброситься на ничего не подозревающий спящий лагерь. Молокососы и старики у костра остались без своего Джорджа Паухатана. Не надо им было спускаться с горы Сахарная Голова...

Гордон укрылся в переплетении корней огромного дерева. Здесь его никогда не найдут, если затаиться. Когда закончится резня и холнисты начнут собирать свои трофеи, он сумеет бесследно исчезнуть в лесу.

Дэна утверждает, что есть два сорта мужчин, достойных внимания, прослойка же между ними ничего не стоит. «Чудесно, — думал он, — вот и я принадлежу к прослойке. Живой пройдоха стоит дюжины мертвых идеалистов».

Он сжался в комок, обратился в неподвижный камень.

Со стороны лагеря раздался хруст ветки. Спустя минуту чуть дальше заухала какая-то ночная птица. Звукоподражание было безупречным.

Вслушиваясь в эти звуки, Гордон словно бы видел, как сжимается вокруг лагеря безжалост-

ное кольцо. Ставшее для него убежищем дерево осталось вне этого кольца, несущего гибель.

«Спокойно, — приказал он себе, — сиди и не рыпайся».

Он старался прогнать из головы образы крадущихся врагов, их раскрашенные лица, ухмыляющиеся в предвкушении бойни, блестящие смазкой ножи.

Не думать об этом! Гордон крепко зажмурился, решив считать удары собственного сердца и бессознательно нащупывая цепочку на груди. С момента ухода из Пайн-Вью он не снимал этого подарка Эбби.

«Так-то лучше: вспоминай Эбби!» Он попробовал представить ее — улыбающуюся, жизнерадостную, полную любви, — однако быстро отвлекся.

Прежде чем замкнуть кольцо, холнисты постараются удостовериться, что разделались со всеми постами. Если они еще не расправились со вторым дозорным — Филиппом Бокуто, то скоро наступит и его черед.

Гордон сжал цепочку в кулаке, затянув ее на шее петлей.

Бокуто... Он охраняет командира, даже не спрашивая на это разрешения... Он выполняет за него

грязную работу... Он предан ему всей душой, ибо верит в миф... Он трудится ради страны, которая погибла и больше никогда не возродится к жизни...

Бокуто.

Второй раз в течение ночи Гордон оказался на ногах, не контролируя себя. Секунда — и раздался отчаянный свист: это сработал свисток Эбби, висящий на цепочке. Сложив ладони вокруг рта, Гордон крикнул:

— Филипп! Поберегись!

— ...ись!.. ись!.. ись!.. — разнеслось эхом по спящему лесу.

Еще секунду, показавшуюся вечностью, стояла тишина, а затем хлопнуло подряд шесть выстрелов, сменившихся отчаянной беспорядочной пальбой.

Гордон замигал, всматриваясь. У него, видимо, помутился рассудок, но обратного пути уже не было.

— Они попались! — крикнул он что было мочи. — Джордж говорит, что уведет их к реке! Фил, прикрывай справа!

Импровизация, да и только! Далеко не все смогли, наверное, расслышать его среди общего шума, пальбы, боевых выкриков холнистов, однако

какую-то пользу его крик должен был принести. Гордон продолжал кричать и свистеть, чтобы спутать нападающим планы.

Дерущиеся что-то кричали в ответ и катались по земле. Потухший было костер теперь огрызался ослепительными языками пламени, выхватывая из темноты неясные фигуры.

Поскольку спустя почти две минуты сражение еще не прекратилось, у Гордона появилась надежда, что не все потеряно. Своими криками он пытался заставить врагов думать, что командует внушительным подкреплением.

— Не давайте им уйти за реку! — Ему уже казалось, что холнисты готовы отступить. Он перебегал от дерева к дереву, приближаясь к костру, хоть и был совершенно безоружен. — Окружайте их! Не давайте...

Внезапно из-за ближайшего дерева появилась рослая фигура. Гордон замер в каких-то десяти футах от нее. Лицо холниста, покрытое черными и белыми полосами, сливалось с ветвями, как и его одежда; узкий рот растянулся в гадкой беззубой улыбке. Холнист выглядел настоящим гигантом.

— Ну и крикун, — проговорил он. — Надо бы его успокоить, а, Нейт? — Темные глаза высматривали что-то позади Гордона.

Тот помимо собственной воли начал поворачивать голову, хотя знал, что это, скорее всего, блеф и его противник вышел на него в одиночку. Секундной потери бдительности оказалось достаточно: фигура в камуфляже совершила молниеносный бросок. Один удар тяжелого, как молот, кулака — и Гордон оказался на лопатках. Из глаз посыпались искры. Он был на грани беспамятства от боли. «Вот это скорость!» — успел подумать он, прежде чем лишился чувств.

10

Холодный моросящий дождик превращал и без того расхлябанную дорогу в топкое болото, в котором вязли натруженные ноги пленников. Они понуро ковыляли в грязи, стараясь не отстать от конных охранников. Теперь, по прошествии трех дней, они не думали ни о чем другом, кроме необходимости удержаться на ногах, чтобы не навлечь на себя новых побоев.

Победители, смывшие с лиц боевую раскраску, выглядели не менее устрашающе, чем прежде. Закутавшись в полушубки защитной расцветки, они лихо гарцевали на добытых в бою лошадях из долины Камас. Замыкающий холнист, самый молодой из отряда, всего с одной серьгой в ухе, то и дело оглядывался, рычал на пленных и дергал за веревку, привязанную к кисти переднего, заставляя всю цепочку ненадолго переходить с ходьбы на неуклюжую рысцу, чтобы догнать всадников.

Вдоль дороги то тут то там попадались остатки домашнего скарба, брошенного несколькими волнами беженцев, прокатившимися здесь. После бесчисленных мелких стычек и отдельных

кровопусканий территорией овладели сильнейшие. Это и был рай в стиле Натана Холна.

Несколько раз караван победителей и побежденных миновал скопления зловонных хибар, сложенных из разномастного довоенного хлама. Изможденные обитатели поселков неизменно высыпали на обочину дороги, чтобы, почтительно потупив взоры, приветствовать своих господ. Кто-то обязательно подворачивался под горячую руку и получал свою порцию ленивых пинков от не удосужившегося спешиться всадника.

Только пропустив отряд, несчастные осмеливались поднять глаза. В них не было ненависти, лишь голодное вожделение, с каким они взирали на упитанные конские бока.

На новых невольников жители хибар не смотрели вовсе. Те тоже старались не встречаться с ними взглядом.

От рассвета до заката пленных гнали вперед, лишь изредка устраивая короткий привал. На ночь их разводили в разные стороны, чтобы не дать сговориться. Каждый проводил ночь, привязанный к лошадиному крупу, дававшему тепло в отсутствие костра. При первых лучах солнца их, проглотивших скудную баланду, снова гнали вперед.

По прошествии четырех дней двое пленных скончались. Еще двое слишком ослабели, чтобы продолжать путь, поэтому их оставили на милость холнистского управляющего из грязного придорожного селеньица в качестве замены двух его рабов, распятых для устрашения возможных ослушников и еще не снятых с телеграфных столбов.

Все это время Гордон не видел почти ничего, кроме спины товарища по несчастью, ковыляющего впереди его. Вместе с тем он проникся ненавистью к тому, кто плелся следом за ним: каждая его запинка означала рывок веревки, отдававшийся острой болью во всем теле. Однако он не сразу заметил исчезновение последнего пленника и лишь спустя какое-то время сообразил, что за лошадьми поспевают только двое несчастных. Теперь он завидовал тому, кто остался позади, не зная даже, жив ли тот.

Скорбному путешествию, казалось, не будет конца. Много дней назад он очнулся уже в этой цепочке, но так и не пришел в полное сознание. Несмотря на страдания, какая-то часть его естества была рада отупению и монотонности пути. Теперь, по крайней мере, его не преследовали призраки. Он забыл о сложностях бытия

и чувстве вины. Все стало на свои места. Знай перебирай ногами, уплетай то немногое, что тебе суют, и не поднимай глаз. Потом наступил момент, когда Гордон заметил, что ковыляющий впереди него пленник помогает ему, подставляя плечо в особенно топких местах. У него хватило соображения, чтобы задаться вопросом, зачем тот расходует лишние силы.

В очередной момент просветления он не обнаружил на своих кистях веревок. Они остановились у деревянного сарая, на некотором удалении от шатких, гудящих, как ульи, хибар. Неподалеку шумела вода.

— Добро пожаловать в Агнесс, — произнес хриплый голос. Кто-то пнул его в спину. Под презрительный смех пленных затолкали в сарай, где они тут же повалились на вонючую солому.

Оба остались лежать там, где рухнули. Наконец-то появилась возможность забыться сном. Ни о чем другом сейчас нельзя было помыслить. Сновидения их не посещали, и забытью мешала лишь боль в натруженных мышцах. Так продолжалось до конца дня, потом целую ночь и утро.

* * *

Гордона разбудил яркий луч солнца, пробившийся сквозь щель в досках и коснувшийся его лица. Он со стоном перевернулся на другой бок. Над ним склонилась какая-то тень, и веки его приоткрылись, как ржавые жалюзи.

Прошло несколько секунд, прежде чем восстановилось зрение. Еще через некоторое время начало проясняться сознание. Он сообразил, что в знакомой улыбке не хватает одного зуба.

— Джонни... — прохрипел он.

На юном лице не осталось живого места. При этом Джон Стивенс радостно ухмылялся, зияя провалом во рту.

— Привет, Гордон! Добро пожаловать в общество несчастных, то есть живых.

Он помог Гордону сесть и поднес к его губам ковш с прохладной речной водой, не переставая болтать:

— В углу есть еда. Еще я слышал, как один охранник сказал, что нам скоро дадут умыться. Так что существует, видимо, причина, почему нас не разрезали на части и не подвесили к поясу какого-нибудь жадного до трофеев балбеса. Не иначе как нас притащили сюда для встречи с

какой-то шишкой. — Джонни невесело рассмеялся. — Подожди, Гордон, мы еще обведем вокруг пальца этого типа, кем бы он ни был. Предложим ему заделаться почтальоном, что ли... Ведь ты это имел в виду, когда объяснял мне, что такое реалистическая политика?

Гордон был слишком слаб, чтобы пристукнуть Джонни на месте за этот возмутительный взрыв веселья, поэтому он довольствовался кривой усмешкой, от которой на его потрескавшихся губах выступила кровь.

В противоположном углу завозились. Значит, они здесь не одни. В сарае оказались еще трое — распространяющие вонь пугала с огромными глазами на иссушенных лицах, провалявшиеся здесь невесть сколько времени и уже не походившие на людей.

— Кому-нибудь удалось спастись во время нападения? — задал Гордон главный мучивший его вопрос.

— Думаю, да. Судя по всему, твое предупреждение спутало этим сволочам планы, и мы смогли дать им отпор. По крайней мере, прикончили двоих, прежде чем остальные нас одолели. — Глаза Джонни сияли. Он, по всей видимости, восхищался Гордоном еще больше, чем прежде.

Гордон отвернулся, не желая принимать похвалу за свое поведение в ту ночь.

— По-моему, я убил сукиного сына, расколовшего мою гитару. Но тут другой...

— А что стало с Филом Бокуто? — перебил его Гордон.

Джонни покачал головой.

— Не знаю... Во всяком случае, среди трофеев, собранных этими головорезами, я не заметил ни черных ушей, ни... Не исключено, что ему удалось спастись.

Гордон снова привалился к стене сарая. Журчание воды, врывавшееся в его сон всю ночь, теперь доносилось с противоположной стороны. Он попытался разглядеть что-нибудь сквозь щели в досках.

Футах в двадцати от сарая находился обрыв. Дальше плыли клочья тумана, но Гордон сумел различить заросшие густым лесом берега узкой, стремительной реки.

Джонни как будто прочел его мысли. Впервые молодой голос зазвучал негромко и вполне серьезно:

— Да, Гордон, мы угодили в самый центр сковородки. То, что ты видишь, — проклятая река Рог.

11

Через неделю туман и ледяная морось уступили место снегопаду. Получая еду и отдыхая, оба пленника окрепли. Им приходилось довольствоваться обществом друг друга: ни охрана, ни остальные трое заключенных не издавали осмысленных звуков.

Однако кое-что о жизни во владениях холнистов они узнали. Еду им приносили безмолвные, перетрусившие старушонки из ближайшего разрушенного городка. Изнуренными здесь не выглядели, помимо самих холнистов с серьгами в ушах, только женщины, удовлетворявшие их похоть. Впрочем, им тоже в дневное время приходилось трудиться: таскать воду из холодной реки и прибирать в конюшне, где всхрапывали сытые лошади.

Все здесь подчинялось установленному порядку, смахивавшему на давнюю традицию. Однако Гордон видел, что в этом неофеодальном поселении сейчас неспокойно.

— Они готовятся сниматься с места, — сказал он как-то Джонни, рассматривая только что прибывший караван. В Агнессе появлялось все

больше запуганных пленников, непонятно как помещавшихся в перенаселенном бараке. Было очевидно, что такое количество людей не сможет просуществовать долго в подобных условиях.

— Здесь у них военная база, — решил Гордон.

— Если нам удастся выбраться из сарая, то кто-нибудь из этих людей наверняка окажет нам помощь, — отозвался Джонни.

В ответ Гордон неопределенно хмыкнул. Он не больно рассчитывал на помощь здешних рабов. Из них давно выбили волю к сопротивлению, к тому же им хватало собственных невзгод.

Как-то раз Гордону и Джонни, только что проглотившим обед, было приказано выйти из сарая и раздеться догола. Две безмолвные женщины в обносках принялись собирать их лохмотья. И тут отвернувшихся к стене сарая северян, неожиданно окатили холодной водой из реки. Гордон и Джонни заойкали и зачертыхались, стража заржала, но женщины так и удалились, опустив потухшие глаза.

Холнисты, разодетые в комбинезоны зеленочерной защитной расцветки, лениво метали в стену ножи. Двое северян, завернувшись в грязные одеяла, сидели перед костром, пытаясь согреться.

Вечером они получили свою одежду выстиранной и залатанной. На сей раз одна из женщин на мгновение подняла глаза, и Гордон успел ее разглядеть. Ей было, наверное, не больше двадцати лет, хотя вокруг глаз собралось не по возрасту много морщин. В каштановых волосах уже наметилась седина. Она всего раз взглянула на Гордона, пока тот одевался; когда же он попробовал улыбнуться ей, она отвернулась и заторопилась вон из сарая.

На ужин они получили кое-что получше, чем привычная кашица: среди кукурузных зерен попадались сухожилия; возможно, их угостили кониной. Заметив такую перемену, Джонни осмелился попросить добавки. Остальные узники в сарае выпучили глаза и забились подальше в угол. Один из безмолвных охранников с ворчанием унес миски. Каково же, было всеобщее изумление, когда он вскоре вернулся, неся еще по порции для обоих!

Ближе к ночи в сарай заглянули трое холнистских вояк в беретах и понурый невольник с фонарем.

— Пошли! — гаркнул старший. — С вами будет говорить генерал.

Гордон оглянулся на Джонни, гордо выпрямив-

шегося в своей форме. Глаза юноши, казалось, говорили: разве эти недоумки могут сравниться с человеком, наделенным властью официальным представителем возрожденной республики?

Гордон вспомнил, что этот паренек тащил его едва ли не на плечах от самого Коквилла. Ему меньше всего хотелось сейчас заниматься притворством, однако ради Джонни он решил напялить старую маску.

— Ладно, почтальон, — бросил он юному другу, подмигивая. — Ни снега, ни ураганы, ни хвороба и ни тьма...

— Ни бандиты, ни стрельба... — подхватил Джонки.

Они одновременно развернулись и вышли из сарая в сопровождении холнистов.

12

— Добро пожаловать, джентльмены.

Первым делом Гордон обратил внимание на потрескивающий камин. Уютный довоенный домик лесника, обложенный камнем, был жарко натоплен. Гордон почти забыл, что такое тепло.

Потом он услышал шелест шелка и увидел длинноногую блондинку, поднимающуюся с мягких подушек. Эта особа являла собой разительный контраст по сравнению с остальными женщинами, которых им довелось здесь видеть, — ухоженная, стройная, да еще увешанная побрякушками, которые потянули бы в былые времена на целое состояние.

Впрочем, и ее глаза окружали морщинки; она смотрела на двоих северян, как на пришельцев с обратной стороны ночного светила. Не говоря ни слова, она вышла из комнаты, задвинув за собой занавес с бахромой.

— Итак, добро пожаловать в царство свободы.

Только сейчас Гордон приметил худого лысого человека с аккуратно подстриженной бородкой, который встал из-за рабочего стола, чтобы поприветствовать их. В мочке одного уха у него

красовались три серьги, а в другой — целых четыре, что свидетельствовало о высоком чине. Он подошел к гостям, протягивая руку.

— Полковник Чарлз Уэстин Безоар к вашим услугам. В былые времена я состоял членом коллегии адвокатов штата Орегон и уполномоченным от республиканской партии в округе Джексон. Теперь имею честь служить главным судьей в Американской освободительной армии.

Гордон приподнял бровь, не обращая внимания на протянутую руку.

— После Краха армий здесь расплодилось без числа. В которой из них вы служите?

Безоар с улыбочкой опустил руку.

— Понимаю, некоторые награждают нас другими именами. Оставим это на время и ограничимся тем, что я являюсь адъютантом генерала Волши Маклина, любезно пригласившего вас к себе. Генерал скоро к нам присоединится. Пока же позвольте мне угостить вас местным напитком горцев. — Он снял с резной полки изящный графин. — Что бы ни рассказывали о нашей суровой жизни, вы увидите, что мы сохранили кое-что из былых пристрастий.

Гордон покачал головой. Джонни вообще смотрел поверх лысой полковничьей макушки. Безоар

пожал плечами.

— Не желаете? Жаль. Что ж, в другой раз. Надеюсь, вы не будете возражать, если я отхлебну немного... — Он налил себе в рюмку коричневой жижи и указал на два стула у камина. — Прошу вас, джентльмены! Вы, вероятно, еще не до конца оправились после путешествия. Устраивайтесь поудобнее. Мне так много хочется от вас узнать! К примеру, господин инспектор, как обстоят дела там, в восточных штатах, за пустыней и горами?

Гордон опустился на стул, не моргнув глазом. Итак, у «освободительной армии» имеется разведка. Неудивительно, что Безоар знает, кто они такие, или, по крайней мере, за кого принимают его, Гордона, в северном Орегоне.

— Во многом так же, как и на западе, мистер Безоар. Люди стараются выжить и отстроить то, что возможно.

Гордон попытался снова представить себе страну мечты: Сент-Пол, Одессу, Грин-Бэй, живые города, возглавившие дерзкую нацию, претендующую на возрождение, а не города-призраки, продуваемые ветрами, разоренные одичавшими ордами.

Нет, он говорит о городах, увиденных в грезах. Голос его был суров:

— Кое-где людям повезло больше, кое-где — меньше. Везучие многого добились и надеются на лучшую участь для своих детей. В других местах возрождение... идет медленнее. Некоторые из тех, кто в прошлом поколении почти уничтожил нашу страну, по-прежнему сеют хаос, перехватывают наших курьеров, препятствуют сообщениям. Говоря сейчас об этом, — холодно продолжал Гордон, — я не могу не спросить вас, как вы поступили с почтой, которую ваши люди похитили у Соединенных Штатов?

Безоар надел очки в тонкой оправе и взял со стола пухлую папку.

— Полагаю, речь идет вот об этих письмах? — Он открыл пакет, в котором зашелестели десятки посеревших и пожелтевших листочков. — Видите? К чему отрицать очевидное? Считаю, что нам надо быть друг с другом откровенными, тогда из встречи выйдет толк. Да, наш передовой разведывательный отряд действительно нашел среди руин Юджина вьючную лошадь — вашу, насколько я понимаю, — с этим весьма странным грузом. По иронии судьбы, в тот самый момент, когда наши разведчики завладели сумкой, вы расправлялись в другой части города с двумя их товарищами. — Безоар поднял руку, не давая

Гордону ответить. — Не бойтесь возмездия. Наша холнистская философия его не признает. Вы победили двух «мастеров выживания» в честном бою, и это возвышает вас до нашего уровня. Иначе отчего, захватив вас в плен, мы обращались с вами как с людьми, а не как с рабами или скотом?

Безоар любезно улыбался, но Гордон окаменел. Прошлой весной в Юджине он видел, как надругались холнисты над телами безобидных сборщиков электронного хлама. Помнил он и героический поступок матери юного Марка Эйга, спасшей жизнь ему и своему сыну. Безоар говорил сейчас чистосердечно, однако Гордон находил его логику ущербной и отвратительной.

Лысый холнист развел руками.

— Мы признаем, что забрали вашу почту, господин инспектор. Но не смягчает ли нашу вину неведение? Ведь до тех пор, пока я не взял в руки эти письма, никто из нас и слыхом не слыхивал о Возрожденных Соединенных Штатах! Теперь представьте наше изумление, когда мы столкнулись с тем, что письма преодолевают расстояния во много миль, перепархивая из города в город, что выписываются мандаты новым почтмейстерам... — Он приподнял пачку официальных бланков. — А тут еще эти декларации временной

администрации в Сент-Поле...

Сами по себе его слова не несли агрессии и казались искренними. Однако в тоне слышалось нечто иное... Гордон пока не понимал, что именно назревает, но ему все больше становилось не по себе.

— Теперь вы все знаете, однако не унимаетесь, — ответил он. — После вашего вторжения на северную территорию исчезли бесследно два наших курьера. Ваша «американская освободительная армия» уже много месяцев ведет войну против Соединенных Штатов, полковник Безоар. И этого уж на неведение не спишешь!

Ложь получалась у него с необыкновенной легкостью. Ведь сами слова были правдивы...

В те недолгие недели сразу после «победы» в большой войне, когда у Соединенных Штатов еще оставалось правительство, а продовольствие и материалы, перевозимые по дорогам, еще охранялись, истинной проблемой стал не поверженный враг, а нарастающий внутренний хаос.

В переполненных элеваторах гнило зерно, а фермеров косили пустяковые, казалось бы, болезни. При этом в городах имелось достаточно вакцины, но население там пухло от голода. Люди гибли скорее от развала экономики и беззакония,

воцарившихся с распадом сети снабжения и взаимопомощи, нежели от бомб, микробов и даже трехлетней ядерной зимы.

Именно такие люди, как этот лысый трепач, нанесли нации сокрушительный удар и лишили миллионы несчастных последнего шанса.

— Возможно, возможно... — Безоар опрокинул рюмочку и улыбнулся. — Но сейчас слишком многие объявляют себя подлинными наследниками американской государственности. Что с того, что ваши Возрожденные Соединенные Штаты контролируют обширные пространства с большим населением, что с того, что среди ваших лидеров есть старые болваны, которые некогда победили на выборах, не поскупившись на наличность и на улыбки с телеэкрана? Разве из этого следует, что они и есть подлинная Америка?

На какое-то мгновение спокойствие и благоразумие покинули лицо «полковника», и на Гордона глянул фанатик, ничуть не изменившийся за все эти годы. Гордон уже слышал похожий голос: давным-давно точно так же вещал по радио сам Натан Холн — еще до того, как этот «святой» мастеров выживания кончил жизнь на виселице; потом у него появились последователи и подражатели.

Это была все та же философия доведенного до крайности эгоизма, которая породила неистовства нацизма и сталинизма. Гегель, Хорбигер, Холн — все они имели одинаковые корни. Высосанная из пальца истина, проповедуемая тоном самодовольства и непогрешимости и не подлежащая проверке реальностью.

В Северной Америке холнизм исповедовали во времена беспримерного предвоенного расцвета лишь немногие свихнувшиеся личности, оставшиеся верными эгоизму восьмидесятых годов. Зато в другом полушарии фанатикам иной версии того же зла — «Славянскому Мистицизму» — удалось захватить власть. Это безумие в конечном счете и ввергло мир в пучину Светопреставления.

Улыбка Гордона была мрачна и сурова.

— Кто теперь, после стольких лет, сумеет разобраться, что законно, а что нет? Одно бесспорно, Безоар: «подлинный дух Америки» — сегодня это истребление холнистов. Ваш культ силы всем ненавистен, и не только в Возрожденных Соединенных Штатах, но практически всюду, где я побывал. Враждующие деревни забывают о распрях, стоит появиться слуху о приближении вашей банды. Любой человек в камуфляже под-

лежит казни через повешение.

Он попал в цель. Ноздри человека с серьгами задергались.

— Полковник Безоар, с вашего позволения. Полагаю, что кое-где дела обстоят по-другому, господин инспектор. Скажем, во Флориде или на Аляске.

Гордон пожал плечами. Об этих штатах никто ничего не слышал с тех пор, как упали первые бомбы. Однако имелись и другие места, хотя бы тот же южный Орегон, куда холнисты не осмеливались сунуться.

Безоар встал и подошел к книжной полке.

— Вы когда-нибудь читали Натана Холна? — спросил он прежним любезным голосом, вооружившись увесистым томом.

Гордон отрицательно помотал головой.

— Но, сэр, как же вы можете узнать врага, не познакомившись с его образом мыслей? Прошу вас, загляните в «Утраченную Империю». Это биография другого великого человека, вице-президента Аарона Бэрра [вице-президент США, был арестован по приказу президента Джефферсона и обвинен в измене], написанная самим Холном. Возможно, это заставит вас передумать. Если хотите знать, мистер Кранц, вы, по-моему, вполне

могли бы стать холнистом. Зачастую сильные нуждаются лишь в том, чтобы раскрылись их глаза, прежде ослепленные пропагандой слабых, чтобы понять: они способны завладеть миром — стоит только протянуть руку.

Гордон подавил первый гневный импульс и взял книгу. Вряд ли стоило и дальше дразнить собеседника. Достаточно одного его слова, чтобы обоих северян прикончили без лишних разговоров.

— Идет. По крайней мере, это поможет мне скоротать время, пока вы не организуете нашу переправку обратно на Уилламетт, — примирительно молвил он.

— Ага, — проронил Джонни, впервые раскрыв рот. — Кстати, как насчет уплаты дополнительного почтового сбора за доставку украденной вами почты? Письма мы прихватим с собой.

Безоар холодно улыбнулся Джонни, но ответить не успел: раздались грузные шаги по дощатому полу. В распахнувшейся двери появились трое бородачей в неизменном черно-зеленом камуфляже. Самый низкорослый из них имел наиболее начальственный пил. В его ухе болталась всего одна серьга, зато с драгоценными камнями.

— Джентльмены, — провозгласил Безоар, снова вставая, — позвольте представить вам бригадного генерала запаса армии США Маклина, объединившего орегонские кланы холнистов и принявшего командование силами освобождения Америки.

Гордон неуклюже встал. Он не верил собственным глазам: более странных личностей, чем генерал и двое его подручных, ему прежде не доводилось видеть.

Бороды и серьги, а также веревочки с «трофеями», служившими церемониальными украшениями, ему уже встречались. Но шрамы... Они густо покрывали не только лица вошедших, но и каждый участок кожи на руках и на шее — все, что не скрывала одежда. Над шрамами когда-то потрудились хирурги, о чем говорили сохранившиеся следы швов; при этом бугрящиеся мышцы и одновременно выпирающие сухожилия производили странное впечатление.

Гордону пришло на ум, что он когда-то уже наблюдал нечто похожее. Правда, он не мог сразу вспомнить, где и когда именно.

Уж не стали ли бедолаги жертвами послевоенной эпидемии — свинки или тироидной гипертрофии?

В следующее мгновение Гордон узнал гориллоподобного адъютанта Маклина: именно этот урод набросился на него на берегу Кокилла и уложил наземь, прежде чем он успел пошевелить пальцем.

Ни один из троих не принадлежал к новому поколению доморощенных феодалов — молодых силачей, навербованных по всему южному Орегону. Нет, эти успели возмужать еще до Светопреставления, однако время нисколько их не состарило. Генерала Маклина, к примеру, отличали настолько мягкие, кошачьи движения, что наблюдая их невольно брала оторопь. Он не терял времени на любезности: кивнув головой в сторону Джонни, генерал дал понять Безоару, каковы его намерения.

— Ах да, — протянул Безоар, изящно поводя рукой, — мистер Стивенс, будьте так добры, перейдите в сопровождении этих джентльменов в ваш... номер. Генерал желает переговорить с вашим начальником с глазу на глаз.

Джонни взглянул на Гордона. Кивни тот сейчас, Джонни устроил бы свалку. Гордон даже поежился, видя столь беззаветную преданность. Он никогда не стремился к тому, чтобы его боготворили.

— Возвращайся, Джонни, — молвил он. — Я присоединюсь к тебе позднее.

Двое гигантов вывели Джонни вон. Дождавшись, когда стихнут шаги за дверью, Гордон обернулся к предводителю холнистов. Он был полон самых решительных намерений. Здесь, в стане врага, он не сожалел о необходимости лицемерить. Если для того, чтобы одурачить этих выродков, ему придется лгать напропалую, он с радостью это сделает. Он гордо расправил на себе форму, готовясь к своему самому величественному представлению.

— Брось! — пролаял Маклин, вытянув вперед свою длинную мускулистую руку. — Одно слово о Возрожденных Соединенных Штатах — и я запихну тебе в глотку твою паршивую форму.

Гордон остолбенел. Безоар ухмылялся.

— Боюсь, я сказал вам далеко не все, господин инспектор. — Теперь в голосе Безоара звучал неприкрытый сарказм. Нагнувшись, он выдвинул один из ящиков стола. — Едва услыхав о вас, я немедленно направил людей по вашим следам. Кстати, вы правы, говоря, что холнизм кое-где не слишком популярен. Пока. Две наши группы так и не вернулись.

Генерал Маклин щелкнул пальцами.

— Не тяните резину, Безоар! Я занят. Пусть введут того кретина.

Безоар послушно кивнул и дернул веревку на стене. Гордону оставалось только догадываться, что он хотел найти в своем столе.

— Но одна из групп столкнулась в Каскадных горах, в ущелье к северу от Крейтер-Лейк, с кучкой отчаянных субъектов. Возникли разногласия, большая часть субъектов полегла, однако нам удалось уговорить одного из тех, кто выжил...

Послышались шаги, занавес с бахромой раздвинулся. Смазливая блондинка пропустила в комнату побитого человека с перевязанной головой. Его комбинезон все той же защитной расцветки был залатанным и выцветшим, на поясе болтался нож, а из уха свисала маленькая сережка. Он не поднимал глаз от пола. Этот «мастер выживания» определенно не слишком обрадовался, что оказался в таком обществе.

— Я бы представил вас этому новобранцу, господин инспектор, — продолжал Безоар, — но вы, кажется, и так знакомы.

Гордон растерянно покрутил головой. Что здесь происходит? Он никогда в жизни не встречался с этим человеком!

Безоар легонько хлопнул понурого незнакомца

по спине, заставляя его поднять глаза.

— Утверждать не могу... — сказал новоявленный последователь Холна, рассматривая Гордона. — Возможно, это и он. Незначащая встреча, малозначительное происшествие...

Гордон непроизвольно стиснул кулаки. Знакомый голос!

— Это ты, мерзавец!

Несмотря на отсутствие горской шляпы, Гордон вспомнил эти припорошенные сединой бакенбарды и болезненную худобу. Роджер Септен был сейчас куда менее безмятежен, чем в их предыдущую встречу на иссушенном горном склоне, когда он участвовал в нападении на Гордона и еще издевался над ограбленным, обреченным на неминуемую смерть.

Безоар удовлетворенно кивнул.

— Можешь идти, рядовой Септен. Полагаю, твой офицер найдет для тебя подобающее поручение.

Бывший грабитель, а до того — биржевой маклер обреченно кивнул и вышел, больше ни разу не взглянув на Гордона и не произнеся ни слова.

Только сейчас до Гордона дошло, как он сглупил. Ему следовало притвориться, что он не узнает этого доходягу. Впрочем, вряд ли бы это

что-либо изменило: Маклин казался убежденным в своей правоте.

— Продолжайте! — приказал генерал адъютанту.

Безоар снова полез в ящик стола. На свет появилась маленькая потрепанная тетрадка в черной обложке, которую Безоар протянул Гордону.

— Узнаете? Здесь стоит ваше имя.

Гордон прикрыл глаза. Да, это его дневник... тот, что украли вместе с остальным его добром Септен с дружками за несколько часов до того, как он набрел на разбитый почтовый джип и начал свою новую карьеру — карьеру почтальона.

Как он тогда оплакивал утрату! Ведь в дневнике содержалось описание всего его маршрута с тех пор, как он покинул Миннесоту семнадцать лет тому назад, и его впечатления о жизни в Америке, потерпевшей полный крах...

Однако теперь появление этой тетрадки означало для него полный провал. Он тяжело опустился на стул, мгновенно лишившись сил. О, как зло подшутили над ним силы преисподней! В конце концов он пал-таки жертвой собственной лжи.

На страницах дневника не было ни единого упоминания о почтальонах, «возрождении», Соединенных Штатах, а только правда, голая

правда.

13

НАТАН ХОЛН
УТРАЧЕННАЯ ИМПЕРИЯ

"Сегодня, когда близится к концу двадцатый век, считается, что величайшее противостояние нашего времени — это борьба так называемых «левых» с так называемыми «правыми»; но и те, и другие — всего лишь чудища, орудующие в сфере вымышленной политической жизни. Мало кто осознает, что эти так называемые оппоненты — на самом деле два лика одного и того же смертельно больного зверя. Большинство поражено слепотой, препятствующей миллионам разглядеть, как их обводят вокруг пальца с помощью этой фикции.

Однако так было не всегда. И так не пребудет вовеки. В других работах я говорил об иных системах: о чести, возведенной в абсолют в средневековой Японии, о славных дикарях — американских индейцах, о блистательной Европе того периода, который именуется неженками-истори-

ками «эпохой средневековой тьмы».

История снова и снова преподносит нам один и тот же урок: во все эпохи кто-то командовал, кто-то повиновался. Вот взаимоотношения подчиненности и силы, отличающиеся достоинством и естественностью! Мы как вид всегда жили при феодализме, с тех самых пор, как, сбившись в дикие стаи, устрашали друг друга криками с вершин холмов. Таким оставался наш образ жизни, пока люди не были совращены, пока сильные не стали внимать жалкому лепету — пропаганде слабых.

Вспомните, как обстояло дело в Америке на заре девятнадцатого века. Тогда неограниченные возможности развития подавили болезненные ростки так называемого «Просвещения». Победоносные солдаты революции смели английское разложение с территории континента. Граница была открыта, и крепкий дух индивидуализма гордым стягом реял над новорожденной нацией.

Именно дух индивидуализма вдохновлял Аарона Бэрра, когда он двинулся на

завоевание новых территорий за пределами первых тринадцати колоний. Он мечтал о том, о чем мечтается всякому мужчине — о могуществе, завоеваниях, империи!

Каким бы стал мир, если бы он одержал победу? Смог бы он помешать появлению этих недоносков, этих уродливых близнецов — капитализма и социализма?

Кто знает! Я буду говорить о том, во что я верю. Вера моя — в том, что до Эры Величия было тогда рукой подать, она должна была вот-вот родиться!

Однако Бэрр оказался повержен прежде, так и не сумев свершить больше, нежели просто покарать Александра Гамильтона, служившего игрушкой в руках предателей. Может показаться, что главным его противником выступал президент Джефферсон — двурушник, лишивший Бэрра президентства. Однако на самом деле заговор проник гораздо глубже.

Приводные ремни находились в руках злого гения — Бенджамина Франклина [Бенджамин Франклин (1706-1790)

— один из основателей Соединенных Штатов, входил в число авторов Декларации независимости США. Кроме того, Франклин был Почтмейстером сначала Филадельфии, а затем и всех 13 североамериканских колоний]. Это он верховодил интригой, поставившей целью удушить империю еще в зародыше. У него было слишком много подручных, которых не сумел одолеть даже такой могучий боец, как Бэрр.

Главным же его инструментом служил Орден Цинцинната..."

Гордон захлопнул книгу и бросил ее рядом с соломенным тюфяком заглавием вниз. Как могли найтись у подобного бреда читатели, не говоря уж об издателях?

Ужин остался позади, но в сарае было еще достаточно светло, чтобы читать, ибо солнце впервые за несколько дней выглянуло из-за облаков. Однако по спине Гордона ползали холодные мурашки, а в голове звучали заклинания сумасшедшего.

«Злой гений Бенджамин Франклин...»

Натан Холн нащупал верную струну, утверждая, что «Бедный Ричард» был далеко не про-

стым издателем и философом, совмещавшим к тому же страсть к научному экспериментаторству с вульгарным распутством. Если бы Холн не передергивал в цитировании, то можно было бы согласиться, что Франклин стоял в центре необычных событий. После Войны за независимость и впрямь случилось нечто странное, что заставило отступить людей, подобных Аарону Бэрру, и привело к созданию государства, знакомого Гордону.

Однако помимо этого Гордона поразил размах безумия Холка. Безоар с Маклином, должно быть, тоже совершенно выжили из ума, если воображают, что такие бредни сделают из него их единомышленника!

На самом деле книга произвела на него совершенно противоположное впечатление. Он был готов погибнуть при извержении вулкана, лишь бы таковой пробудился прямо здесь, в Агнесс, и погубил все это змеиное гнездо.

Где-то неподалеку плакал младенец. Сколько Гордон ни всматривался, ему удалось разглядеть в сумерках только неясные фигуры, снующие в ближней роще. Прошлым вечером в Агнесс пригнали новых пленных. Они со стонами ползали теперь вокруг костра, который им позволили

развести, не рискуя сунуться под какую-нибудь крышу.

Гордона и Джонни ожидала перспектива оказаться среди этих несчастных, если Маклин не получит от них желанного ответа. «Генерал» все больше терял терпение. Ведь, с его точки зрения, Гордон отвечал отказом на вполне разумное предложение.

Оставалось совсем немного времени, чтобы принять окончательное решение. В ближайшую же оттепель холнисты возобновят наступление, независимо от того, согласится он на сотрудничество с ними или нет. Ему практически не оставили выбора.

Непрошенные воспоминания о Дэне все время теснились у него в голове. Он скучал по ней, гадал, жива ли она; ему очень не хватало ее прикосновений, и он уже готов был смиренно выслушивать ее бесконечные вопросы.

Теперь, конечно, поздно помешать ей и ее последовательницам, сколь ни безумны их замыслы. Гордон недоумевал, почему Маклин не торопится порадовать его вестью о новом несчастье, постигшем самодеятельную Армию долины Уилламетт.

«Всему свое время», — мрачно думал он.

Джонни закончил промывать донельзя истертую зубную щетку — единственную вещь, которой они с Гордоном владели на пару. Усевшись рядом с ним, юноша поднял с соломы биографию Бэрра. Осилив несколько страниц, он недоуменно вскинул брови.

— Конечно, наша школа в Коттедж-Гроув не больно хороша по довоенным стандартам, зато дедушка только и делал, что подсовывал мне книжки, и много рассказывал об истории и тому подобном. Даже я понимаю, что этот самый Холн добрую половину своей писанины высосал из пальца. Непонятно, как ему удалось тиснуть подобную книжицу? Неужели ему хоть кто-то поверил?

— Это называется «большая ложь», Джонни, — отозвался Гордон. — Главное — делать вид, будто ты разбираешься в том, о чем толкуешь, и приводишь подлинные факты. Болтай без умолку, сплетай клубок лжи, разоблачай мнимые заговоры и повторяй свои домыслы снова и снова. Те, которые ждут оправдания собственной ненависти и клевете, — возомнившие о себе невесть что слабаки — ухватятся за любое самое примитивное объяснение вселенского устройства. Такие никогда не упрекнут тебя в передергивании

фактов. Это великолепно получалось у Гитлера, потом у Мистиков с востока. Холн — всего лишь новый мастер Большой Лжи.

«А ты сам?» — упрекнул себя Гордон. Разве он, изобретатель басни о Возрожденных Соединенных Штатах и пособник лгунов из окружения Циклопа, имеет право бросать в других камни?

Джонни почитал еще несколько минут и снова отвлекся.

— А что это за Цинциннат? Его тоже выдумал Холл?

Гордон откинулся на солому и ответил, не открывая глаз:

— Нет. Если я правильно помню, так звали великого древнеримского полководца времен Республики. Легенда гласит, что, устав от битв, он оставил армию и принялся мирно обрабатывать землю. Но как-то раз к нему явились посланцы города: римские армии оказались разгромлены из-за бездарности их военачальников. Катастрофа неминуема. Гонцы нашли Цинцинната за плугом и стали умолять его, чтобы он возглавил последний оборонительный бой...

— Что же ответил Цинциннат посланникам Рима?

— А он, — Гордон зевнул, — и не подумал

отказываться. Хотя ему не больно хотелось возвращаться к ратным трудам. Он возглавил римлян, отбросил захватчиков, а потом гнал их до того города, откуда они выступили. В общем, одержал громкую победу.

— Держу пари, римляне провозгласили его царем, — сказал Джонни.

— Армия именно этого и хотела. Народ — тоже... Но Цинциннат послал их всех куда подальше, возвратился к себе на ферму и больше не казал оттуда носа.

— Непонятно... — Джонни почесал в затылке. — Почему он так поступил?

Гордон, напротив, отлично понимал легендарного героя, тем более сейчас, наученный горьким опытом. Не так давно он получил разъяснение истинных причин людских поступков и никогда его не забудет.

— Гордон?

Он ничего не ответил. Его внимание привлек неясный шум снаружи. Сквозь щель в досках сарая он увидел кучку людей, поднявшихся на холм со стороны реки. Там только что пристала к берегу лодка.

Джонни пока ничего не замечал. Он задавал вопрос за вопросом — и так продолжалось с тех

пор, как они пришли в себя после мучительного пути. Этот юнец, подобно Дэне, не упускал любой возможности пополнить свои познания.

— Рим — это задолго до американской революции, правда, Гордон? Тогда что это за... — он заглянул в книгу, — Орден Цинцинната, о котором говорит Холн?

Гордон наблюдал за тем, как процессия приближается к их сараю. Двое невольников несли на носилках раненого, их сопровождали солдаты-холнисты в хаки.

— Орден Цинцинната основал после Войны за независимость Джордж Вашингтон, — рассеянно отозвался он. — Основными членами Ордена стали его офицеры...

Он запнулся, видя, как открывается дверь. Оба узника уставились на невольников, опустивших на солому носилки. Потом они вместе с охранниками исчезли, не проронив ни слова.

— Он тяжело ранен, — сказал Джонни, осмотрев распростертое на соломе тело. — Повязку не меняли уже несколько дней.

Гордон вдоволь нагляделся на раненых за годы? минувшие с того дня, как весь его второй курс колледжа забрали в ополчение; и еще он вдоволь наслушался кустарных диагнозов, пока служил

во взводе у лейтенанта Вана. Ему хватило одного взгляда, чтобы понять: пулевые ранения можно было бы вылечить, если бы за дело взялись вовремя и всерьез. Сейчас же от неподвижной фигуры на соломе пахло надвигающейся смертью. На руках и ногах несчастного виднелись следы пыток.

— Надеюсь, он не открыл им правды, — пробормотал Джонни, стараясь уложить умирающего поудобнее. Гордон помог ему подоткнуть одеяло. Он никак не мог сообразить, откуда взялся этот несчастный. На бойца с реки Уилламетт он не был похож. В отличие от большинства мужчин из долины Камас и Розберга, он до недавних пор регулярно пользовался бритвой. Несмотря на явно жестокое обращение в последние дни, когда его захватили в плен, у него еще оставалась довольно мощная мускулатура: это означало, что его миновала невольничья доля.

Внезапно Гордон отпрянул от умирающего и удивленно заморгал глазами.

— Джонни, гляди! Ты видишь то же, что и я?

Джонни проследил за его жестом и откинул одеяло.

— Будь я неладен... Гордон, это похоже на форму!

Гордон кивнул. Да, это была форма, к тому же

определенно довоенного пошива. Она абсолютно не походила ни на комбинезоны холнистов, ни на любую другую одежду, которую им приходилось видеть в Орегоне. На плече умирающего была нашивка с эмблемой, которую Гордон разглядывал, не веря собственным глазам: золотой фон и бурый медведь, стоящий на задних лапах на красной ленте... [изображение на флаге штата Калифорния]

* * *

Через некоторое время за Гордоном снова пришли — уже знакомый эскорт плюс невольник с фонарем.

— Этот человек умирает, — сказал Гордон старшему в карауле.

Молчаливый холнист с тремя серьгами буркнул:

— Ну и что? Сейчас к нему пришлют женщину. Пошевеливайся! Генерал ждет. По пути им встретилась на освещенной луной тропе фигура, бредущая в противоположном направлении: обвисшие плечи, глаза, прикованные к тазику с бинтами и мазями; женщина посторонилась, хотя охранники ее вообще не заметили. В последний момент она все-таки подняла глаза, и Гордон

узнал ту самую маленькую седеющую брюнетку, которая несколько дней назад забирала в починку его форму. Он попытался ободряюще улыбнуться ей, однако это лишь повергло ее в панику. Она втянула голову в плечи и скрылась в темноте.

Гордон понуро ковылял за стражниками. Женщина чем-то напомнила ему Эбби. Его ни на минуту не оставляла тревога за друзей в Пайн-Вью: ведь холнистская разведка, наткнувшаяся на банду мародеров с его дневником, побывала в опасной близости от деревни. Выходит, угроза нависла не только над островком цивилизации в долине Уилламетт.

Он понимал, что никто не может теперь считать себя в безопасности — кроме разве что Джорджа Паухатана, которому ничто не угрожает на его Сахарной Голове, где он ухаживает за пчелами да знай себе варит пиво, пока остальной мир сгорает в огне.

— Мне начинают надоедать ваши увертки, Кранц, — сообщил генерал Маклин, когда охранники оставили его наедине с пленником в заставленной книгами комнате в избушке лесника.

— Вы ставите меня в трудное положение, генерал. Я все еще изучаю книгу, полученную от

полковника Безоара, стараясь понять...

— Хватит болтать? — Маклин подошел к Гордону почти вплотную. Даже при взгляде сверху обезображенное лицо низкорослого холниста выглядело устрашающе. — Я знаю людей, Кранц. Вы достаточно сильны, из вас выйдет славный вассал. Но вас разъедает чувство вины и прочие яды «цивилизации». Вы настолько пропитаны ими, что я начинаю склоняться к мнению: пожалуй, вы — бесполезный шлак.

Смысл этих слов был совершенно ясен. Гордон сделал над собой усилие, чтобы унять дрожь в коленях.

— Вы могли бы стать бароном Корваллиса, Кранц. Это высокий титул в нашей нарождающейся империи. Можете даже предаваться своим старомодным пристрастиям, если вам так хочется и если вы достаточно сильны, чтобы это выдержать. Вам хочется быть хорошим со своими вассалами? Хочется плодить почтовые отделения? Что ж, мы могли бы даже не лишать вас ваших Возрожденных Соединенных Штатов. — Маклин ухмыльнулся, обдав Гордона тяжелым запахом изо рта. — Об этом вашем черненьком дневничке известно только Чарли и мне, и мы до поры до времени о нем не распространяемся.

Поймите, дело не в том, что вы мне нравитесь. Просто сотрудничество с вами было бы для нас полезно. Вы могли бы управляться с этими умниками в Корваллисе лучше, чем кто-либо из моих ребят. Мы даже согласились бы не выключать тамошнего Циклопа, если от него есть прок.

Значит, холнисты еще не пронюхали, что реально стоит за легендой о суперкомпьютере... Конечно, это не имело для них особого значения: им всегда было наплевать на технику, которая не помогает воевать. Пользу из науки извлекали преимущественно слабые.

Маклин вытащил из камина кочергу и похлопал ею по ладони.

— В противном случае мы захватим Корваллис уже этой весной. Если только вы не пойдете на попятный, он полыхнет, уж будьте уверены! Тогда никаких почтовых отделений, сынок! И всяких там умных машин!

Маклин указал кочергой на лист бумаги на столе. Рядом стояла чернильница с ручкой. Гордон хорошо понимал, что от него требуется.

Если бы от него не домогались ничего другого, кроме согласия сотрудничать с будущей империей холнистов, он бы давно уступил, притворился бы, что играет в их игры, пока не по-

явится возможность бежать. Однако Маклин был осмотрителен. Он требовал от Гордона, чтобы тот написал в Совет Корваллиса письмо и убедил своих друзей в необходимости сдать несколько ключевых опорных пунктов. Это послужило бы доказательством доброй воли, предшествующим его освобождению.

Естественно, при этом ему оставалось лишь верить генералу на слово, ожидая, что его произведут в «бароны Корваллиса». Однако Гордон сомневался, что генерал будет придерживаться данного слова, так как не собирался держать своего.

— Может быть, вы питаете иллюзию, будто мы недостаточно сильны, чтобы покончить с вашей жалкой «армией долины Уилламетт» без вашего содействия? — Маклин рассмеялся и повернулся к двери. — Шон! — позвал он.

Гориллоподобный телохранитель Маклина явился на зов бесшумно, как привидение. Он закрыл за собой дверь и, подойдя к генералу строевым шагом, замер по стойке смирно в ожидании приказаний.

— Должен вас кое во что посвятить, Кранц. Шон, я и тот проворный кот, который взял вас в плен, — последние из людей особого сорта. — Го-

лос Маклина звучал теперь доверительно. — Дело это было сверхсекретное, но до вас могли дойти кое-какие слухи. Речь об экспериментах, целью которых являлось создание особых, прежде невиданных боевых подразделений.

Наконец-то все стало на свои места, получило объяснение: неправдоподобная прыть генерала, шрамы, избороздившие его самого и его двоих подручных...

— «Приращенные»!

Маклин кивнул.

— Молодец! Вы были достаточно наблюдательны для зубрилы из колледжа, расслабленного долбежкой психологии и этики.

— Но мы-то считали, что за слухами ничего не стоит! Вы хотите сказать, что они действительно поработали с солдатами так, что те...

Он запнулся, глядя на выступающие бугры мускулов на голых руках Шона. Значит, правда — как ни трудно с этим смириться. Иного рационального объяснения не существовало.

— Нас впервые опробовали в Кении. Результаты боя пришлись правительству по вкусу. Только, боюсь, они схватились за головы, когда после примирения мы вернулись домой.

Гордон смотрел, как Маклин протянул кочергу

телохранителю. Тот взялся за конец, но не всей рукой, а лишь пальцами, сложив их щепотью. Маклин таким же образом сжал свой конец кочерги. Каждый стал с силой тянуть в свою сторону. При этом Маклин продолжал разглагольствовать, ничем не выказывая напряжения — у него даже дыхание не сбилось.

— Эксперимент продолжался в конце восьмидесятых — начале девяностых годов. Из нас создали специальные подразделения. Предпочтение отдавалось таким, как мы.

Чугунная кочерга не шевелилась. Оставаясь совершенно прямой, она вдруг стала растягиваться.

— С кубинцами мы расправились образцово. — Маклин не сводил взгляда с Гордона. — Но армейским не понравилось, как стали вести себя ветераны после возвращения домой. Они уже тогда опасались Натана Холна: его учение находило отклик в сердцах сильных. Программа «приращения» была свернута.

Кочерга покраснела посередине. Вытянувшись раза в полтора, она вдруг стала крошиться, как разгрызенная карамель. Гордон бросил взгляд на полковника Безоара, появившегося в комнате: тот нервно облизывал губы и вообще имел

несчастный вид. Гордон догадывался, что за мысли его преследуют.

Подобная мощь была недостижима для полковника. Ученые и больницы, где творились подобные чудеса, давно отошли в прошлое. Религия холнизма, исповедуемая Безоаром, требовала от него повиновения этим людям.

Кочерга разорвалась на две части с оглушительным звоном. Гордона обдало горячей волной. «Приращенные» воины остались стоять в прежних позах.

— Довольно, Шон. — Маклин бросил свой обломок в камин. Адъютант сделал то же, развернулся как на плацу и вышел вон. Маклин лукаво посмотрел на Гордона.

— Ну что, теперь вы не сомневаетесь, что к маю мы войдем в Корваллис? Неважно, с вами или без вас. Кстати, любой «неприращенный» солдат в моей армии стоит двадцати неповоротливых фермеров, не говоря уже о ваших потешных воях в юбках.

Гордон насторожился, но Маклин еще не закончил свою речь.

— Будь вас там хоть в десять раз больше — ваше дело безнадежно! Неужто вы думаете, что мы, «приращенные», не могли бы просочиться на

ваши укрепленные позиции и поднять там все в воздух? Да мы могли бы разнести всю вашу оборону голыми руками! Можете не сомневаться.

Он пододвинул ближе к Гордону бумагу и ручку. Гордон уставился на желтый лист. Откровения генерала только укрепили его уверенность. Он смело встретил взгляд Маклина.

— Демонстрация силы произвела на меня должное впечатление. Но тогда будьте добры, ответьте, генерал, почему вы так и не взяли Розберг?

Лицо Маклина налилось кровью. Гордон чуть улыбнулся, глядя на предводителя холнистов.

— И уж если зашла об этом речь, поясните, генерал, кто вытесняет вас из ваших собственных владений? Мне следовало догадаться раньше — есть причины, заставляющие вас торопиться. Ведь вы определенно движетесь с невольниками и всем имуществом на север. Между прочим, прежние варварские нашествия, известные в истории человечества, начинались так же, по принципу падающих одна на другую костяшек домино. Вот и скажите, генерал, кто так мощно пинает вас под зад, что вы покидаете Рог-Ривер?

Теряя над собой контроль, Маклин все же старался не отводить от Гордона взгляд.

— Уберите его отсюда! — гаркнул он, обращаясь

к Безоару.

Гордон пожал плечами и отвернулся, не желая становиться свидетелем спора.

— А когда вернетесь, мы еще разберемся с вами, Безоар... разберемся, кто нарушил конспирацию!

Гнев командира заставил шефа холнистской разведки выскочить из комнаты и поманить стражников.

Безоар лично сопровождал Гордона до места заточения, уцепившись за локоть пленника дрожащей рукой.

* * *

— Кто велел поместить здесь этого типа? — завопил полковник, обнаружив на сырой соломе умирающего, над которым хлопотали Джонни и насмерть перепуганная женщина.

— Кажется, Истермен, — пробормотал кто-то из стражи. — Он только что вернулся с фронта на Салмон-Ривер...

Салмон-Ривер! Так называется река в Северной Калифорнии...

— Заткнись! — оборвал стражника Безоар. Однако Гордон успел понять, что догадка его верна. Война велась с куда большим размахом, чем он полагал прежде.

— Уберите его отсюда. А Истермену немедленно явиться в штаб!

Охрана засуетилась.

— Эй, полегче с ним! — взвился Джонни, увидев, что раненого подхватили, как мешок с картошкой. Бросив на пленного яростный взгляд, холнистский полковник хотел выместить злобу на несчастной женщине и занес ногу для пинка, но та, наученная горьким опытом, уже успела выскользнуть за дверь.

— Увидимся завтра, — бросил Безоар Гордону. — Полагаю, вам лучше одуматься и написать в Корваллис. Ваше сегодняшнее поведение было опрометчивым.

Гордон смотрел сквозь него, как бы не замечая.

— Отношения между генералом и мной вас не касаются, полковник, — бросил он. — Обмениваться угрозами и вызовами могут только равные друг другу.

Цитата из Натана Холна отшвырнула Безоара к стене, как зуботычина. Гордон тем временем уселся на солому и заложил руки за голову, не желая более обращать внимание на бывшего юриста.

Только после ухода полковника в мрачном сарае воцарился покой, и Гордон спросил Джонни:

— Солдат с медведем на эмблеме так и не заговорил?

— Так и не пришел в сознание, — ответил Джонни, грустно покачав головой.

— А женщина? Она хоть что-нибудь сказала?

Джонни осторожно оглянулся. Остальные узники по-прежнему валялись в своих углах, уставившись на стену.

— Ни единого словечка. Зато она сунула мне вот это.

Гордон взял в руки изорванный конверт. Он мгновенно узнал его: это было письмо Дэны — то самое, которое ему вручил Джордж Паухатан на горе Сахарная Голова. Должно быть, оно затерялось в кармане его брюк и попало в руки женщине, забравшей одежду в стирку. Неудивительно, что ни Маклин, ни Безоар ни словом не обмолвились о письме.

Гордон решил, что к генералу оно попасть не должно. Как ни безумна Дэна и ее подруги, они заслуживают шанса испытать свои силы. Он принялся было рвать письмо на клочки, намереваясь после съесть, но Джонни схватил его за руку.

— Нет, Гордон! Она что-то написала на последней странице!

— Кто?! Кто написал?..

Гордон стал поворачивать бумагу то так, то этак, пытаясь разглядеть буквы в слабом лунном свете, просачивающемся в щели. Наконец он разобрал карандашные каракули: записка была написана большими буквами поверх аккуратных строчек Дэны:

...правда?
так ли свободны женщины на севере?
так ли добр и силен мужчина?
умрет ли она за тебя?

Гордон долго не спускал глаз с этих простых и грустных слов. Несмотря на снизошедшее на него смирение, его повсюду продолжали преследовать прежние призраки. Слова Джорджа Паухатана насчет мотивов, которыми руководствовалась Дэна, по-прежнему не давали ему покоя.

«Большие идеалы» все так же крепко держали его в узде.

Он не торопясь принялся жевать письмо. Не стал делиться лакомым блюдом с Джонни, а проглотил все сам, как бы видя в этом искупительную жертву.

* * *

Спустя примерно час снаружи поднялась суматоха. Оказалось, что холнисты готовятся к какой-то церемонии. От развалин главного универмага городка Агнесс маршировали под мерные удары барабанов две шеренги солдат. Они сопровождали высокого блондина, в котором Гордон узнал одного из тех, кто швырнул к ним в сарай умирающего пленника.

— Это, наверное, Истермен, — проговорил Джонни, не в силах отвести взгляд от процессии. — Уж они ему покажут, что бывает, когда не являешься с докладом к начальству после возвращения с задания!

Гордон отметил про себя, что Джонни, по всей видимости, пересмотрел слишком много фильмов про Вторую мировую войну из видеотеки в Корваллисе...

В конце шеренги солдат он узнал Роджера Септена. Даже в неярком лунном свете нетрудно было убедиться, что бывший грабитель с горной тропы дрожит как осиновый лист и с трудом удерживает в руках винтовку.

Адвокатский голос Чарлза Безоара тоже звучал нетвердо, когда он зачитывал обвинения. Истер-

мен стоял спиной к толстому стволу дерева. Лицо его ничего не выражало, на груди висела веревка с трофеями, смахивающая то ли на патронташ, то ли на гроздь медалей.

Безоар посторонился, пропуская вперед генерала Маклина. Тот пожал осужденному руку, поцеловал в обе щеки и отступил, чтобы полюбоваться казнью. Сержант с двумя серьгами прокричал команду. Расстрельный взвод стал на одно колено и прицелился. Прогремел залп.

Не стрелял только Роджер Септен, свалившийся в обморок.

Высокий блондин лежал в луже крови под деревом. Гордон вспомнил умирающего пленника, который пробыл рядом с ними так недолго, но о многом успел поведать, даже не открыв глаз.

— Спи спокойно, калифорниец, — прошептал он. — Ты унес с собой на тот свет еще одного врага. Вот и всем нам так же бы не оплошать...

14

В ту ночь Гордону приснился великий Бенджамин Франклин, играющий в шахматы с неуклюжей железной печуркой.

— Проблема заключается в противовесах, — объяснял седовласый ученый и государственный муж, обращаясь к своему изобретению, но игнорируя при этом Гордона. Глаза Франклина не отрывались от шахматной доски. — Я об этом немало размышлял. Как создать социальную систему, которая поощряла бы каждого на бескорыстный труд, но при этом не отказывала бы в сострадании слабым и искореняла безумцев и тиранов?

За раскалившейся решеткой печурки билось пламя, ритмом своих прыжков напоминая танцующие огоньки Циклопа. Пламя как будто вопрошало: «Кто возьмет на себя ответственность?»

Франклин сделал ход белым конем.

— Хороший вопрос, — молвил он, откидываясь в кресле. — Превосходный. Разумеется, ограничители и противовесы можно предусмотреть в конституции, однако все это будет бессмысленно,

если граждане сами не обеспечат серьезного соблюдения всех гарантий. Алчность и властолюбие всегда будут искать способ обойти закон или вывернуть его наизнанку — для собственной пользы.

Пламя немного унялось, и по доске сама собой двинулась черная пешка.

«Кто?..»

Франклин вытер платком вспотевший лоб.

— Мечтающие стать тиранами, вот кто... У них существует для этого извечный набор методов: манипулирование простым человеком, ложь, уничтожение в человеке веры в себя. Говорят, что «власть разлагает», однако правильнее было бы сказать «власть влечет продажных». Нормального человека обычно привлекает не власть, а другие ценности. Даже обретая власть, такой человек относится к ней как к служению, а у служения имеются свои пределы. Тиран, напротив, стремится к господству, не может им насытиться и неукротимо рвется приумножать его.

«...за детей неразумных», — тянуло свое пламя.

— Да, — кивнул Франклин, протирая очки. — И все же я верю, что некоторые новшества способны помочь. К примеру, правильно поданные мифы. И потом, уж если Господь вознамерился

принести кого-то в жертву... — Он потянулся за ферзем, немного поколебался и перенес хрупкую фигурку из слоновой кости через всю доску, почти вплотную к раскаленной решетке.

Гордону хотелось крикнуть, предупредить. Ферзь оказался в крайне опасном положении: рядом не было даже пешек, чтобы его защитить.

Его страхи быстро оправдались: мгновение — и там, где только что стоял белый ферзь, уже возвышался, попирая кучку пепла, черный король.

— Боже, нет! — застонал Гордон. Даже во сне, охваченный горячкой, он знал, что происходит и что символизируют эти события.

«Кто возьмет на себя ответственность?» — снова потребовала ответа печь.

Франклин ничего не сказал, а только еще глубже откинулся в кресле. Потом кресло заскрипело: шахматист обернулся. Он смотрел на Гордона в упор.

— И ты?! — содрогнулся Гордон. — Чего вы все хотите от меня?

Красная рябь пламени. Улыбка Франклина.

* * *

Очнувшись, он беспокойно заворочался. Но тут над ним склонился Джонни Стивенс.

— Гордон, взгляни-ка! — зашептал Джонни. —

Что это там с нашей охраной?

Гордон сел, протирая глаза.

— Где?

Пришлось перебираться к восточной стене сарая, ближе к двери. Привыкнув к лунному свету, Гордон разглядел двоих холнистов, охранявших сарай.

Один лежал у скамьи с широко разинутым ртом, уставившись пустым взглядом в облака. Другой еще цеплялся за жизнь: он елозил руками по земле и пытался подползти к своей винтовке. В одной руке он сжимал нож, поблескивающий в пламени затухающего костра. У его коленей валялась в бурой лужице пивная кружка.

Еще несколько секунд — и второй часовой тоже уронил голову, немного подергался и застыл.

Гордон и Джонни переглянулись и, не сговариваясь, попробовали на прочность дверь. Замок оказался на месте. Джонни просунул руку в самую большую щель в стене, надеясь уценить охранника за форму и подтащить поближе.

— Вот бы достать ключи! Черт, слишком далеко...

Гордон налег на дверь. Сарай казался настолько шатким, что его вполне можно было бы разобрать по ласточкам. Однако ржавые гвозди издали

такой отчаянный скрип, что у него волосы зашевелились на голове.

— Что предпримем? — спросил Джонни. — Если дружно подналечь, то можно вырваться. Потом к реке, в каноэ...

— Тес! — одернул его Гордон. В темноте кто-то двигался. Маленькая фигурка перебегала от дерева к дереву, приближаясь к застывшим часовым.

— Это она! — прошептал Джонни. Гордон тоже узнал темноволосую служанку, ту самую, что сделала трогательную приписку к посланию Дэны. Он наблюдал, как она, превозмогая страх, заставила себя наклониться сначала к одному, потом ко второму часовому, проверяя, дышат ли они.

Женщина дрожала всем телом и жалобно скулила, пока искала на поясе у одного из них ключи: для этого ей пришлось дотронуться до мерзких трофеев. Наконец она завладела побрякивающей связкой.

Последовала возня с замком, во время которой все трое едва не лишились чувств — так он скрипел. Потом дверь отворилась, выпуская пленников. Первым делом они обшарили тела часовых, завладели их ножами, патронами, винтовками; потом оттащили тела в сарай и снова повесили на дверь замок.

— Как твое имя? — спросил Гордон съежившуюся от страха служанку, опускаясь рядом с ней на колени. Не открывая глаз, она еле слышно ответила:

— Хетер...

— Почему ты помогла нам, Хетер?

Она распахнула изумрудно-зеленые глаза.

— Ваша... ваша женщина писала... — Она сделала над собой усилие, чтобы не потерять голос. — Я не верила рассказам старух о прежней жизни. Но потом пленные стали говорить о том, как живется у них на севере. А тут еще вы... Вы не станете сильно бить меня за то, что я прочла ваше письмо?

Она опять съежилась, когда Гордон протянул руку, чтобы погладить ее по щеке. Нежность была ей совершенно неведома. Он мог бы наговорить ей кучу утешительных слов, но прибег к простейшим, которые она наверняка поймет:

— Я вообще не стану тебя бить. Никогда.

Рядом возник Джонни.

— Гордон, каноэ стережет всего один человек. Кажется, я знаю, как к нему подобраться. Какой бы он ни был бестией, нам на руку то, что он ни о чем не подозревает. Мы зайдем сзади и...

Гордон кивнул.

— Только нам придется взять с собой и ее.

Джонни разрывался между состраданием и практическими соображениями. Несомненно, он считал своим первейшим долгом спасти Гордона.

— Но...

— Они поймут, кто отравил часовых. Если она останется, они ее распнут.

Джонни недолго колебался; сомнения его были разрешены, и он опять рвался в бой.

— О'кей. Тогда побудем медлить.

Но Хетер удержала Гордона за рукав.

— У меня есть подруга, — сказала она и помахала кому-то в темноте.

Из тени деревьев выступила стройная фигура в брюках и в рубахе на несколько размеров больше, чем нужно, перехваченной широким ремнем. Даже в этом одеянии ее было нетрудно узнать. Любовница Чарлза Безоара собрала свои светлые волосы в узел на затылке; в руках она держала какой-то сверток. Она нервничала еще больше, чем Хетер.

Гордон понимал: ей есть что терять. То, что-она решилась довериться двум сомнительным чужакам с неведомого севера, свидетельствовало об отчаянии.

— Ее зовут Марси, — сказала Хетер. — Мы сомневались, возьмете ли вы нас с собой, поэтому она прихватила кое-что для вас.

Марси развернула трясущимися руками черный брезент.

— В-ваша п-почта… — проговорила она и осторожно протянула Гордону письма, не смея больше держать в руках такое богатство.

Гордон едва не расхохотался, увидев эту кипу мусора, однако сразу посерьезнел, обнаружив тут же черную тетрадку. Он заморгал, представляя себе, на какой риск она пошла, чтобы добыть дневник.

— Ладно, — сказал ой, забирая сверток и снова перетягивая его веревкой. — Не отставайте и не шумите. Когда я махну — вот так, — пригнитесь и дожидайтесь нас.

Женщины молча кивнули. Гордон собирался спускаться к реке первым, но Джонни успел его опередить.

«Ладно, не спорь, — велел Гордон самому себе. — Парень действует правильно, черт его побери!»

Чувство свободы было восхитительным. Но, как всегда, его сопровождал проклятый Долг.

Ненавидя себя за то, что снова приходится

играть роль важной персоны, он пригнулся и побежал за Джонни, показывая женщинам дорогу к каноэ.

15

Выбирать направление движения не приходилось. С наступлением весны река Рог превратилась в неукротимый поток. Оставалось только отдаться на волю течения и уповать на удачу.

Джонни был горд успешным нападением на часового. Тот оглянулся лишь тогда, когда Джонни осталось сделать последние два шага, и почти не оказал сопротивления; юноша набросился на него и прикончил тремя ударами ножа. Молодого выходца из Коттедж-Гроув переполняло сознание собственной доблести, поэтому он старался не ударить в грязь лицом, когда помогал женщинам переходить в лодку и выгребал на середину реки.

У Гордона не хватило духу раскрыть парню глаза: он видел лицо убитого, когда они раскачивали труп, чтобы бросить его в реку. Бедняга Роджер Септен казался удивленным и даже обиженным — супермену-холнисту не полагалось умирать с таким выражением на лице.

Гордон припомнил, как впервые в жизни стрелял в грабителей и поджигателей почти два десятилетия тому назад, когда еще было кому

отдавать приказы и кому подчиняться им, — до того, как ополчение распалось, растворившись в толпах бунтующих, на усмирение которых и было брошено. Первое убийство не вызвало в нем гордости: ночью он плакал, горюя о загубленных душах.

Но теперь настали иные времена, и убить холниста считалось, безусловно, благим делом.

Прежде чем отчалить, они продырявили все остальные каноэ. Каждое мгновение задержки грозило бедой, но необходимо было избавиться от преследования. Кроме того, первое поручение наполнило женщин гордостью, и они взялись за него с энтузиазмом. С каждым пробитым днищем их пугливость убывала на глазах.

Женщины устроились в центре каноэ, и Гордон с Джонни заработали веслами, еще не зная толком, как лучше управляться с этой посудиной. Луна ныряла за тучи и снова выныривала в едином ритме со взмахами их весел.

Совсем неподалеку беглецов подкарауливали первые пороги-Здесь уже было не до экспериментов с веслами: их несло в водяной пыли то на один страшный камень, то на другой. В горах началось таяние снегов, и река вздулась от ежесекундно пребывающей воды. В ушах стоял

оглушительный рев, лунный свет вяз в мириадах брызг. С потоком невозможно было бороться; оставалось одно — увертываться от преград и почти что ощупью направлять хрупкую скорлупку в безопасное место.

Видя, что их выносит на более спокойный участок, Гордон, снимая напряжение, веслом заставил каноэ развернуться на месте. Потом они с Джонни отбросили весла и дружно расхохотались. Марси и Хетер смотрели на них во все глаза, молча вздрагивая от только что пережитого испуга и начавшего разливаться по жилам чувства свободы. Джонни издал радостный крик и шлепнул по воде веслом.

— Здорово, Гордон! Продолжим!

Гордон, с трудом отдышавшись, вытер мокрое лицо.

— Продолжим. Только осторожно.

Они налегли на весла и через минуту снова оказались на стремнине.

— Черт! — крикнул Джонни. — Я-то думал, что тот был...

Шум воды заглушил конец фразы, но Гордон знал, о чем речь: «Я-то думал, что хуже не бывает!»

Теперь протоки между камнями стали узкими

щелями. Чудом проскочив первую щель, каноэ устремилось вперед, опасно накренившись.

— Налегай! — завопил Гордон. На сей раз ему было не до смеха: жизнь всех четверых висела на волоске.

«Надо было шути пешком... пешком... пешком...»

Неизбежное случилось скорее, чем они могли предположить, — меньше чем в трех милях вниз по течению. Плавающее бревно, внезапно вынырнувшее из-под камня в узком каньоне, потеря управления, напрасные ругательства — и все было кончено.

Алюминиевое каноэ, разумеется, пережило бы столкновение, но откуда же взяться алюминию после стольких лет войны? Скорлупка из дерева и коры развалилась на части с треском, который не смогли заглушить даже крики женщин, попавших в ледяной поток.

От холода у всех четверых перехватило дыхание. Гордон уцепился одной рукой за обломок каноэ, другой вовремя успел ухватить за волосы Хетер. Он пытался приподнять ее над водой, но она тянула его вниз, заставляя захлебываться в пене.

Наконец он нащупал ногами песчаное дно.

Собравшись с силами, Гордон рванулся из воды, волоча за собой полузахлебнувшуюся женщину, и рухнул на гниющие водоросли, которыми забросал берег взбесившийся поток.

Рядом с ним надсадно кашляла Хетер. Джонни и Марси тоже сумели выбраться из водоворота. Однако ни у кого не осталось сил, чтобы ликовать по случаю победы над стихией. Гордон мог только неподвижно лежать, пытаясь восстановить дыхание. Ему казалось, что прошла целая вечность, прежде чем до него донесся голос Джонни.

— Не больно много у нас было добра, чтобы его оплакивать. Плохо только, что у меня намокли патроны. А твоя винтовка утонула, Гордон?

— Ага. — Он сел, тяжело дыша и осторожно трогая ссадину на лбу — результат столкновения с обломком каноэ.

Остальные как будто легко отделались, хотя все четверо дружно кашляли и тряслись от холода. Позаимствованная у кого-то одежда облепила соблазнительные формы Марси, но Гордону было не до того, чтобы обращать на это внимание.

— Что нам теперь делать? — спросила она, выбивая зубами дробь.

Пожав плечами, Гордон ответил не менее дрожащим голосом:

— Для начала надо спрятать обломки кораблекрушения. — Видя изумление женщин, он пояснил: — Если они не найдут обломков, то сделают вывод, что мы успели отплыть за ночь гораздо дальше, чем на самом деле. Возможно, это наш единственный шанс на спасение. Справившись с этим делом, мы двинемся дальше посуху.

— Никогда не бывал в Калифорнии, — молвил Джонни, вынудив Гордона улыбнуться. С тех пор как обнаружилось, что у холнистов есть еще противники кроме армии долины Уилламетт и южан, паренек только об этом и думал. Идея была, что и говорить, соблазнительной: преследователям вряд ли придет в голову, что беглецы могут устремиться на юг.

Однако для этого потребовалось бы переправляться через поток. К тому же память подсказывала Гордону, что река Салмон протекает далеко к югу. Но даже если бы они сумели пропутешествовать миль двести по владениям холнистов и спасти собственные жизни, более важные соображения диктовали иное: сейчас, весной, перед самым наступлением врага, в нем и в Джонни отчаянно нуждались дома.

— Заберемся в горы и дождемся, пока погоня проскочит мимо, — сказал Гордон. — А потом

попробуем добраться до Кокилла.

Никогда не унывающий Джонни тут же взял быка за рога.

— Тогда поспешим к каноэ, — сказал он и прыгнул в ледяную воду, сразу у берега доходящую ему до пояса. Гордон вооружился длинной жердью и полез в воду с некоторой опаской. Во второй раз вода показалась ему ничуть не менее холодной, чем в первый. У него моментально свело пальцы ног.

Они вдвоем уже почти добрались до перевернувшегося каноэ, когда Джонни крикнул, показывая пальцем на середину потока:

— Почта!

Поблескивающий от воды брезентовый сверток быстро скользил прочь от них, направляясь к очередному порогу.

— Не смей! — крикнул Гордон. — Пускай плывет.

Однако Джонни уже бросился в воду и быстро поплыл за свертком, не обращая внимания на Гордона. Напрасно тот надрывался:

— Возвращайся, Джонни, дурень! Плюнь! Джонни!!!

Он в отчаянии наблюдал, как сверток и упрямый мальчишка исчезают за поворотом реки,

откуда доносился оглушительный гул. Ожесточенно бранясь, Гордон бросился в воду и поплыл что было сил, надеясь нагнать безумца. Сердце его сжимало, легкие жгло от ледяной воды. Он почти что обогнул поворот, за которым исчез Джонни, но вовремя уцепился за подвернувшуюся на счастье ветку...

Сквозь завесу водяной пыли он бессильно наблюдал, как его юного последователя затягивает вместе с черным свертком в воронку страшного водопада, оскалившегося острыми клыками и плюющегося густой пеной.

— Нет, нет!.. — хрипло повторял Гордон. У него на глазах Джонни и сверток канули в бездну.

Он все не отводил взгляд от того места, где только что барахтался его юный соратника-хотя мокрые свесившиеся волосы и ледяные брызги мешали смотреть. Время шло, бездна не отдавала свою жертву.

Наконец Гордону пришлось отступить — у него уже не было сил висеть на ветке. Он цеплялся за нее сколько мог, перебирая руками и медленно отодвигаясь от пучины, пока не достиг местечка поспокойнее. Потом, превозмогая слабость и мало что соображая, обошел удрученных женщин и принялся за каноэ.

Он подтащил расколовшуюся посудину к стене каньона и, найдя нечто вроде пещеры, принялся дробить ее там в мелкую щепу.

Даже когда от каноэ ничего не осталось, а последние кусочки коры унесло течением, Гордон продолжал ожесточенно молотить по воде, всхлипывая, как ребенок.

16

Они провели день среди сгнившей растительности под бетонной плитой бункера. Перед Светопреставлением здесь наверняка было чье-то излюбленное убежище, однако теперь оно превратилось в иссеченные пулями руины, из которых растащили все, что только можно унести.

Еще в довоенные времена Гордон читал, что некоторые уголки страны буквально нашпигованы подобными убежищами, набитыми доверху всякой всячиной. Хозяева их нашли себе хобби: они фантазировали на тему о грядущем упадке общества и собственной доблести в условиях Наступившей первозданной дикости. Плодились специальные курсы, мастерские, журналы, образовалась даже целая отрасль промышленности, обслуживавшая далеко не простых бродяг и туристов.

Некоторым из них просто нравилось предаваться мечтам, другие были достаточно безобидными чудаками, помешавшимися на ружьях. Мало кто по-настоящему шел за Натаном Холном, и почти все испытали ужас, когда их фантазии вдруг стали явью.

В конце концов одинокие «мастера выживания» вымерли в своих бункерах.

Сражения, ливни и ползучая растительность уничтожили следы пребывания здесь любителей покопаться в чужом хламе, прокатившихся несколькими волнами. Теперь бетонная плита ничем не отличалась от вековечной скалы; трое беглецов прятались под ней от холодного дождя, по очереди дежуря и забываясь сном.

Лишь один раз до них донеслись крики и шлепанье лошадиных копыт по грязи. Гордон изображал уверенность, чтобы подбодрить женщин. Он постарался замести следы, но его подопечные не дотягивали по части военной подготовки даже до разведчиц Дэны. Он сильно сомневался, что им удастся сейчас провести лучших следопытов со времен краснокожих.

Однако всадники проскакали мимо, и беглецы перевели дыхание. Гордон задремал.

В этот раз его не посетили сновидения. Он настолько лишился сил, что доступ в его подсознание для навязчивых воспоминаний оказался закрыт.

* * *

Прежде чем отправиться дальше, им пришлось дожидаться, пока выкатится луна. Предстояло выбрать одну из нескольких перекрещивающихся тропинок, однако Гордон знал, куда держать путь: ему помогал слой изморози на северной стороне древесных стволов.

Через три часа после заката они набрели на развалины деревеньки.

— Иллахи, — уверенно сказала Хетер.

— Ни одного жителя, — заметил Гордон.

Залитое лунным светом призрачное селение производило жуткое впечатление. Все, от баронского «замка» до самой нищей лачуги, было начисто обобрано.

— Солдат и невольников отослали на север, — пояснила Марси. — За последние недели так переселили много деревень.

— Они бьются на трех фронтах, — отозвался Гордон. — Маклин не преувеличивал, говоря, что к маю будет в Корваллисе. Перед ними стоит выбор: взять долину Уилламетт или умереть.

Окрестности напоминали пустынный лунный пейзаж. Кое-где росли елочки, но деревьев повыше не осталось и в помине. Гордон догадался, что

холнисты пробовали заняться здесь подсечно-огневым земледелием, однако здешним почвам было далеко до плодородной долины Уилламетт, поэтому эксперимент окончился неудачей.

Хетер и Марси шли, взявшись за руки, испуганно шарахаясь от каждой тени. Гордон помимо воли сравнивал их с Дэной и ее отважными амазонками, не говоря уже о счастливой, никогда не унывающей Эбби из Пайн-Вью. Нет, в настоящем каменном веке женскому полу не поздоровится. В этом, по крайней мере. Дэна не ошиблась.

— Давайте осмотрим большой дом, — предложил он. — Вдруг найдем какую-нибудь еду?

Женщины тут же согласились и первыми вошли в брошенный «замок» — прочный дом довоенной постройки, окруженный укреплениями.

Гордон застал их за работой: они освежевывали двух крупных немецких овчарок. Борясь с тошнотой, он сообразил, что хозяин не смог взять четвероногих друзей в путешествие по реке, хотя, несомненно, оплакивал их куда больше, чем рабов, которые перемрут как мухи во время массового исхода в обетованные земли на севере.

Мясо пахло умопомрачительно. Гордон решил подождать чего-нибудь более аппетитного. Жен-

щины оказались менее привередливыми.

* * *

Пока что им везло. Преследователи двинулись на запад, тогда как беглецы избрали противоположное направление. Возможно, люди генерала Мамина уже наткнулись на тело Джонни и ошибочно предположили, что остальные трое уходят к океану. Только время могло ответить на вопрос, сколько еще продлится их везение.

Вблизи брошенной деревни Иллахи протекал бурный поток, устремлявшийся на север. Гордон решил, что перед ними — южный рукав Кокилла. Естественно, у беглецов не оказалось под рукой лодки, однако, даже найди они что-нибудь подходящее, соваться в этот поток было бы слишком рискованно. Им предстояло и дальше брести по суше.

По правому берегу реки тянулась старая дорога. Так как у них не оставалось выбора, они побрели по ней, хотя это и было опасно. Впереди поднимались горы, подпирающие озаренные луной облака: дорога терялась за ними.

Гордон надеялся, что тут они по крайней мере наверстают время, упущенное на вязкой тропе. Он похваливал своих выносливых спутниц, за-

давая им при этом нелегкий темп движения. Ни Марси, ни Хетер ни разу не пожаловались, ни разу не взглянули на него с упреком. Гордон не знал, что заставляет их преодолевать милю за милей — отвага или смирение.

Если уж на то пошло, он не был уверен и в собственных мотивах. Чего он добивается? Права дожить до старости в лишенном света мире, пришествие которого не вызывало у него ни малейших сомнений? Призраки на время оставили его, но он был убежден, что в случае удачи они возьмутся за него с удвоенной энергией.

«Почему? — спрашивал он себя. — Неужто я — единственный оставшийся в живых идеалист из XX века? Возможно. Не исключено, что Чарлз Безоар прав: идеализм — это болезнь, самообман».

Прав и Джордж Паухатан: что проку бороться за большие идеи, за ту же цивилизацию? Результат налицо: тебе верят девчонки и мальчишки — и бессмысленно расстаются с жизнью, так ничего и не достигнув.

Прав Безоар, прав Паухатан. Даже Натан Холн, оставаясь чудовищем, правильно оценил Вена Франклина и его одержимых соратников — авторов американской конституции, которой

оболванивали легковерных. По сравнению с такими грандиозными пропагандистами Гиммлер и Троцкий показались бы жалкими любителями.

«Мы считаем эти истины не требующими доказательств!..» Ха!

Потом появился Орден Цинцинната, состоявший из офицеров Джорджа Вашингтона, которые, едва не учинив переворот, были пристыжены их суровым командиром и дали слезную клятву, что останутся фермерами и законопослушными гражданами, в солдат же будут превращаться, только если их призовет родина.

Кому пришла в голову такая неслыханная клятва? Обещание, которое дали офицеры, продержалось целое поколение — достаточно долго, чтобы успел зародиться идеал. В своих основных проявлениях идеал этот просуществовал вплоть до эры профессиональных армий и войны технологий.

Иными словами, так продолжалось до конца XX века, когда кто-то решил, что солдат надо превратить в сверхчеловеков. Мысль о Маклине и его «приращенных» ветеранах, наваливающихся на ничего не подозревающую долину Уилламетт, вызывала у Гордона тошноту. Впрочем, ни он, ни кто-либо другой не имел сил предотвратить

катастрофу.

«Ничего не поделаешь, — устало размышлял он. — Однако это не избавит меня от проклятых призраков...»

С каждой милей Южный Кокилл становился все более бурным, питаемый ручьями с окрестных гор. Зарядил тоскливый дождик; в унисон с потоком, шумевшим слева, загрохотал гром. Дорога сделала поворот, и путники увидели в небе зигзаги молний.

Гордон задрал на ходу голову и натолкнулся на внезапно замершую на месте Марси. Он хотел было подтолкнуть ее, как делал это все чаще с каждой милей. Однако на сей раз она прочно приросла к месту.

Марси обернулась, и Гордон заметил в ее глазах бессилие и отчаяние, превосходившие все, что он успел повидать за семнадцать лет войны. Пронзенный ужасным предчувствием, он обогнал ее и...

Примерно в тридцати ярдах впереди находились развалины придорожной лавки. Выцветший щит призывал окупать по бросовым ценам резные деревянные статуэтки. Рядом вросли в грязь два ржавых автомобильных остова. Там же Гордон увидел четырех лошадей и двухколесную

тележку. Под козырьком лачуги стоял, сложив на груди руки, улыбающийся генерал Маклин.

— Бегите! — крикнул Гордон женщинам, а сам нырнул в придорожный кустарник и спрятался за мшистым стволом, сжимая в руках винтовку Джонни. Он отлично знал, что поступает глупо. Возможно, у Маклина сохранилось намерение не дать ему умереть, однако в перестрелке у него нет ни малейших шансов уцелеть.

Прыгая в кусты, он следовал инстинкту: так он надеялся дать уйти женщинам, отвлекая внимание на себя. «Безмозглый идеалист!» — выругался он. Марси и Хетер так и остались стоять на дороге, прикованные к месту то ли усталостью, то ли отчаянием.

— Это вы напрасно, — проговорил Маклин со смесью любезности и смертельной угрозы в голосе. — Неужели вы воображаете, что можете меня застрелить, господин инспектор?

Гордон действительно имел-такое намерение. Все будет зависеть от того, подпустит ли его «приращенный» достаточно близко, а также от состояния боеприпасов двадцатилетней давности, искупавшихся в реке Рог.

Маклин по-прежнему не двигался. Гордон приподнял голову и разглядел рядом с ним Чарлза

Безоара. Оба выглядели отменными мишенями. Однако, передергивая затвор, Гордон внезапно спохватился: лошадей-то четыре!

Тут над его головой раздался оглушительный треск. Прежде чем он успел двинуться, его придавила к земле страшная тяжесть. Гордон разинул рот, но не смог издать ни единого звука. Чудовищная сила приподняла его в воздух за ворот. Винтовка вывалилась из его утративших чувствительность пальцев.

— Неужели этот субъект пустил в расход двоих наших парней? — проревел ему в самое ухо восторженный голос. — Такая мразь!

Минула целая вечность, прежде чем Гордон снова получил возможность дышать. Он шумно разевал рот, заботясь сейчас о кислороде куда больше, чем о своем поруганном достоинстве.

— Не забудь еще троих в Агнесс, — откликнулся Маклин. — Они тоже на его совести. Значит, его пояс могут украшать уши пяти холнистов. Наш мистер Кранц заслуживает уважения, учти это, Шон. Пригласи его сюда. Уверен, что он и его дамы будут рады погреться.

Ноги Гордона почти не касались земли, пока верзила волок его за воротник через кусты, а потом через дорогу. «Приращенный», швырнувший

Гордона на крыльцо, дышал ровно, как будто справился с былинкой.

Чарлз Безоар сверлил Марси беспощадным взглядом из-под худого козырька бывшей лавки, почти не спасающего от дождя. Лицо холнистского полковника горело от стыда и предвкушения возмездия. Однако Марси и Хетер смотрели только на Гордона.

Маклин присел рядом с ним на корточки.

— Всегда восхищался мужчинами, умеющими найти подход к дамам. Должен признать, что вы относитесь к их числу, Кранц. — Он осклабился и обернулся к своему могучему подручному: — Тащи его внутрь, Шон. Женщин ждут дела, а нам с инспектором еще надо закончить один разговор.

17

— Теперь я все зияю о ваших женщинах.

У Гордона плыло перед глазами. Ему трудно было зафиксировать на чем-то взгляд, тем более удержать в поле зрения обращающегося к нему человека.

Он болтался вниз головой, подвешенный за ноги; свисающие ладони отделяло от грязного пола фута два. Генерал Маклин восседал у камина. Он бросал взгляд на Гордона всякий раз, когда тот, вращаясь, оказывался с ним лицом к лицу. С губ генерала не сходила улыбочка.

Как ни болели у Гордона ноги и грудь, это не шло ни в какое сравнение с тяжестью прихлынувшей к голове крови. Из задней двери до него доносились тихие стоны — это было само по себе ужасно, но уже не так невыносимо, как вопли, раздававшиеся на протяжении последнего получаса. Маклин велел Безоару перевести дух и заставить женщин потрудиться. В соседней комнате находился пленный, которому требовался уход, и Марси с Хетер должны оставаться в сознании, чтобы от них был хоть какой-то толк.

Помимо этого, Маклину хотелось беседовать с

Гордоном в спокойной обстановке.

— Несколько ваших сумасшедших шпионов с Уилламетт протянули достаточно долго, чтобы подвергнуться допросу, — рассудительно объяснял холнистский командир. — Тот, что валяется в соседнем помещении, пока не выказал должной готовности к сотрудничеству, однако нам хватает донесений от наших сил вторжения, так что картина вполне ясна. Хочу отдать вам должное, Кранц: план был незаурядный. Жаль, что он не сработал.

— Понятия не имею, о чем вы, Маклин. — Каждое слово стоило Гордону немалых усилий.

— Однако ваше лицо подсказывает мне, что вы все понимаете. Бросьте притворяться! Не стоит более переживать за ваших воительниц. Они напали исподтишка, и мы понесли некоторые потери. Но куда меньшие, чем вы рассчитывали. Теперь все ваши «разведчицы с Уилламетт» погибли или попали в плен. Должен, однако, поздравить вас: попытка была недурна.

Сердце у Гордона чуть не выпрыгнуло из груди.

— Нечего поздравлять меня, подонок! Это была их собственная идея. Я знать не знал, что у них на уме.

Всего второй раз за время их знакомства Гордон заметил на лице Маклина удивление.

— Ну-ну, — сказал главарь варваров. — Это же надо: феминистки! В наше-то время! Получается, дорогой инспектор, что мы пришли на помощь бедным жителям долины Уилламетт как раз вовремя!

Он снова заулыбался.

Выносить и дальше это самодовольство было выше всяких сил. Гордон хотел любыми путями вывести бандита из равновесия.

— Вам не видать победы, Маклин. Даже если вы сожжете Корваллис, сотрете с лица земли все до одной деревни, разнесете на куски Циклопа, люди все равно не перестанут оказывать вам сопротивление!

Улыбка никуда не исчезла. Генерал только покачал головой.

— Вы считаете нас неопытными детьми? Дорогой мой, скажите, как норманны приручили гордых и многочисленных саксов? К какому тайному средству прибегли римляне, поработившие галлов? Вы — романтик, сэр, если недооцениваете могущество страха.

Маклин снова принялся обстругивать трость.

— Как бы то ни было, вы забываете еще об од-

ном: мы недолго останемся чужаками. Мы станем вербовать себе сторонников из вашего же числа. Скоро не будет отбоя от гонцов, которые разберутся, как это здорово — быть властелинами, а не рабами. В отличие от средневековой знати, мы, новые феодалы, считаем, что всем мужчинам должно быть предоставлено право сражаться за первую серьгу. Это и есть истинная демократия, дружище. Именно к ней шло дело в Америке до предательства конституционалистов. Моим собственным сыновьям придется убивать, чтобы сделаться холнистами, в противном случае им останется колупаться в грязи, прислуживая тем, кто способен на большее.

У нас будут новобранцы — более чем достаточно, уверяю вас. Благодаря значительной численности населения на севере мы уже через десяток лет создадим армию, какой не видывали с тех пор, как «франклинштейновская» цивилизация не выдержала тяжести собственного лицемерия.

— Откуда такая уверенность, что ваши враги дадут вам десять лет? — проскрипел Гордон. — Вы считаете, что калифорнийцы позволят вам пожинать лавры побед, зализывать раны и создавать армию?

— Вы мало что знаете, любезный, — ответил Маклин, пожимая плечами. — Как только мы совершим бросок на север, хлипкая южная конфедерация развалится и забудет о нас. Даже если бы этим вашим «калифорнийцам» удалось преодолеть вечные склоки и объединиться, то им все равно потребовался бы десяток лет, чтобы до нас добраться. К тому времени мы будем вполне готовы нанести по ним контрудар. Кроме того — и это самый лакомый кусочек — если им взбредет на ум преследовать нас, у них на пути вырастет гора Сахарная Голова и ваш тамошний приятель!

Маклин засмеялся, увидев удрученное выражение на перевернутом лице Гордона.

— Вы воображали, будто я ничего не знаю о вашей миссии? Зачем, по-вашему, я велел устроить засаду и доставить вас ко мне? Мне отлично известно об отказе тамошнего хозяина помогать кому бы то ни было за пределами линии, соединяющей Розберг с океаном.

Ну, разве не чудесно? Горы Каллахан — непреодолимая стена! Знаменитый Джордж Паухатан держится за свою долину и тем обеспечивает безопасность наших флангов, пока мы собираемся с силами на севере, чтобы начать Большую Кампанию!

Улыбка генерала стала задумчивой.

— Остается сожалеть, что пока не удалось сцапать Паухатана. При любом столкновении наших сил он вечно ускользает, вечно оказывается в другом месте. Впрочем, так даже лучше! Пускай торчит на своей ферме еще десяток лет, пока я не захвачу весь Орегон. А там придет и его черед. Даже если придерживаться ваших взглядов, господин инспектор, трудно не согласиться, что он заслуживает подобной участи.

Ответом на эту тираду могло быть только молчание. Маклин подтолкнул Гордона своей тростью, чтобы вращение не прекращалось, поэтому бедняга никак не мог сосредоточиться, когда на пороге распахнувшейся двери появилась пара огромных мокасин.

— Мы с Биллом обследовали гору, — доложил командиру громила, откликавшийся на кличку Шон. — Такие же следы у реки, что и раньше. Уверен, это тот черный дьявол, который снимал часовых.

«Черный дьявол... Фил?!»

Маклин усмехнулся.

— Остынь, Шон. Натан Холн не был расистом, не будь им и ты. Я всегда сожалел, что расовым меньшинствам не повезло во время бунтов и по-

слевоенного хаоса. Даже у самых сильных среди них осталось слишком мало шансов. Но взгляни на этого чернокожего солдата. Он перерезал горло троим нашим часовым! Он силен, а значит, пришелся бы нам ко двору.

Даже подвешенный вниз головой и к тому же вращающийся, Гордон не мог не заметить кислое выражение на лице Шона. Впрочем, оспаривать слова командира «приращенный» не осмелился.

— Жаль, что у нас нет времени играть с ним в игры, Шон. Что ж, иди и убей его.

Завихрение в воздухе — и гориллоподобный ветеран беззвучно исчез за дверью.

— В самом деле, мне бы хотелось предупредить вашего разведчика о надвигающейся беде, — поделился Маклин с Гордоном. — Было бы более по-спортивному, если бы он знал, что его ожидает нечто... необычное. Увы, в наше время не всегда получается играть по-честному. — Маклин опять рассмеялся.

Гордон полагал, что уже давно испытывает к нему ненависть. Однако никогда еще его не обуревала такая холодная ярость, как сейчас.

— Филипп! Беги! — крикнул он изо всех сил, надеясь, что перекричит дождь. — Берегись, они...

— Филипп! Беги! — крикнул он изо всех сил, на-

деясь, что перекричит дождь. — Берегись, они...

— Да, — молвил Маклин, — вы — мужчина, этого у вас не отнимешь. Придет срок, и я позабочусь, чтобы и умерли вы, как подобает мужчине.

— Мне не надо твоих благодеяний, — прошептал Гордон.

Маклин презрительно усмехнулся и снова принялся обстругивать трость.

Спустя несколько минут дверь приоткрылась.

— Возвращайся к женщинам! — гаркнул генерал. Чарлз Безоар поспешно ретировался в складское помещение без окон, где Марси и Хетер, по всей видимости, хлопотали над пленником, которого Гордон пока не видел.

— Сами понимаете, не всякий сильный человек вызывает симпатию, — заметил Маклин. — Впрочем, от него есть прок. Пока.

* * *

Гордон не знал, сколько времени минуло — несколько часов или считанные минуты, — прежде чем снаружи донесся пронзительный клич. Он принял было его за крик речной птицы, но стремительная реакция Маклина подсказала ему, что он ошибся: генерал вскочил и схватил масляный фонарь.

— Такое представление нельзя пропускать, — бросил он. — Наверное, ребята вышли на след зверя. Вы позволите мне оставить вас на несколько минут? — Он сгреб Гордона за волосы. — Разумеется, если вы посмеете хотя бы пикнуть в мое отсутствие, я расправлюсь с вами, когда вернусь. Обещаю!

Висящий вверх ногами не может пожимать плечами.

— Натан Холн ждет тебя в аду, — прохрипел Гордон.

— Не сомневаюсь, что в один прекрасный день мы там с ним встретимся, — с улыбкой ответил «приращенный» и выскочил в пропитанную влагой темень.

Гордон еще долго раскачивался как маятник. Потом, глубоко вздохнув, принялся за дело.

Трижды он пытался, изогнувшись, дотянуться до веревки, которая перехватывала его ноги, и трижды, не добившись желаемого, падал, чуть не теряя сознание от пронизывающей все тело боли. После третьего раза у него оглушительно зазвенело в ушах. Еще немного — и он начнет слышать голоса...

Сквозь заливающие глаза слезы он уже видел аудиторию, наблюдающую за его отчаянной

борьбой. Все призраки, которых он собрал за долгие годы, явились на представление. Полный аншлаг!

«Принимай!..» — высказался сразу за всех Циклоп: не то лампочки вспыхивали в застывшей знакомой последовательности, не то угли мерцали в камине.

— Прочь! — отмахнулся Гордон. Не до призраков ему сейчас было — ни времени, ни сил... Тяжело дыша, он готовился к новой попытке; рывок — и он перегнулся пополам...

На этот раз он ухватился-таки пальцами за мокрую от дождя веревку и уже не отпускал ее, хотя для этого ему пришлось сложиться вдвое, как карманный нож. Тело ломило от страшного напряжения, но он знал, что сдаваться нельзя. На пятую попытку у него уже не наберется сил.

Обе руки были сейчас заняты, поэтому он не мог начать отвязываться. Перерезать веревку, естественно, нечем. «Ползи? — приказал он себе. — Попробуй распрямиться, встать».

Он пополз, едва не теряя сознание от страшной боли в груди и спине, и чувствуя, что мускулы, сведенные судорогой, вот-вот откажут. Наконец он выпрямился и встал, едва не вывернув лодыжки в веревочных петлях и продолжая рас-

качиваться.

От стены ему улыбался не ведающий смущения Джонни Стивенс; улыбалась Трейси Смит и другие разведчицы. «Для мужчины очень даже неплохо», — казалось, говорили девичьи улыбки.

Циклоп восседал на облаке сверххолодного тумана, играя в шашки с дымящейся франклиновой печкой. Они тоже одобряли действия Гордона.

Теперь пленник старался добраться до узлов на ногах, однако это натянуло веревки так сильно, что у него совсем потемнело в глазах от боли. Пришлось снова выпрямиться.

Нет, не так. Бей Франклин осуждающе покачивал головой. Глаза Великого Манипулятора наблюдали за Гордоном, поблескивая над двойными стеклами очков.

«Через верх, через верх...» Гордон перевел взгляд на толстую балку, к которой была привязана веревка.

«Значит, наверх».

Он обмотал веревкой руки. «Ты делал так в спортивном зале, до войны», — подбадривал он себя.

«Да, но теперь ты — старик».

Слезы заливали ему глаза, пока он подтяги-

вался, помогая себе, коленями. Чем больше он старался, тем более материальными казались ему знакомые призраки. Прежде они были игрой воображения, теперь же стали первоклассной галлюцинацией.

«Давай, Гордон!» — крикнула Трейси.

Лейтенант Ван одобрительно жестикулировал. Джонни Стивенс уверенно улыбался, стоя рядом с женщиной, которая спасла Гордону жизнь среди развалин Юджина. Скелет в кожаной куртке поверх пестрой рубахи скалился и задирал кости, заменявшие ему большие пальцы рук. На голом черепе лихо сидела синяя фуражка с козырьком, сияющая медной кокардой. Даже Циклоп перестал ворчать, видя, что Гордон отдает своей борьбе последние силы.

— Выше... — стонал он, хватаясь за осклизлую пеньку и одолевая неумолимую силу тяготения. — Выше, никчемный мозгляк... Либо ты сможешь, либо подохнешь...

Одна его рука уже обнимала чертову балку. Он сделал отчаянный рывок и перебросил через балку вторую руку.

На этом все и закончилось. У него больше не было сил, чтобы бороться. Гордон висел на балке, прижимаясь к ней грудью, не в состоянии

пошевелить даже пальцем. Сквозь прикрытые ресницы он видел, как разочарованы им все до одного призраки.

«Шли бы вы все...» — беззвучно отмахнулся он от них, лишившись даже голоса.

«Кто возьмет на себя ответственность?..» — упорствовали догорающие угли в камине.

«Ты мертв, Циклоп. И все остальные — тоже мертвецы. Оставьте меня в покое!» Измученный Гордон зажмурился, надеясь таким образом избавиться от свидетелей своего поражения.

Но в темноте его поджидал еще один призрак — тот, которым он бессовестно прикрывался все это время, но который и сам всласть им попользовался. Этот призрак звался Страна Мир.

Он увидел лица, миллионы лиц. Преданные, обреченные на гибель люди, цепляющиеся за туман надежды...

Возрожденные Соединенные Штаты...

Возрожденный мир...

Фантазия... Но фантазия эта упорно отказывалась умирать, она просто не могла умереть, пока жив он сам.

Гордона осенило: уж не потому ли он так долго изощрялся во вранье, рассказывая красивые сказки, что, и сам не мог без них обойтись? На

этот вопрос у него был готов ответ.

«Без них я рассыпался бы в прах».

Забавно, что прежде эта мысль не приходила ему в голову — во всяком случае, с такой безжалостной ясностью. В самых глубинах его души продолжала мерцать все та же мечта — пусть это единственное место во всей Вселенной, где она еще не угасла. Она была похожа сейчас на микроскопический организм, выдерживающий сокрушительное давление океанской толщи. Ему казалось, что он берет эту мечту в ладони — и не верит своим глазам: мечта, эта чудесная драгоценность, увеличивается в размерах, заливает своим мерцанием беспросветный прежде мрак; на ее бесчисленных гранях он видит даже не просто людей, а многие поколения человечества.

Вокруг него материализовалось само будущее. Будущее это проникло в его сердце.

Когда Гордон все же открыл глаза, то обнаружил, что уже вытянулся во весь рост на балке, хотя и не помнил, как ему удалось на нее взобраться. Не доверяя своим ощущениям, он попробовал сесть. Мигнул несколько раз — свет заливал его со всех сторон, проникая в щели в стенах лачуги. Казалось, будто эти стены и есть сон, а ослепительные лучи — самая что ни на есть реальность.

Свет был невероятно яркий, и Гордону уже казалось, что он обрел ясновидение.

Потом свет пропал таким же чудесным образом, как и появился. Поток энергии словно бы ушел в тот же неведомый колодец, откуда только что вырвался. Гордон немедленно почувствовал страшную боль во всем теле.

Дрожа от изнеможения, он стал возиться с узлами, впивающимися в его лодыжки. Голые ноги были залиты кровью. Когда он, наконец, отбросил веревки, кровь яростно забурлила в сосудах, ноги закололо, как будто на них напала армада взбесившихся насекомых.

Наконец-то он избавился от призраков: их смыло волной света, ворвавшейся в лачугу. Гордон надеялся, что больше они не станут его донимать.

В ту секунду, когда он покончил с последним узлом, он услышал в отдалении выстрелы — первые с тех пор, как Маклин оставил его висящим вниз головой. Может быть, Фил Бокуто еще жив и продолжает сопротивление? Он пожелал в душе удачи другу.

За дверью, ведущей на склад, раздались шаги, и Гордон прижался к балке. Вошедший Чарлз Безоар оглядел опустевшую комнату, заметил

болтающуюся веревку. Глаза бывшего адвоката наполнились ужасом; он отшатнулся и выхватил пистолет.

Гордон предпочел бы, чтобы противник оказался непосредственно под балкой, но Безоар не был законченным идиотом. Начиная подозревать, что именно здесь произошло, он поднял голову...

Гордон прыгнул. Пистолет Безоара изрыгнул огонь в то самое мгновение, когда их тела соприкоснулись. В пылу борьбы Гордон так и не понял, куда попала пуля и у кого громко треснули при столкновении кости. Он тянулся к пистолету, катаясь в обнимку с недругом по полу.

— Убью! — ревел холнист, пытаясь направить дуло пистолета Гордону в лицо. Тот успел вовремя откатиться: прогремел новый выстрел, и его шею обожгло пороховой волной.

— Не рыпаться! — гаркнул Безоар, слишком привыкший к повиновению окружающих. — Вот сейчас я...

Неожиданно для него Гордон произвел одной рукой обманное движение, а другой двинул Безоара под подбородок. Тело лысого холниста дернулось, затылок со всего размаха ударился об пол, пистолет всадил две пули подряд в стену.

После этого Безоар затих.

Теперь у Гордона помутилось в глазах от боли — болела кисть руки. Он медленно, с великим трудом встал, отмечая, что его многочисленные телесные повреждения пополнились еще и сломанными ребрами.

— Никогда не болтай во время драки, — посоветовал он безответному сопернику. — Дурная привычка.

Марси и Хетер, выскользнувшие из склада, завладели ножами Безоара. Поняв, что они намереваются сделать, Гордон хотел было приказать им остановиться и связать побежденного. Однако потом махнул рукой и заглянул в темный склад по соседству.

Когда его глаза привыкли к темноте, он разглядел в углу хрупкую фигурку, распростертую на грязном одеяле. Рука потянулась к нему, дрожащий голосок произнес:

— Гордон! Я знала, что ты придешь за мной. Глупо, да? Звучит... как фраза из детской сказки, но я знала, и все.

Он стал перед умирающей на колени. Пускай Марси с Хетер и пытались промыть и перевязать ее раны, под всклокоченными волосами и залитыми кровью лохмотьями зияло такое, на что Гордон предпочел не смотреть.

— О, Дэна!.. — Он отвернулся и закрыл глаза. Она взяла его за руку.

— Мы их отлично потрепали, милый, — прошептала она чуть слышно. — Я и другие разведчицы. Иногда мы попросту заставали их со спущенными штанами! И... — Дэне пришлось умолкнуть: приступ кашля заставил ее скорчиться и выплюнуть сгусток крови.

— Молчи, — велел ей Гордон. — Мы найдем способ вызволить тебя отсюда.

Дэна уцепилась за его изодранную рубашку.

— Им удалось разгадать наш план. Чаще всего они заранее знали, где мы готовим удар... Наверное, какая-то из девушек влюбилась в своего насильника, совсем как в легенде о Гипермнестре [одна из пятидесяти дочерей Даная, единственная из сестер, ослушавшаяся отца и не убившая супруга, который с ее помощью бежал]... — Дэна недоверчиво покачала головой. — Мы с Трейси боялись этого... потому что тетя нашей Сьюзен рассказывала — в былые времена случалось и не такое...

Гордон понятия не имел, о чем она толкует, и считал, что она просто бредит. Впрочем, сейчас его больше волновало, как пронести тяжело раненую бедняжку через вражеские позиции,

прежде чем вернутся Маклин и его подручные. Поразмыслив, он впал в уныние: выбраться с Дэной было попросту невозможно.

— В общем, у нас почти ничего не вышло... Но мы старались, Гордон! О, как мы старались... — Дэна тряхнула головой, стыдясь своих слез. Гордон обнял ее.

— Да, я знаю, моя дорогая. Знаю, как вы старались.

У него самого щипало глаза. Несмотря на зловоние грязной комнаты, он чувствовал аромат ее кожи и понимал — слишком поздно! — как много она для него значит. Он сжимал ее сильнее, чем можно сжимать раненую, боясь, что она вот-вот покинет его.

— Все будет хорошо. Я люблю тебя. Я здесь, я о тебе позабочусь.

Дэна вздохнула.

— Ты здесь. Ты... — Она стиснула его ладонь. — Ты... — Тут ее тело изогнулось в предсмертных судорогах. — О, Гордон! — вскричала она. — Я вижу... А ты?

Их взгляды на мгновение встретились, и он поймал в ее глазах хорошо знакомый свет. Еще немного — и все было кончено.

— Да, я видел, — тихо ответил он, все еще не

выпуская холодеющее тело из рук. — Может, не так отчетливо, как ты. Но я тоже видел...

18

В углу Хетер и Марси, отвернувшись, занимались серьезным делом. Гордону не хотелось смотреть в ту сторону. Время для скорби придет позднее. Сейчас у него есть более неотложные задачи: к примеру, ему предстояло вывести отсюда двух женщин. Как ни малы шансы на успех, он попробует спасти их, доставив в горы Каллахан.

Это само по себе будет нелегко; но долг требовал от него дальнейших свершений. Он вернется в Корваллис, если только это окажется в человеческих силах, и постарается оправдать надежды Дэны и совершить героический поступок: то ли умереть, защищая Циклопа, то ли повести последнюю горстку «почтальонов» в сражение против непобедимого врага.

Подойдут ли ему ботинки Безоара? Нет, с такими разбухшими лодыжками лучше перемещаться босиком.

— Хватит транжирить время! — прикрикнул он на женщин. — Надо уносить отсюда ноги.

Но стоило ему нагнуться за пистолетом Безоара, как низкий, зловещий голос произнес:

— Отличный совет, мой молодой друг. Я и

впрямь рад был бы именовать такого человека, как вы, своим другом. Это, конечно, не означает, что я не разнесу вас в клочья, если вы попытаетесь завладеть пистолетом.

Гордон, оставив пистолет на полу, медленно разогнулся. В дверях стоял генерал Маклин, готовый метнуть в него нож.

— Отпихните пистолет в сторону, — спокойно приказал он.

Гордон подчинился. Пистолет ударился о стену в пыльном углу.

— Так-то лучше. — Маклин сунул нож в ножны и обратился к женщинам: — Убирайтесь! Бегите. Живите, если хотите и можете жить.

Марси и Хетер испуганно прошмыгнули у Маклина за спиной и исчезли в темноте. Гордон не сомневался, что они будут бежать прочь отсюда, несмотря на дождь, пока не рухнут в изнеможении.

— Видимо, ко мне это не относится? — чувствуя страшную усталость, спросил он.

Маклин с улыбкой покачал головой.

— Вы пойдете со мной... Мне потребуется ваша помощь.

* * *

Закрытый от дождя фонарь освещал часть лужайки по другую сторону дороги; свет давали также вспышки молний и время от времени выглядывающая из-за туч луна. Проковыляв позади Маклина всего несколько минут, Гордон вымок до нитки. От луж, по которым ступали его кровоточащие ноги, поднимался розоватый пар.

— Ваш чернокожий оказался ловчее, чем я предполагал, — произнес Маклин, оттаскивая Гордона на край залитой светом поляны. — Либо это, либо у него объявились помощники, хотя последнее маловероятно. Иначе мои ребята, караулившие у реки, нашли бы больше следов. Во всяком случае, Шон и Билл заслужили свою участь: они оказались ротозеями.

Только сейчас Гордон начал осознавать истинное положение вещей.

— Вы хотите сказать...

— Подождите торжествовать! — отрезал Маклин. — Мои войска находятся менее чем в миле отсюда, а в моей седельной сумке есть пистолет. Но меня трудно представить взывающим о помощи, не так ли?

Он снова ухмыльнулся.

— Сейчас я вам покажу, что такое эта наша война. Вы и ваш черный ловкач — из породы сильных, вам следовало бы стать холнистами. Но вы ими не стали, поддавшись влиянию пропаганды слабых, которой наслушались с младенчества. Я хочу воспользоваться случаем и показать вам, какими слабаками она вас сделала.

Вцепившись в руку Гордона мертвой хваткой, Маклин крикнул в темноту:

— Эй, чернокожий! К тебе обращается генерал Волши Маклин. Со мной здесь твой командир, почтовый инспектор Соединенных Штатов! Хочешь освободить его? К рассвету сюда подойдут мои люди, поэтому у тебя остается мало времени. Поторопись! Мы станем драться за него! Выбор оружия — за тобой!

— Не делай этого, Фил! Он — «прира...»

Гордон не договорил: Маклин так дернул его за руку, что чуть не вырвал ее из плечевого сустава. Гордон грохнулся на колени. От безумной боли в сломанных ребрах дрожало все тело.

— Тес! Полегче! Если он еще не разобрался, что к чему, расправляясь с Шоном, то это значит, что ему повезло и он свалил моего телохранителя метким выстрелом. В таком случае он сейчас не заслуживает особой заботы, не правда ли?

Гордону потребовалось призвать на подмогу всю силу воли, чтобы вскинуть голову и, издав в ответ какое-то шипение сквозь стиснутые зубы, встать, преодолевая тошноту. Пусть рушится весь мир, но он отказывается стоять рядом с Маклином на коленях.

Маклин одобрительно усмехнулся, словно говоря, что иного от настоящего мужчины и не ожидал. Тело «приращенного» подобралось, как у кота, в предвкушении схватки. Оба ждали, стоя в круге света. Дождь то налетал, то успокаивался. Минута проходила за минутой.

— Даю тебе последний шанс, чернокожий! — Маклин приставил к горлу Гордона острие ножа. Левая рука «инспектора» была заведена назад и прижата к спине так сильно, словно его обвила своими кольцами анаконда. — Если ты не объявишься, то через тридцать секунд твой инспектор умрет. Время пошло!

Эти тридцать секунд тянулись медленнее, чем когда-либо еще за всю жизнь Гордона. Как ни странно, он почувствовал некую отрешенность от сиюминутного ужаса положения, почти что умиротворенность.

Маклин разочарованно покачал головой.

— Плохо дело, Кранц. — Острие ножа пере-

ползло ему под левое ухо. — Видимо, он оказался сообразительнее, чем я мог себе...

Гордон задыхался. Он ничего не слышал, но внезапно понял, что всего футах в пятнадцати фонарь высветил еще одну пару мокасин.

— Боюсь, твои люди прикончили храброго воина, к которому ты взываешь.

Негромкий голос чужака звучал очень ровно. Маклин развернулся, держа Гордона перед собой.

— Филипп Бокуто был славным человеком, — продолжал загадочный голос. — Я явился вместо него, чтобы принять твой вызов, как сделал бы это он.

В ленте, удерживающей длинные волосы, блеснули бусины; в круг света шагнул широкоплечий человек. Его седая грива была собрана на затылке, как конский хвост. Морщинистое лицо выражало смирение.

По хватке Маклина Гордон понял, насколько тот доволен.

— Ну-ну... Судя по приметам, передо мной не кто иной, как владыка Сахарной Головы, наконец-то спустившийся со своей горы! Я благодарен судьбе куда больше, чем вы можете вообразить, сэр! Добро пожаловать!

— Паухатан! — скрипнул зубами Гордон. Он терялся в догадках, каким образом и зачем здесь появился этот человек. — Убирайся к черту, болван! У тебя нет ни малейшего шанса! Это же «приращенный»!

Фил Бокуто был одним из лучших бойцов, каких только доводилось встречать Гордону. Если и он, устроив засаду на одного из этих дьяволов, причем еще не самого страшного, не выжил, то разве сможет выпутаться из такой передряги этот старик?

Услышав предупреждение Гордона, Паухатан нахмурился.

— Вот как? Результат экспериментов, проводившихся в начале девяностых? Я-то думал, их снова привели в нормальное состояние или поубивали ко времени начала славяно-турецкой войны. Любопытно! Тогда многое из того, что произошло за последние двадцать лет, находит объяснение.

— Значит, ты слышал о нас, — осклабился Маклин.

Паухатан понуро кивнул.

— Слышал, еще до войны. Но я знаю, почему эксперимент с вами был прерван: объектами его стали самые негодные люди.

— Так утверждали слабаки, — согласился Ма-

клин. — Они совершили ошибку, навербовав добровольцев из силачей.

Паухатан покачал головой. Можно было подумать, что он увлечен вежливым спором, в котором лишь старается уточнить значение некоторых слов. Только тяжелое дыхание выдавало его волнение.

— Они набрали воинов. — Паухатан интонацией выделил последнее слово. — Безумцев, весьма полезных, когда в них возникает необходимость, и превращающихся в головную боль, когда необходимость отпадает. Тогда, в девяностых, урок был усвоен. Слишком много бед оказалось с «приращенными», вернувшимися домой, но не разлюбившими войну.

— Беда — вот верное слово, — захохотал Маклин. — Позволь познакомить тебя с Бедой, Паухатан.

Он отшвырнул от себя Гордона и, прежде чем шагнуть навстречу давнему недругу, убрал нож в ножны.

* * *

Вторично ухнув в грязь, Гордон мог только беспомощно стонать. Весь его левый бок горел от боли, словно его бросили на раскаленные угли.

Он находился в полубессознательном состоянии и не отключался только благодаря титаническому усилию воли. Когда он в конце концов обрел зрение, то увидел, как соперники кружат по маленькому залитому светом оазису.

Он не сомневался, что Маклин затеял жестокую игру. Паухатан выглядел весьма внушительно, особенно учитывая его немолодой возраст, но по сравнению со страшными буграми, вздувающимися на плечах, руках и ногах Маклина, мускулатура любого силача казалась бы жалкой. Гордон помнил, что стало с чугунной кочергой в этих ручищах.

Джордж Паухатан прерывисто дышал, лицо его побагровело. Даже учитывая всю безнадежность ситуации, Гордон был неприятно поражен выражением откровенного страха на его лице.

«Все легенды опираются на вымысел, — мелькнуло у него в голове. — Мы склонны преувеличивать и со временем начинаем верить в собственные выдумки».

Голос Паухатана еще звучал относительно спокойно, более того, расслабленно.

— Есть некоторое обстоятельство, которое вам следовало бы учесть, генерал, — молвил он, справившись с учащенным дыханием.

— Это позже, — прорычал генерал. — Позже обсудим, как откармливать бычков и варить пиво. Сейчас я собираюсь преподать тебе урок поконкретнее.

Маклин прыгнул, стремительный, как дикий кот, но Паухатан вовремя отскочил. Гордон вздрогнул: Паухатан занес кулак и чуть не нанес сокрушительный удар; Маклин уклонился лишь в последнее мгновение.

У Гордона возродилась надежда. Возможно, Паухатан — самородок, чья скорость, несмотря на возраст, не уступает скорости Маклина? Тогда он, благодаря своей длиннорукости, сможет держать на расстоянии противника с его железной хваткой...

«Приращенный» возобновил натиск. Он вцепился Паухатану в рубаху, но тот вывернулся, оставив в руках генерала лохмотья, и тут же обрушил на него град ударов, каждый из которых мог бы уложить на месте годовалого бычка. Он уже нацелился Маклину в почку, но холмист вовремя перехватил его запястье. Паухатан поступил рискованно: он пошел на Маклина грудью.

Маклин словно ожидал этого маневра. Он проскочил мимо Паухатана и, когда тот устремился за ним следом, сгреб его за другую руку. На сей

раз Паухатану не удалось вырваться. Маклин угрожающе скалился.

Пришелец из долины Камас задыхался. Под холодным дождем ему было жарко.

«Вот оно!» — в отчаянии подумал Гордон. Несмотря на его размолвку с Паухатаном, сейчас он лихорадочно размышлял, чем бы ему помочь. Он огляделся, надеясь метнуть чем-нибудь в «приращенное» чудовище и тем самым отвлечь его, дав Паухатану время спастись.

Однако под рукой не оказалось ничего, кроме грязи и склизких пучков травы. К тому же у Гордона не осталось ни капли сил, он не мог даже отползти от места, где его швырнули в мокрое месиво. Ему ничего не оставалось, кроме как лежать и ждать конца схватки, а потом и своей очереди.

— Вот теперь, — обратился Маклин к обездвиженному сопернику, — говори то, что хотел. Только постарайся меня развеселить. Если я улыбнусь, ты останешься в живых.

Паухатан с искаженным от усилия лицом попробовал, насколько несокрушима хватка Маклина. При этом его дыхание оставалось по-прежнему глубоким, а выражение лица отрешенным, даже смиренным. Ответ его прозвучал ритмично, как мелодекламация:

— Я не хотел этого. Я говорил им, что не могу... Я слишком стар, везение мое осталось в прошлом... — Он глубоко вздохнул. — Я просил их: не вынуждайте меня. А теперь все кончается здесь... — Серые глаза блеснули. — Но это никогда не кончается. Конец несет только смерть.

«Сломался, — понял Гордон. — Готов». Ему не хотелось становиться свидетелем унижения Паухатана. «А я еще подтолкнул Дэну на поиски этого героя...»

— Нет, сэр, это меня как-то не забавляет, — холодно произнес Маклин. — Не заставляйте меня скучать, если цените последние мгновения вашей жизни.

Однако Паухатан словно унесся мыслями вдаль; он как будто думал о чем-то другом, пытаясь сосредоточиться на каких-то воспоминаниях и поддерживая беседу лишь из вежливости.

— Я всего лишь... подумал, что вам следует знать... положение несколько изменилось... когда вы уже перестали участвовать в программе.

Маклин покачал головой, угрожающе сведя брови.

— О чем это ты, черт возьми?

Паухатан несколько раз моргнул. Маклин наслаждался, чувствуя, как обреченного соперника

колотит озноб.

— Я имею в виду... ну как они могли оставить такой многообещающий проект, как «приращение», всего лишь потому, что первый блин вышел комом?

— Им было страшно продолжать. — Маклин хмыкнул. — Они испугались нас.

Веки Паухатана ходили вверх-вниз. Он по-прежнему делал один глубокий вдох за другим.

Гордон не верил своим глазам. С Паухатаном определенно происходило что-то странное. На его голых плечах и груди то и дело выступали капельки пота, тут же смываемые дождем. Его мышцы трепетали, словно от судорог.

Гордон испугался, что он обессилеет, распластается в грязи прямо у него на глазах. Голос Паухатана звучал как бы издалека, словно говоривший был немного не в себе:

— ...новые импланты никогда не достигали таких размеров и такой силы... Зато они сосредоточились на замещающей подготовке, восточных искусствах, биоэнергетике...

Маклин закинул голову и захохотал:

— «Приращенные» неохиппи?! Вот это да, Паухатан! Что за чушь! Но зато смешно!

Паухатан его не слушал. Он как будто все боль-

ше сосредотачивался на чем-то понятном только ему, его губы шевелились, словно он проговаривал нечто, издавна засевшее у него в памяти.

Гордон то и дело вытирал с лица дождевую влагу, чтобы получше вглядеться в происходящее. По рукам и плечам Паухатана, а потом по шее и по груди стали разбегаться какие-то бороздки. Дрожь его обрела ритмичность, словно он вызывал ее преднамеренно.

— Процесс требует большого количества воздуха, — как ни в чем не бывало объяснял Паухатан. По-прежнему глубоко дыша, он начал распрямляться.

Теперь Маклину стало не до смеха. Он широко открыл глаза, не веря представшей перед ним картине.

Паухатан продолжал говорить:

— Мы — пленники, заключенные в похожих клетках, хотя вы, сдается мне, наслаждаетесь своей неволей. Мы похожи тем, что попали в ловушку гордыни последних заносчивых предвоенных лет...

— Неужели и ты?..

— Оставьте, генерал! — Паухатан снисходительно улыбнулся недавнему победителю. — Откуда столько удивления? Ведь не воображали же вы,

что ваше поколение — последнее?

Маклин, кажется, пришел к тому же заключению, что и Гордон: Джордж Паухатан просто занимает его разговором, выигрывая время.

— Маклин! — крикнул Гордон. Но отвлечь внимание холниста ему не удалось. Длинный нож, напоминающий формой мачете, блеснул в свете фонаря, занесенный над попавшей в тиски правой рукой горца.

Паухатан, еще не до конца выпрямившись и не подготовившись к атаке, все же каким-то чудом отреагировал на опасность: лезвие лишь слегка оцарапало его, ибо он успел свободной рукой перехватить запястье Маклина.

Холнист взревел, и единоборство возобновилось. Более сильный, обладающий более мощной мускулатурой генерал должен был вот-вот располосовать Паухатану руку.

Неожиданное движение бедром — и горец упал вперед, отправив Маклина через голову кувырком. Генерал пружинисто вскочил на ноги и снова бросился в атаку. Теперь они перемещались все быстрее, крутились как спицы в колесе, поочередно швыряя друг друга наземь. Еще немного — и они пропали в темноте, выступив за круг света. Раздался звук тяжелого падения, по-

том еще... Гордону казалось, что рядом топчется стадо слонов.

Превозмогая боль, причиняемую каждым движением, он пополз прочь от освещенного места, чтобы хоть что-то разглядеть в потемках, и привалился к стволу поваленного кедра. Но сколько он ни всматривался туда, где исчезли соперники, ему не удавалось ничего увидеть. Пришлось следить за сражением, ориентируясь по шуму и переполоху среди мелких лесных обитателей, уступающих дорогу сцепившимся гигантам.

Когда дерущиеся снова переместились ближе к фонарю, одежда свисала с них клочьями, по телам сбегали розовые струйки. Ножа не было видно, но даже безоружные оба соперника внушали ужас. Перед их натиском не могло устоять ни одно деревце; за ними тянулась полоса будто перепаханной земли.

В этой схватке было не до ритуалов, в ней не осталось ни капли изящества. Тот, что пониже ростом, но мощнее, старался сойтись с соперником вплотную и обхватить его; другой, что повыше, держался на расстоянии и осыпал противника ударами, от которых вибрировал воздух, казалось, на милю вокруг.

«Не преувеличивай! — осадил себя Гордон. —

Они всего лишь люди, причем немолодые...»

И все же какая-то часть его существа, не внемля голосу разума, сохраняла наивную атавистическую веру в гигантов, в богов в человеческом обличье, чьи битвы заставляли вскипать моря и сокрушали горные кряжи. Когда соперники снова исчезли в темноте, сознание Гордона, словно защищаясь от жутких впечатлений, как это иногда случалось с ним, переключилось на другое — и это в самый-то неподходящий момент. Он вдруг стал вспоминать о том, что феномен «приращения», подобно многим новым открытиям, был впервые применен в военных целях. Так происходило сплошь и рядом; иные сферы применения достижений человеческого разума обозначались потом: взять хоть химию, хоть авиацию или технологию «Звездных войн»... Подлинное предназначение открытия становилось очевидным лишь спустя какое-то время.

Что произошло бы, не случись Светопреставление? Если бы эта чудесная технология, помноженная на захватившие весь мир идеалы Нового Ренессанса, сделалась достоянием всего человечества, то...

Какие горизонты открылись бы тогда перед родом людским! Не осталось бы ничего невоз-

можного!

Прижимаясь спиной к коре старого кедра, Гордон сумел-таки подняться. Сперва он просто стоял, пошатываясь, затем, сильно хромая, тихонько двинулся к месту схватки. Ему и в голову не приходило попытаться спастись бегством — напротив, его неумолимо тянуло сделаться свидетелем последнего из великих чудес XX столетия, которое разворачивалось сейчас под дождевыми струями, в лесу наступающего каменного века, озаряемом молниями.

Окружающие поляну заросли, превращенные дерущимися в труху, еще как-то освещались фонарем, но скоро Гордон оказался в непроглядной темноте. Он ориентировался по звукам, пока все не стихло. Не стало ни криков, ни тяжелых ударов — гремели лишь раскаты грома да шумела неподалеку река.

Глаза постепенно привыкли к темноте. Прикрыв их ладонью от дождя, Гордон наконец разглядел на фоне серых туч две темные фигуры, качающиеся на вершине утеса, нависшего над рекой. Одна была кряжистой, с мощной шеей, и напоминала быка Минотавра. Вторая больше походила на человеческую, но смущали длинные волосы, которые развевались на ветру подобно

исполосованному непогодой знамени. Двое «приращенных» в разодранной одежде стояли лицом к лицу и раскачивались под напором ветра. Потом они, словно повинуясь сигналу, сошлись в последней схватке.

Ударил гром. Зигзаг молнии хлестнул по скале на противоположном берегу реки, озарив поникшие ветви деревьев.

В этот самый момент Гордон увидел, как один поднял на вытянутых руках другого. Ослепительный миг был короток, но и его хватило, чтобы он разглядел, как стоящий, напрягая мускулы, швыряет соперника с утеса. Мелькнул черный силуэт — и тут молния потухла, не выдержав соревнования с сырой тьмой.

Дальнейшее Гордон мог лишь домысливать. Он знал, что тот, кого сбросили, может лететь только вниз, где разобьется о камни и будет унесен ледяной водой потока. Однако воображение подсказывало ему иное: он будто видел, как тело побежденного взмывает ввысь, преодолевая силу земного тяготения...

Дождь хлестал все сильнее. Гордон ощупью добрался до поваленного ствола у освещенной поляны и тяжело опустился на него. Теперь он мог только ждать, не имея сил даже шелохнуться;

мысли в его голове крутились и мешались, как щепки в ледяном водовороте.

Наконец слева от него захрустели ветки. Из темноты выступила фигура в лохмотьях и неуверенно шагнула в круг света.

— Дэна считала, есть только две категории мужчин, которые что-то да значат, — проговорил Гордон. — Мне это всегда казалось совершенно дурацкой мыслью. Я и представить себе не мог, что правительство думало так же!

Человек привалился к стволу рядом с ним. Под его кожей пульсировали тысячи ниточек, кровь сочилась из многочисленных порезов и ран. Он тяжело дышал, уставясь пустым взглядом в темноту.

— Значит, они пересмотрели свою политику? — не унимался Гордон. — В конце концов они взялись за ум!

Он знал, что Джордж Паухатан слышит и понимает его. Однако ответа не последовало.

Гордон вскипел. Ему был позарез необходим ответ. Почему-то до смерти хотелось убедиться в том, что в последние несколько лет перед Катастрофой Соединенными Штатами управляли люди чести.

— Ответь, Джордж! Ты сказал, они отказались

от воинов. Кем же они их заменили? Они что, начали выводить некую противоположность «приращенным» бойцам, сделав упор на отвращение к могуществу? На способность драться, но без всякого удовольствия?

Перед его мысленным взором предстал удивленный Джонни Стивенс, жадный до знаний, который честно пытался проникнуть в загадку Римского полководца, променявшего предложенную ему золотую корону на плуг землепашца. Гордон тогда так ему ничего и не объяснил. Теперь же было слишком поздно.

— Ну, так что? Оживление старого идеала? Целенаправленный поиск солдат, которые видели бы себя в первую очередь гражданами, а не убийцами?

Он схватил Паухатана за истерзанные плечи.

— Черт тебя возьми! Почему ты не открылся мне, когда я пришел к тебе от самого Корваллиса просить о помощи? Тебе и в голову не пришло, что уж я, по крайней мере, смогу тебя понять?

Владыка долины Камас выглядел подавленным. Он на мгновение встретился с Гордоном взглядом и снова отвернулся, не в силах унять дрожь.

— Держу пари, я бы все понял, Паухатан. Я знаю,

что ты имел в виду, говоря, что великое — ненасытно. — У Гордона сжались кулаки. — Великое забирает у тебя все, что ты любишь, и требует еще и еще. Ты это знаешь, но это знаю и я, это знал и бедняга Цинциннат, посоветовавший римскому народу и своим бывшим солдатам забрать корону себе. Но твоя ошибка, Паухатан, в том, что ты вообразил, будто всему этому пришел конец. — Гордон с усилием поднялся. Ярость его не знала пределов. — Неужто ты искренне полагал, что твоей ответственности положен конец?!

Тут Паухатан впервые разомкнул уста. Гордону пришлось нагнуться к нему, чтобы расслышать ответ, заглушенный раскатом грома.

— Я надеялся... Я был уверен, что смогу...

— Сказать «нет» всей большой общественной лжи сразу? — Гордон горько усмехнулся. — Ты был уверен, что сможешь сказать «нет» чести, достоинству, стране? Тогда отчего же ты передумал? Ты, смеясь, отверг Циклопа и все приманки технологии. Ни Бог, ни сострадание, ни Возрожденные Соединенные Штаты не могли заставить тебя и пальцем пошевелить. Так ответь же, Паухатан, какая такая сила сподвигла тебя последовать за Филом Бокуто и разыскать меня?

Самый могучий из оставшихся на земле вои-

нов, последняя реликвия эпохи, когда люди еще могли сделаться под стать богам, сидел, обхватив плечи руками, погруженный в себя, как мальчишка, изможденный и пристыженный.

— Ты прав, — выдавил он. — Этому не будет конца. Я исполнил свой долг, я превысил его в тысячи раз! Потом я хотел только одного: чтобы мне позволили спокойно состариться. Так ли дерзко мое желание?

Взор его был безрадостен.

— Но нет, этому никогда не будет конца...

Паухатан поднял глаза и впервые не отвел их, глядя прямо в лицо Гордону.

— А все женщины! — Наконец-то он соизволил ответить на вопрос. — После твоего появления и этих чертовых писем они не закрывали рта, все спрашивали и спрашивали... Потом весть о безумии, захватившем север, достигла моей долины. Я пытался... пытался внушить им, что это — чистый идиотизм, что амазонки обречены, но они...

Голос Паухатана прервался. Он покачал головой.

— Бокуто вырвался из засады, чтобы в одиночку добраться сюда, попытаться спасти тебя. После этого они уже не говорили, а просто смотрели на меня... Они ходили за мной по пятам...

Он застонал и закрыл лицо руками.

— Боже милостивый, прости меня! Меня принудили женщины.

Гордон был ошеломлен. Несмотря на дождь, на измученном лице последнего «приращенного» легко было, разглядеть слезы. Джордж Паухатан трясся и рыдал в голос.

Гордон припал к корявому стволу, чувствуя, как его наполняет ледяная тяжесть — так разбухало от талых вод русло ревущего поблизости потока. Через минуту его губы тоже задрожали.

Вспыхивали молнии, неумолчно шумела река. Два человека плакали под дождем, справляя тризну по самим себе, как могут оплакивать самих себя только мужчины.

Интерлюдия

Замешкалась жестокая Зима,
Но Океан священный долг исполнил,
И Зиму прогоняет прочь Весна.

Часть четвёртая. «… ни хаос»

1

По всему Орегону, от Розберга на юге до Колумбии на севере, от гор на востоке и до океана на западе, пошла гулять новая легенда. Ее разносили письма и молва, и день, ото дня она проникала все дальше.

Это была куда более печальная история, нежели две другие, предшествовавшие ей, — о мудрой и великодушной машине и о Возрожденных Соединенных Штатах. Она гораздо сильнее будоражила умы. В ней присутствовало нечто такое, чего не было в первых двух.

Она была чистой правдой.

Легенда рассказывала об отряде из сорока женщин — многие добавляли «безумных женщин», — давших друг другу тайный обет — сделать все возможное и невозможное, чтобы положить конец страшной войне, причем еще до того, как погибнут все достойные мужчины, которые пытаются их, женщин, спасти.

Одни слушатели объясняли, что сорока амазонками двигала любовь. Другие твердили, что они поступили так во имя своей страны.

Прошел даже слух, будто собравшиеся в отряд

рассматривали свою адскую одиссею как способ искупления каких-то былых прегрешений, которыми запятнал себя женский пол. Но во всех вариантах легенды, как бы они ни распространялась — устно или с помощью почты, было одно общее, а именно: логический вывод, мораль, руководство к действию. В каждой лачуге, на каждой ферме матери, дочери и жены читали письма, слушали рассказы — и сами становились рассказчицами.

«Мужчины могут быть сильными, могут быть семи пядей во лбу, — перешептывались они. — Но разве не бывают они безумны? А безумцы способны разрушить мир».

Женщины, вам судить их...

"Это не должно повториться, — утверждали они, думая о жертве, принесенной отважными разведчицами. — Мы не допустим больше, чтобы извечную борьбу добра со злом вели лишь хорошие и дурные мужчины.

Женщины, вы должны принять долю ответственности на себя... Ваши таланты должны перевесить чашу весов в схватке..."

"И всегда помните, — гласила в заключение мораль, — что даже лучшие из мужчин, настоящие герои, порой склонны забывать про свой долг.

Женщины, ваша задача — время от времени напоминать им об этом..."

2

"28 апреля 2012 г.

Дорогая миссис Томпсон!

Благодарю Вас за письма. Они оказались для меня неоценимой поддержкой при выздоровлении, особенно потому, что я все это время боялся, что враг может добраться до Пайн-Вью. Узнать о том, что Вы, Эбби и Майкл в полном порядке, было для меня важнее, чем Вы можете себе представить.

Кстати, об Эбби: скажите ей, что вчера я виделся с Майклом! Он прибыл живым и здоровым вместе с остальными пятью добровольцами, отправленными из Пайн-Вью нам на подмогу. Подобно многим новобранцам, он прямо-таки рвется в бой.

Надеюсь, я не слишком его разочаровал, рассказав о собственном опыте борьбы с холнистами. Думаю, однако, что теперь он с большим рвением займется военной подготовкой, забыв о намерении выиграть войну голыми руками. В конце

концов, все мы хотим, чтобы Эбби и малышка Каролина еще с ним встретились.

Я рад, что вы нашли возможность принять Марси и Хетер. Мы все перед ними в долгу. Корваллис был для них слишком сильным потрясением, поэтому Пайн-Вью — необходимый этап в процессе привыкания.

Скажите Эбби, что я передал ее письмо старым преподавателям, которые только и твердят, что о возобновлении курсов. Примерно через год здесь снова может открыться подобие университета, если, конечно, мы станем успешно воевать.

Последнее, разумеется, далеко не гарантировано. Поворот достигнут, но нам еще предстоит долгая-предолгая борьба со страшным врагом.

Ваш последний вопрос непрост, миссис Томпсон. Уж и не знаю, сумею ли на него ответить. Я не удивляюсь, что и до ваших гор докатилась молва о Жертве Разведчиц. Но учтите, что и мы здесь не совсем знакомы с подробностями. Пока лишь могу ответить, что я хорошо знал Дэну Спорджен, но совершенно ее не по-

нимал. Честно говоря, не знаю, пойму ли когда-нибудь".

Гордон сидел на скамеечке перед почтовым отделением Корваллиса. Привалившись спиной к шершавой стене, он нежился на утреннем солнышке и размышлял о вещах, которые никак не мог упомянуть в письме к миссис Томпсон, для которых он и слов-то не умел подобрать.

Пока они не отвоевали деревни Чезайр и Франклин, жителям долины Уилламетт оставалось пробавляться слухами, потому что из самовольного зимнего рейда так и не вернулась ни одна разведчица. Однако после первых же контратак освобожденные рабы поведали о подробностях. Мало-помалу картина обрела целостность.

Зимой — уже через два дня после ухода Гордона из Корваллиса на юг — из армии, составленной из фермеров и горожан, стали дезертировать женщины. Они небольшими группками просачивались на юг и на запад, где, безоружные, сдавались неприятелю.

Некоторых убивали на месте. Некоторых насиловали и подвергали пыткам хохочущие психи, и слушать не желавшие их вызубренных призывов. Большинство же, однако, было благосклонно

принято холнистами с их ненасытной охотой до женщин, на чем и зиждился расчет.

Прокравшиеся в стан врага женщины твердили, что им осточертела жизнь фермерских жен и что они соскучились по ласкам «настоящих мужчин». Именно такую басню последователи Натана Холна были способны проглотить — во всяком случае, на это уповали создательницы плана.

Дальнейшее трудно даже вообразить. Ведь женщинам приходилось притворяться, причем не вызывая подозрений, — пока не настанет «ночь длинных ножей», когда им предстояло спасти хрупкие остатки цивилизации от чудовищ, вознамерившихся растоптать мир.

Что-то пошло не так — что именно, не было ясно до сих пор. То ли один из захватчиков, заподозрив неладное, подверг какую-то несчастную таким пыткам, что у нее развязался язык, то ли одна из женщин влюбилась в своего варвара и выложила ему все начистоту... Дэна не ошибалась, говоря, что истории известны подобные случаи. Не исключено, что так же произошло и здесь.

Возможно, кто-то просто не умел достаточно хорошо врать или скрывать дрожь отвращения при виде новых повелителей...

Как бы то ни было, «ночь длинных ножей» наступила, но все пошло кувырком. Там, куда не успел дойти приказ об отмене акции, женщины, укравшие кухонные ножи, ровно в полночь принялись сновать по комнатам, убивая подонков, пока их самих не одолели в борьбе. Ни одна не покорилась, все проклинали врагов и плевали им в глаза до последних секунд жизни.

Разумеется, это был провал. Его вполне можно было предсказать заранее. Даже если бы план удался, в могилу сошло бы слишком мало захватчиков, чтобы это привело к ощутимым последствиям. С точки зрения общего соотношения сил холнистов и их противников, самопожертвование женщин не дало ровно ничего.

Итак, дерзкое предприятие закончилось трагической неудачей.

Однако весть о нем с легкостью перекочевала через линию фронта и стала карабкаться в горы. Мужчины внимали ей, разинув рты, и недоверчиво качали головами. Женщины, выслушав рассказ, гудели, как улей, а потом обсуждали услышанное, разбившись на маленькие группки, — спорили, хмурились, размышляли...

В свой черед, молва просочилась на юг; на гору Сахарная Голова она вознеслась, уже обретя чер-

ты легенды. И вот там-то, над ревущим потоком, где сливались рукава реки, отважные разведчицы наконец одержали победу.

"Могу сказать одно: очень надеюсь, что все это не превратится в догму, религию. Самый страшный мой сон — о женщинах, у которых дошло в традицию топить в колодце сыновей, проявивших признаки задиристости. Так и вижу, как они считают своим долгом решать, кому жить, а кому умереть, отбраковывая мальчиков, способных стать угрозой для окружающих.

Возможно, часть из нас, мужчин, слишком безумны, чтобы им было дозволено жить. Однако такой подход, доведенный до крайности, ужасает меня, ибо подобная идеология попросту не укладывается в голове.

Конечно, скорее всего, все уляжется само по себе. Женщины слишком разумны, чтобы дойти до крайности. На это вся надежда.

Пора отправлять письмо. Попытаюсь написать Вам и Эбби о Кус-Бэй. Пока же остаюсь,

Ваш Гордон".

— Курьер!

Гордон подозвал пробегающего мимо юнца в джинсах и почтальонской кожанке. Тот старательно отсалютовал. Гордон подал ему конверт.

— Будь добр, положи это в ту кучу, которая предназначена для отправки на восток.

— Слушаюсь, сэр! Будет исполнено, сэр!

— Не торопись. — Гордон улыбнулся. — Это личное...

Но паренька уже и след простыл. Гордон вздохнул. Былые деньки тесного товарищества, когда он лично знал каждого в «почтовом ведомстве», остались позади. Он слишком высоко вознесся над молодыми курьерами, и те довольствовались его легкой усмешкой, самое большее — минутным снисходительным разговором.

Пора...

Он встал и лишь слегка поморщился, поднимая сумки.

— Значит, вы все-таки не будете присутствовать на хоудане? [негритянский танец]

Он обернулся. В дверях почты стоял Эрик Стивенс. Он жевал травинку и разглядывал Гордона, сложив руки на груди.

Гордон пожал плечами.

— Лучше улизнуть. Не хочу, чтобы в мою честь закатывали праздник. Все это — пустая трата времени.

Стивенс согласно кивнул. Его спокойная сила была для выздоравливающего Гордона лучшим лекарством, не говоря уже о его гневном отказе считать Гордона даже в малейшей степени ответственным за смерть Джонни. С точки зрения Эрика, внук погиб, как подобает мужчине. Расплатой за его смерть стало контрнаступление, и Гордон решил больше не затрагивать эту печальную тему.

Старик загородил глаза от солнца и указал пальцем в сторону шоссе номер 99.

— Подходят южане.

Гордон увидел колонну всадников, не спеша приближающихся к главному лагерю.

— Глядите, как таращатся! — усмехнулся Стивенс. — Точно никогда прежде не видели города.

Действительно, суровые бородачи из Сатерлина и Розберга, с Камаса и из Кус-Бэй, въезжая в город, привставали в стременах, дивясь непривычно-

му зрелищу: ветряному двигателю и гудящим проводам, суете в мастерских, орде чистеньких, шумных ребятишек, резвящихся в школьных дворах.

«Назвать это городом было бы преувеличением», — мысленно поправил Гордон Эрика. Впрочем, старик прав.

Над центральной почтой хлопал на ветру звездно-полосатый флаг. Курьеры в форме то и дело седлали лошадей и уносились на север, на восток, на юг с битком набитыми сумками.

От Дома Циклопа доносилась вдохновенная музыка прежних времен, а рядом громоздился воздушный шар в лесах, внутри которых сновали рабочие в белых комбинезонах, изъяснявшиеся на непостижимом техническом жаргоне. На воздушном шаре был изображен орел, взлетающий с погребального костра. С другой стороны красовался герб суверенного штата Орегон.

Наконец, непосредственно на плацу новичков ждала встреча с воинами-женщинами, добровольцами со всей долины, которым предстояло воевать так же, как и всем остальным.

Многовато для неотесанных южан! Гордон с улыбкой наблюдал, как эти бородачи дивятся на перемены, вспоминая недавнюю разруху. Ведь

подкрепление воображало себя спасителями изнеженного, загнивающего севера. Ничего, домой они вернутся совсем другими людьми.

— До скорого, Гордон. — Эрик Стивенс был немногословен. В отличие от многих других, ему хватало вкуса, чтобы понимать, что прощание должно быть коротким. — С Богом! И возвращайтесь назад.

— Вернусь, — кивнул Гордон. — Если смогу. Бывайте, Эрик. — Он закинул сумку на плечо и зашагал к конюшне, не оборачиваясь на суету у ступенек почты.

Старый стадион представлял собой теперь море палаток. Лошади ржали, мужчины маршировали. Гордон разглядел на противоположной стороне знакомую фигуру Джорджа Паухатана, который знакомил новых офицеров со своими старыми боевыми товарищами; перед ними стояла задача преобразовать рыхлую армию долины Уилламетт в новую Лигу обороны Орегонского Содружества.

Седой гигант заметил спешащего мимо Гордона и поймал его взгляд. Гордон кивнул ему, прощаясь без слов.

В конце концов он одержал победу, стащив Паухатана с его горы, хотя мысль о цене этой победы

будет сопровождать обоих до самой смерти.

Паухатан слабо улыбнулся в ответ. Теперь оба знали, как полагается поступать мужчине со взваленным на плечи грузом — тащить, и точка.

Возможно, еще наступит день, когда они усядутся рядышком в мирном жилище горца под детскими рисунками, пестреющими на стенах, и станут судачить о разведении лошадей и хитром искусстве пивовара. Но срок для этого наступит только тогда, когда их отпустят Большие Дела. До тех пор ни один, ни другой не рассчитывали перевести дыхание. Паухатана ждала война. У Гордона были совсем другие заботы.

Он притронулся к козырьку своей фуражки и ускорил шаг. Вчера он удивил всех, заявив об уходе из Совета обороны.

— Я должен выполнять свой долг перед всей страной, а не перед одним ее уголком, — объяснил он, укрепляя надежду в сердцах слушателей. — Теперь, когда Орегон уже вне опасности, я должен вернуться к своим основным обязанностям. Почтовой связи предстоит прийти в новые места, ибо там люди слишком долго остаются отрезанными от своих соотечественников. Вы отлично справитесь и без меня.

Сколько они ни протестовали, Гордон оставал-

ся непреклонен. Ведь он сказал правду: он отдал им все, что мог отдать. Теперь он будет полезнее в другом месте. В любом случае оставаться здесь дольше нельзя. Все в этой долине будет напоминать ему о вреде, который он причинил, творя добро.

Гордон твердо решил сегодня же покинуть город, не принимая участия в празднике, устраиваемом в его честь. Он уже достаточно поправился, чтобы вновь пуститься в дорогу. Он простился со всеми, в том числе с Питером Эйгом и доктором Лазаренски, а также со скорлупой несчастной мертвой машины, призрак которой не тревожил его больше.

Конюх вывел молодую кобылу, которую он сам выбрал для первого отрезка пути. Погруженный в свои мысли, Гордон укрепил у седла сумки с пожитками и пятью фунтами почты — впервые за все время адресованной людям, живущим вне пределов Орегона.

Он ни минуты не сомневался, что война выиграна, хотя впереди их ждало немало трудных месяцев, а то и лет. Отчасти его теперешняя миссия преследовала цель отыскать новых союзников, новые способы приблизить счастливый исход. Сам этот исход был теперь гарантирован.

Он не опасался, что Джордж Паухатан, одержав полную победу, станет тираном. Когда будут перевешаны все до одного холнисты, народу Орегона будет без обиняков предложено самому позаботиться о себе или проваливать ко всем чертям. Гордону очень хотелось присутствовать при раскатах грома, которые прогремят, если кому-нибудь вздумается предложить Паухатану корону.

Служащие Циклопа будут по-прежнему пропагандировать свой миф, приближая возрождение технологий. Назначенные Гордоном почтмейстеры будут и впредь, сами того не ведая, лгать о возрожденной нации для нового объединения земель, и так будет продолжаться до тех пор, пока не отпадет надобность в самой лжи.

Или до тех пор, пока уверовавшие в нее люди не сделают ее правдой.

О, да, женщины будут продолжать судачить о событиях, случившихся здесь-зимой. Они будут вникать в записки, оставленные Дэной Спорджен, читать те же старые книги, которые читали разведчицы, и спорить насчет того, есть ли смысл в том, чтобы судить мужчин.

Гордон пришел к заключению, что не так уж и важно, все ли было в порядке у Дэны с головой. И

призыв судить мужчин вряд ли коснется его лично. У него не было ни желания, ни способности повлиять на судьбу легенды.

Три мифа... плюс Джордж Паухатан. Народ Орегона попал в хорошие руки. С остальным люди справятся сами.

Кобыла приветствовала седока радостным ржанием. Ему пришлось долго успокаивать ее — так она рвалась в дорогу. Эскорт дожидался Гордона у городской черты: его следовало невредимым доставить в Кус-Бэй, где он взойдет на борт корабля.

«А дальше — в Калифорнию...» — билось у него в голове.

Он вспомнил нашивку с медведем на рукаве у умиравшего солдата, поведавшего ему так много, так и не открыв рта. Он, Гордон, его должник. Как и Фила Бокуто, и Джонни, которому так хотелось самому попасть на юг и увидеть все собственными глазами...

«И Дэна... Как бы я хотел видеть тебя сейчас рядом!..»

Он исполнит их завет. Все они были теперь с ним.

«Безмолвная Калифорния, что происходило с тобой все эти годы?»

Он развернул лошадь и поскакал на юг, слыша за спиной, как радостно скандирует на стадионе и клацает затворами армия свободных людей, убежденных в победе, — воины, которые с радостью возвратятся на свои фермы, в свои деревни, когда с этой тяжелой обязанностью будет покончено раз и навсегда.

Звуки, доносившиеся со стадиона, были мощными, уверенными, решительным, полными нетерпения.

Гордон миновал открытое окно, из которого лилась музыка. Кто-то уже бездумно транжирит электроэнергию. Впрочем, как знать — вдруг это своего рода прощальный марш в его честь?

Он встрепенулся. Даже кобыла навострила уши. Гордон узнал старую песенку ансамбля «Бич Бойз», которую не слышал лет двадцать, — наивную мелодию, пропитанную неувядаемым оптимизмом.

«Держу пари, что в Калифорнии тоже есть электричество, — с надеждой подумал он. — А то и...»

Воздух был пропитан ароматом весны. Воздушный шар взмыл вверх под приветственные крики толпы.

Гордон тронул бока кобылы каблуками, и этого оказалось достаточно, чтобы она пустилась

прямо с места легкой рысью. Оказавшись за пределами города, он ни разу не обернулся назад.